

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557 (print)

2018 / № 2

ISSN 2310-6794 (online)

серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по юридическим наукам (12.00.00).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Juridical Sciences (12.00.00).

ISSN 2072-8557 (print)

2018 / № 2

ISSN 2310-6794 (online)

series

JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — д. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д. пед. н., академик РАО, член Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д. псих. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д. ф. н., проф., Российский университет транспорта (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д. полит. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д. физ.-мат. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2018. — № 2. — 128 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26300.

**Индекс серии «Юриспруденция»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735**

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Юриспруденция»

Ответственный редактор серии:

Певцова Е.А. — д. ю. н., проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования, проректор по научной работе МГОУ
Заместитель ответственного редактора:

Полянский П.Л. — д. ю. н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Елисеева А.А. — к. ю. н., доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, адвокат Московской коллегии адвокатов

Члены редакционной коллегии:

Авакьян С.А. — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Агнес Кристиан Шавес Фария Александровна Дыбова** — PhD, проф., Папский католический университет (Рио-де-Жанейро, Бразилия); **Антонян Ю.М.** — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, МГОУ;

Арзамасов Ю.Г. — д. ю. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; **Гладких В.И.** — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки и образования РAE, заслуженный юрист РФ, эксперт РАН, консультант Федерального Собрания РФ, Государственный университет управления; **Гловов С.А.** — д. ю. н., проф., Международный юридический институт (г. Москва); **Гриненко А.В.** — д. ю. н., проф., Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России;

Коновалова И.А. — к. ю. н., доц., Председатель Московской областной избирательной комиссии; МГОУ; **Марченко М.Н.** — д. ю. н., проф., почётный президент Ассоциации юридических вузов России, заслуженный деятель науки РФ, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Микаэла Моравчикова** — PhD, директор института юридического факультета, Трнавский университет (Трнава, Словакия); **Рассолов И.М.** — д. ю. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина; **Рахманова Е.Н.** — д. ю. н., проф., заслуженный работник юстиции, Северо-западный филиал Российской академии правосудия (г. С.-Петербург); **Ручкина Г.Ф.** — д. ю. н., проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Савченко М.С.** — д. ю. н., проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар); **Сапогов В.М.** — к. ю. н., доц., полковник юстиции, Псковский государственный университет; **Сафонов В.Е.** — д. ю. н., проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва); **Черкасов К.В.** — д. ю. н., проф., Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Хатчинсон Самуэль Кристоф** — PhD, проф., Университет Сорбонны (Франция); **Химмельрайх Антье** — PhD, Университет Регенсбурга (Германия)

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Издание редакционной серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

— Issued 4 times a year —

Series editorial board
«Jurisprudence»

Editor-in-chief:

E.A. Pevtsova – Doctor of Juridical sciences, Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, MRSU

Deputy editor-in-chief:

P.L. Polyanskiy – Doctor of Juridical sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

A.A. Eliseeva – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Members of Editorial Board:

S.A. Avakyan – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

Agnes Christian Chavez Faria Dybova – PhD, Professor, Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil)

Yu.M. Antonyan – Doctor of Juridical sciences, Professor, MRSU

Yu.G. Arzamasov – Doctor of Juridical sciences, Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow)

V.I. Gladkikh – Doctor of Juridical sciences, Professor, Russian Federation State University of Management

S.A. Glotov – Doctor of Juridical sciences, Professor, International Law Institute under the Ministry of justice of the Russian Federation

A.V. Grinenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, MRSU

I.A. Konovalova – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, MRSU

M.N. Marchenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

Mikaela Moravchikova – PhD, Professor, Trnava University in Trnava (Slovak Republic)

I.M. Rassolov – Doctor of Juridical sciences, Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E.N. Rakhmanova – Doctor of Juridical sciences, Professor, The Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg)

G.F. Ruchkina – Doctor of Juridical sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

M.S. Savchenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, Kuban State Agrarian University (Krasnodar)

V.M. Sapogov – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, Pskov State University

V.E. Safonov – Doctor of Juridical sciences, Professor, The Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice» (Moscow)

K.V. Cherkasov – PhD in Juridical sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch: Nizhny Novgorod Institute of Management)

Hutchinson Samuel Christophe – PhD, Professor, University of the Sorbonne (France)

Himmelreich Antje – PhD, Professor, Regensburg University (Germany)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index (RSCI), has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru).

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Science council of «Bulletin of the
Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Doctor of Philological sciences, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – PhD in Philological sciences, Head of information and publication office of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – PhD in Juridical sciences, PhD in Historical sciences, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogic sciences, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychological sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophical sciences, Professor, Russian University of Transport

E.V. Klobukov – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economic sciences, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogic sciences, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – PhD in Philological sciences, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physical and Mathematical sciences, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogic sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. – 2018. – no. 2. – 128 p.

The series «Jurisprudence» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26300.

Index series «Jurisprudence» according to the Union catalog «Press of Russia» 40735

© MRSU, 2018.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2018.

The Editorial Board address:
Moscow Region State University

10A, Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

- Борисова И.Д., Ошмарин А.А.* ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ВОПРОСУ О КОНТИНУИТЕТЕ И ДИСКОНТИНУИТЕТЕ..... 8
- Бройчин Б.* ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРБИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТРОЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ АКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ..... 19

РАЗДЕЛ II.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- Теплова Д.О.* РЕАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 29

РАЗДЕЛ III.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Венгеровский Е.Л.* ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ВЕКТОРЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ..... 39
- Даутия Т.В.* ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ИНЖЕНЕРНЫХ ИЗЫСКАНИЙ, АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ, СТРОИТЕЛЬСТВА..... 49
- Морхат П.М.* ЮНИТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ЭЛЕКТРОННОЕ ЛИЦО 61
- Рабец А.М.* ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ..... 74

РАЗДЕЛ IV. УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Антонян Ю.М., Гончарова М.В. СОСТОЯНИЕ И ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ	87
Артеменко И.А. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ (ПРОБЛЕМЫ) ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОСОЗНАНИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ПРАВОСОЗНАНИИ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ 1864 Г.	101
Некоз А.С. ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО <i>SUI GENERIS</i> : ПОНЯТИЕ И ВИДЫ.....	109
Шураева Л.М. ПЕРЕХОД В РАДИКАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕЧЕНИЯ КАК ФАКТОР ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ	118

CONTENTS

SECTION I.

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, THE HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND STATE

- I. Borisova, A. Oshmarin.* THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN EMPIRE AND CONTEMPORARY RUSSIA: ON THE ISSUE OF CONTINUITY AND DISCONTINUITY 8
- B. Brojčin.* LEGAL REGULATION OF EDUCATIONAL RELATIONS IN SERBIA: CIVIL AND LEGAL ASPECTS OF CONSTRUCTION OF LOCAL ACTS OF EDUCATIONAL ORGANIZATION 19

SECTION II.

CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

- D. Teplova.* THE IMPLEMENTATION OF THE HIGHER LEGAL FORCE OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN LEGISLATIVE ACTIVITY 29

SECTION III.

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- E. Vengerovskiy.* FINANCIAL SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES: VECTORS OF LEGAL PROVISION 39
- T. Dautiya.* PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS OF SPECIALISTS IN ENGINEERING SURVEYING, ARCHITECTURE AND BUILDING DESIGN AND CONSTRUCTION 49
- P. Morkhat.* ARTIFICIAL INTELLIGENCE UNIT AS ELECTRONIC PERSONALITY 61
- A. Rabets.* THE ISSUES OF IMPLEMENTATION AND PROTECTION OF HOUSING RIGHTS OF MINORS LEFT WITHOUT PARENTAL CARE 74

SECTION IV.

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

- Y. Antonan, M. Goncharova.* PRESENT STATE AND CAUSES OF JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA 87
- A. Artemenko.* UNDERSTANDING THE CONCEPT OF CRIME IN 1864 JUDICIAL STATUTES 101

A. Nekos. INCITEMENT SUI GENERIS: CONCEPT AND TYPES	109
L. Shurayeva. TRANSITION TO RADICAL RELIGIOUS CURRENTS AS A FACTOR OF CRIMINAL BEHAVIOR DETERMINATION.....	118

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 342.723

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-8-18

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ВОПРОСУ О КONTИНУИТЕТЕ И ДИСКONTИНУИТЕТЕ

Борисова И.Д., Ошмарин А.А.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация*

Аннотация. Цель: Авторами посредством проведённого исследования предпринимается попытка выявить общности и особенности процессов формирования гражданского общества в России в начале XX в. и на рубеже XX и XXI вв., т. к. процесс становления современного гражданского общества в России претерпел два глобальных этапа, разделённых семидесятилетней историей советского государства и общества, предполагающей несколько иную модель исследуемого объекта.

Методы исследования: В исследовании используются исторический метод, метод системного и комплексного анализа, а также сравнительно-правовой.

Результаты исследования: Научное исследование проблемы позволило раскрыть новое понимание преемственности постсоветского этапа развития гражданского общества. На основе конкретных фактов авторами излагаются выводы о разрыве указанной преемственности и различии экономических, социальных, политических и духовных факторов, детерминировавших формирование и развитие гражданского общества в России.

Теоретическая/практическая значимость: Основные выводы авторов могут быть использованы в учебной литературе по истории права и государства.

Новизна: Авторами представлены теоретические модели гражданского общества и их реализация в конкретно-исторических условиях.

Ключевые слова: гражданское общество, элементы гражданского общества, имперская Россия, политические партии, общественные объединения.

© СС ВУ Борисова И.Д., Ошмарин А.А., 2018.

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN EMPIRE AND CONTEMPORARY RUSSIA: ON THE ISSUE OF CONTINUITY AND DISCONTINUITY

I. Borisova, A. Oshmarin

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
87, Gorky st., Vladimir, 600000, Russian Federation*

Abstract. Objective. Based on the conducted research the authors attempt to identify the generality and features of the processes of civil society formation in Russia in the early 20th century and at the turn of the 20th and 21st centuries, since the process of the formation of modern civil society in Russia has undergone two global stages separated by the seventy-year history of the Soviet state and society, which assumes a somewhat different model of civil society.

Research methods. The article uses historical method of scientific research, method of systemic and complex analysis and comparative-legal method.

Results of the research. Scientific research of the problem allowed the authors to discover a new understanding of the continuity of the post-Soviet stage of civil society development. On the basis of concrete facts, the authors make a conclusion on discontinuity in the development of civil society in Russia and the differences in economic, social, political and spiritual factors that determined its formation and development.

Theoretical / practical significance. The main findings of the authors can be used in textbooks on the history of law and the state.

Novelty. The authors present theoretical models of civil society and their implementation in concrete historical conditions.

Key words: civil society, elements of civil society, imperial Russia, political parties, public associations.

Вопрос о времени, этапах формирования и преемственности развития гражданского общества в России был и по сей день остаётся дискуссионным. Объясняется это прежде всего тем, что сама категория “гражданское общество” достаточно абстрактна. Конечно, в современной теории права существуют определения, структура, признаки этого явления, но множественность теоретических концепций гражданского общества и их интерпретаций (политическое общество в англо-саксонской трактовке, буржуазное общество в германской философской традиции и др.) лишний раз доказывает

спорность и актуальность проблемы в современной науке.

Процесс становления современного гражданского общества в России претерпел два глобальных этапа, разделённых семидесятилетней историей советского государства и общества, предполагающей несколько иную модель гражданского общества. В этой связи особый интерес представляет вопрос о преемственности постсоветского этапа его развития [5; 12].

Историография вопроса достаточно обширна. Она представлена публикациями исследований концепций гражданского общества (К.А. Струсь «Раз-

витие идеи гражданского общества в истории социально-философской и политической мысли»; В.В. Вострикова «Либеральная концепция формирования гражданского общества в России: от теории к практике»), становления и развития отдельных элементов гражданского общества (А.С. Туманова «Общественность и формы её самоорганизации в имперской России конца XVIII – начала XX века»; Дж. Брэдли «Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в поздней имперской России»; Б.И. Королёв «Элементы гражданского общества в России в условиях политического кризиса начала XX века»; М.В. Исакова «Основные тенденции развития гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XXI вв.»; В.Н. Шаповалов «Зарождение и развитие гражданского общества в России в поздней имперский период»; Е.Ю. Казакова-Апкаримова «Моделирование гражданского общества в современном историографическом дискурсе»; Н.А. Проскурякова «Политическая модернизация и формирование гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX века»), а также работами, в которых предпринята попытка комплексного исследования эволюции данного института не только в постсоветский период, но и в поздней имперский («Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX вв.» (под ред. А.С. Тумановой), Б.Н. Миронов «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства»).

Источниковую базу исследования составили Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», Основные государственные законы Российской империи, Временные правила (о временных изданиях, об обществах и союзах, о собраниях, о неповременной печати и др.), а также Конституция Российской Федерации 1993 г., законодательные акты постперестроечной России (о кооперации, о собственности, о приватизации, об общественных объединениях, о политических партиях, о защите конкуренции и др.).

Целью статьи является попытка установления общности и особенностей процессов формирования гражданского общества в России в начале XX в. и на рубеже XX и XXI вв.

В современной историко-правовой науке вопрос о начале возникновения и развитии элементов гражданского общества в России является спорным, на данный момент по нему нет единой точки зрения. Одни учёные (напр., Б.Н. Миронов [6; 7], А.С. Туманова [9; 10]) связывают их появление с проведением политики “просвещённого абсолютизма” Екатериной II и попыткой приспособления старых феодальных отношений к зарождающимся буржуазным, капиталистическим (вторая половина XVIII в.). Другие (Л.Г. Захарова [1, с. 164]) считают “поворотным пунктом” эпоху Великих реформ Александра II, которая дала новую основу модернизации России – освобождённый от крепостного права труд, развитие частной инициативы, деятельность органов городского и земского самоуправления и др. Третьи относят появление элементов гражданского общества в России к периоду револю-

ции 1905–1907 гг. и последующих преобразований (В.Г. Хорос [12]).

По-разному оценивается и состояние гражданского общества в России на различных этапах его развития. Так, говоря о позднеимперском периоде, можно встретить самые противоположные точки зрения: от формирующегося или сформировавшегося гражданского общества до полного отрицания его существования.

В начале XX в. под гражданским обществом понимали спонтанное, вольное сотрудничество, свободное взаимодействие индивидов на основе общественного единства [10, с. 426]. В этой связи элементами гражданского общества в начале XX в. считались добровольные, самоуправляющиеся общности людей, т. е. организации, совокупность негосударственных общественных отношений, частная жизнь людей, самоуправление свободных индивидов и их организаций, охраняемые законом от вмешательства государства.

Такие элементы гражданского общества должны были получить определённые условия для своего существования. Главным условием существования уже действующих и готовых к работе элементов гражданского общества должны быть в первую очередь официальное признание и защита естественных прав человека (на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, частную собственность и т. д.), дальше – равенство всех перед законом и судом, реализация принципа разделения власти, отсутствие произвола власти, легитимность и наличие оппозиции, свобода слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенность личности, частной собственности, в

целом – власть закона, существование правового государства. Все основные демократические принципы должны были существовать для того, чтобы элементы, появившиеся в начале XX в., могли укрепиться и действовать в полной мере.

Но законодательство начала XX в. не способствовало этим условиям формирования гражданского общества. Вплоть до 17 октября 1905 г. фактически признание естественных прав человека (прав первого поколения) в российском законодательстве отсутствовало. Именно Манифест стал первым шагом к юридическому признанию со стороны властных структур этих прав. В России до 1905 г. господствовал сословный принцип защиты прав, сохранение сословной лестницы противоречило возможности существования элементов гражданского общества.

Манифест 17 октября – вынужденная уступка со стороны самодержавного правительства и царской власти революционному движению, разраставшемуся в российском государстве, вынужденная уступка признания естественных прав каждого человека, равенства прав каждого индивида в государстве и равенство их перед законом. Фактически был введён принцип всесословного равенства.

Манифестом подарили эти свободы, но механизма реализации этих свобод в России ещё пока не существовало, поэтому законодательство должно было развиваться, совершенствоваться, но этот механизм так и не был сформирован.

С принятием Манифеста 17 октября 1905 г. и Основных государственных законов Российской империи

1906 г. связано начало активного формирования элементов гражданского общества.

Сформировалась широкая сеть общественных организаций, работавших в разных областях. До начала XX в. фактически единственной законодательной нормой, закреплявшей возможность создания общественной организации, была ст. 64 Устава благочиния, или полицейского 1782 г. Свободы союзов не существовало, они создавались разрешительным (концессионным) порядком. Общества, возникавшие без разрешения соответствующего министерства, независимо от целей и методов их деятельности признавались законом тайными и уже потому преступными и влекли наложение наказаний (вплоть до уголовных).

Однако уже к началу XX в. в России действовали несколько тысяч обществ (литературных, научных, благотворительных, юридических и т. д.), а после первой русской революции, как отмечает А.С. Туманова, «...ежегодно образовывались более тысячи ассоциаций». Корпоративные иерархические институты феодально-сословного строя, основанные на принципе принудительного участия, сменялись новыми, автономными, самоорганизованными и самоуправляющимися обществами, добровольно организованными, ориентированными на равенство возможностей, самофинансирование, выборность, принятие совместных решений и т. д. [9, с. 51].

При этом не нужно забывать о ещё одних институтах общественного строя, которые во многом предопределили в будущем возможность формирования элементов гражданского

общества, таких как церковь, семья, община. Как указывает Б.Н. Миронов, к началу XX в. в Российской империи существовало большое количество добровольных ассоциаций, связанных с церковью (различные религиозные братства, исторические церковные общества и др.) [6, с. 142]. Как особую всеобщую общественную организацию верующих он выделяет церковный приход.

Идея общинного уклада была настолько внедрена в сознание русского человека, что от общины не могли отказаться даже в момент освобождения от крепостного права. В основе – общинная психология, она предопределяла необходимость людям объединяться, создавать общественные объединения с определёнными целями и задачами, которые должны были выражать их интересы на общем уровне. Наиболее ярко это проявилось после столыпинской аграрной реформы, следствием которой стало широкое распространение кооперативных форм объединения.

Ещё один элемент – это само общество. В начале XX в. сам термин “общество” не являлся правовой категорией и к нему причисляли не всех людей, которые проживали на территории государства, а только обладателей определённого имущества или же образованных. Оно дистанцировало себя от народа, не являлось выразителем народных интересов в целом.

Следующий элемент – полусвободная пресса. В канун первой русской революции цензурное законодательство было кодифицировано в Уставе о цензуре и печати. Печать продолжала оставаться под жёстким и в известной мере произвольным надзором цензо-

ров. Малейшие нарушения влекли за собой административную ответственность авторов и издателей. Нарушениям постановлений о печати были посвящены целая глава Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и ряд статей Уголовного уложения 1903 г. Взыскания налагались по любому поводу: за “вредное” направление издания, за “вредную” статью или за дискредитацию должностных лиц и государственных органов.

Манифест 17 октября 1905 г. и Временные правила о повременных изданиях 1905 г. значительно облегчили положение печати. Была ликвидирована предварительная цензура для всех периодических изданий, выходящих в городах, отменены административные взыскания, министр внутренних дел лишился права воспрещать обсуждение в печати какого-либо вопроса, отменены правила о залогах для периодических изданий и некоторые другие ограничения.

Одним из ключевых элементов гражданского общества является существование и деятельность политических партий.

На рубеже XIX–XX столетий происходят активные процессы генезиса, развития и деятельности политических партий. Первыми организационно оформились социал-демократические объединения. Были созданы «Рабочий союз» (в Москве в 1894 г.) и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (в 1895 г. в Петербурге), а в 1898 г. в Минске прошёл первый съезд «Российской социал-демократической рабочей партии» (хотя организационное оформление произошло позже – на втором съезде в Лондоне в 1903 г.), которая стала отстаивать

интересы рабочего класса. В 1902 г. на базе ранее существовавших народнических организаций была учреждена Партия социалистов-революционеров (эсеры), претендовавшая на роль выразителей интересов крестьянства. На базе земств начинается оформление либеральных организаций. С 1900 г. земская оппозиция регулярно проводит свои съезды, по итогам которых в 1902 г. возник «Союз освобождения», на основе которого позже была организована партия кадетов. В 1903 г. в Москве состоялся съезд земских конституционалистов, которые впоследствии организовали «Союз земцев-конституционалистов». Их программные установки включали уничтожение самодержавия, проведение демократических политических реформ, создание органов народного представительства. Они же создают первые конституционные проекты (проект С.А. Муромцева и Ф.Ф. Кокошкина, проект «Союза освобождения» и др.).

Первоначально все эти организации носили нелегальный характер. Манифест 17 октября и Основные государственные законы 1906 г. провозгласили свободное создание политических партий. Следствием стало формирование первой российской многопартийности, или мультипартийности.

Таким образом, к началу XX в. в Российской империи было уже достаточно элементов гражданского общества. Существуют добровольные общественные организации, критически мыслящая общественность, сформировано общественное мнение, с которым государственная власть вынуждена считаться, существует полусвободная пресса, т. к. довлела цензура

ра (будет отменена только в 1905 г.), сформированы основные политические партии. Можно сказать, что уже сформировался механизм, который обеспечивал передачу общественных требований властным структурам. Общественные организации оказывали добровольную активную поддержку государственным органам (например, в период борьбы с голодом в 1891–1892 гг., в период Первой мировой войны). Были созданы представительные учреждения (Государственная дума), намечена программа построения правового государства (пакет законопроектов П.А. Столыпина).

Однако процесс зарождения и формирования элементов гражданского общества носил сложный, противоречивый и фрагментарный характер, т. к. на фоне всех перечисленных элементов гражданского общества господствовало самодержавие. Оно являлось политическим ядром империи как социально-политической системы, и это во многом предопределило специфические черты тех или иных элементов гражданского общества.

После огромного перерыва в существовании гражданского общества в России (с октября 1917 г. по 1990-е гг.), связанного с господством тоталитарного режима и командно-административной системы, построением социалистического государства, приведшего к системному кризису, начался период бурных реформ во всех областях жизни страны – экономической, политической, социальной, правовой, которые детерминировали формирование и развитие элементов гражданского общества.

В идеологию перестройки были включены либерально-демократиче-

ские принципы (разделения власти, представительной демократии (парламентаризма), защиты прав и свобод человека и др.). На XIX партконференции впервые была провозглашена цель создания в СССР гражданского (правового) общества [4].

Под гражданским обществом в этот период понимается совокупность независимых, преследующих свои цели индивидов и их объединений, складывающихся на этой основе политических, правовых, экономических, социальных отношений, а также соответствующих им институтов, посредством которых обеспечивается жизнедеятельность людей [3, с. 101]. Оно представляет собой «систему негосударственных горизонтальных связей и отношений, основанных на принципах демократического конституционного строя, нацеленных на сбалансированное сочетание и защиту законных прав, свобод и интересов граждан, общественных объединений и государства, при условии господства права и верховенства закона во имя благополучия и процветания» [2, с. 46].

Законодательные акты, которые были приняты во второй половине 80-х гг., были направлены на либерализацию всех сфер общественной жизни, но в первую очередь – экономической и политической.

Основное направление изменений в экономике – переход от административных методов руководства к рыночным, к демократизации управления предприятиями. Были возрождены товарные и товарно-сырьевые биржи, ликвидирован Государственный комитет по материально-техническому снабжению СССР, установлен полный хозрасчёт. В 1988 г. был принят закон

«О кооперации», который стимулировал предпринимательскую инициативу, способствовал возрождению предпринимательской деятельности. Развивались арендные отношения, законодательство практически не ограничивало ни круга арендаторов (от советских физических и юридических лиц до иностранных), ни объектов аренды. Затем были приняты законы «О собственности» и «О разгосударствлении и приватизации промышленных предприятий». Всё это способствовало либерализации экономической сферы, активизации предпринимательской деятельности и началу активного процесса накопления капитала, формированию частного сектора в экономике.

Основными принципами перестройки в политической сфере стали демократизация и гласность. Была провозглашена свобода печати, отменена цензура. Советским людям стали доступны многие ранее запрещённые произведения как теоретиков и практиков большевизма, объявленных в своё время «врагами народа», так и деятелей русской эмиграции различных поколений. На страницах печати начинают обсуждаться актуальные вопросы общественной и государственной жизни, наиболее «спорные» периоды истории советского государства.

В рамках демократизации происходило оформление политического плюрализма, возрождалось многопартийность. В 1989–1990 гг. появляются первые политические партии, причём не союзного значения, а республиканского. К 1991 г. были сформированы основные политические партии и блоки – Демократический союз, Демократическая Россия, ЛДПР, Народная

партия свободной России и др. Формируется оппозиция. Однако большинство созданных партий были многочисленными и не имели чёткой программы действий и идеологии. Неопределённость цели деятельности, борьба за лидерство внутри партий и невысокий уровень политической культуры вели к расколу, а впоследствии и к исчезновению многих партий.

В 1990 г. была отменена ст. 6 Конституции о руководящей роли партии во всех сферах общественной жизни.

Высшим органом государственной власти в стране становится Съезд народных депутатов СССР. Изменяется избирательное законодательство – выборы впервые проводятся на альтернативной основе. Начинается процесс отделения партийных органов от государственных, в связи с чем был учреждён пост Президента СССР.

После распада СССР в 1991 г. процесс формирования элементов гражданского общества не только не замедлился, но и получил дальнейшее развитие. 12 декабря 1993 г. были приняты Конституция Российской Федерации, а также ряд федеральных конституционных и федеральных законов, которые закрепили основные права и свободы человека и гражданина и гарантировали их защиту, многопартийную политическую систему, основанную на политическом и идеологическом плюрализме, свободу слова, печати, свободную деятельность средств массовой информации, создание и деятельность негосударственных общественных и неправительственных организаций в различных сферах жизнедеятельности общества, обеспечение, поддержку и защиту местного самоуправления, многообразие форм

собственности и свободу предпринимательской деятельности.

Таким образом, можно заключить, что в Российской империи, несмотря на наличие многих элементов, широкой сети добровольных общественных организаций, критически мыслящей общественности, полусвободной прессы, представительных организаций, активной деятельности политических партий, формирование отдельных институтов правового государства – гражданское общество так окончательно и не сформировалось. Общественные ассоциации создавались и действовали в условиях законодательно закреплённого социального неравенства (сословность, подданство) и носили “элитарный” характер, в них редко участвовали представители крестьянства, мещан, пролетариев, т. к. это требовало определённых средств, уровня грамотности, воспитания. Эти организации в большинстве своём были региональными, и только в условиях Первой мировой войны появляются объединения всероссийского масштаба. Не сформировалась массовая культура, существовал конфликт между элитарной политической культурой, ориентированной на западные ценности, и народной, традиционной

культурой, утверждавшей противоположные нормы и ценности.

В результате общественность не смогла найти выход из системного кризиса, охватившего все стороны жизнедеятельности России в 1917 г., и после Октябрьской революции возвращение к идее гражданского общества происходит лишь в 80-е гг. в связи с началом процессов перестройки и реформирования социализма. Была создана законодательная база и обеспечены гарантии формирования и развития элементов гражданского общества, они стали наполняться реальным содержанием и обеспечили переход от командно-административной системы к демократической. Но происходили эти процессы уже в условиях существования социально однородного общества, в котором трудящиеся были отчуждены от средств производства, отсутствовала частная собственность, существовавшие общественные организации контролировались партией-государством, отсутствовал политический плюрализм. Разрыв в преемственности развития гражданского общества и возвращение к модели минимального вмешательства государства в его деятельность обусловили появление новых форм общественной самоорганизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–167.
2. Калашников С.В. К вопросу о формировании гражданского общества в современной России // Юридическая наука. 2013. № 3. С. 45–50.
3. Королёв Б.И. Элементы гражданского общества в России в условиях политического кризиса начала XX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 101–104.
4. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. М.: Политиздат, 1988. 160 с.

5. Медушевский А.Н. Самоорганизация российской общественности // Полис. Политические исследования. 2013. № 1. С. 164–169.
6. Миронов Б.Н. Гражданское общество в поздней имперской России: было или не было? // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 141–150.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 2. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 583 с.
8. Певцова Е.А. Роль институтов гражданского общества в обеспечении правовой защиты детей и молодежи // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2014. № 4. С. 124–129.
9. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX вв. / отв. ред. А.С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011. 887 с.
10. Туманова А.С. Общественность и формы её самоорганизации в имперской России конца XVIII – начала XX века // Российская история. 2007. № 6. С. 50–63.
11. Франк С.Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию // Русское зарубежье (Власть и право: из истории социальной и правовой мысли). СПб.: Лениздат, 1991. С. 425–429.
12. Хорос В.Г. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 312 с.

REFERENCES

1. Zakharova L.G. [The Great Reforms of 1860–1870s: a Turning Point in Russian History?]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National History], 2005, no. 4, pp. 151–167.
2. Kalashnikov S.V. [To the Issue of Civil Society Formation in Modern Russia]. In: *Yuridicheskaya nauka* [Jurisprudence], 2013, no. 3, pp. 45–50.
3. Korolev B.I. [Elements of Civil Society in Russia in the Conditions of Political Crisis in the Early Twentieth Century.]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky], 2014, no. 3 (2), pp. 101–104.
4. *Materialy XIX Vsesoyuznoi konferentsii Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuzha, 28 iyunya 1 iyulya 1988 g.* [Proceedings of the 19th All-Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union. June 28–July 1, 1988]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 160 p.
5. Medushevsky A.N. [Self-Organization of the Russian Public]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political Studies], 2013, no. 1, pp. 164–169.
6. Mironov B.N. [Civil Society in Late Imperial Russia: Was or Was Not?]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2014, no. 1, pp. 141–150.
7. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.). Genезis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. T. 2* [Social History of Imperial Russia (18th – Early 20th Centuries). Genesis of the Individual, Democratic Family, Civil Society and the Rule of Law. Vol. 2]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2003. 583 p.
8. Pevtsova E.A. [The Role of Civil Society Institutions in Ensuring Legal Protection of Children and Young People]. In: *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki* [Fundamental and Applied Research of the Cooperative Sector of Economy], 2014, no. 4, pp. 124–129.
9. Tumanov A.S., ed. *Samoorganizatsiya rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII – nachale XX vv.* [Self-Organization of the Russian Society in the Last Third of the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 887 p.

10. Tumanova A.S. [The Public and Forms of Self-Organization in Imperial Russia in the Late 18th – Early 20th Centuries]. In: *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2007, no. 6, pp. 50–63.
 11. Frank S.L. [The Spiritual Foundations of Society: Introduction to Social Philosophy]. In: *Russkoe zarubezh'e (Vlast' i pravo: iz istorii sotsial'noi i pravovoi mysli)* [The Russian Diaspora (the Power and the Law: From the History of Social and Legal Thought)]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1991, pp. 425–429.
 12. Khoros V.G. *Grazhdanskoe obshchestvo. Mirovoi opyt i problemy Rossii* [Civil Society. World Experience and Problems of Russia]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1998. 312 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых;
e-mail: idborisova@gmail.com

Ошмарин Александр Александрович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых;
e-mail: oshmarin_aa@mail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina D. Borisova – Doctor of Law, professor, head of the Department of Theory and History of State and Law, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;
e-mail: idborisova@gmail.com

Alexander A. Oshmarin – associate professor at the Department of Theory and History of State and Law, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;
e-mail: oshmarin_aa@mail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Борисова И.Д., Ошмарин А.А. Формирование и развитие гражданского общества в Российской империи и современной России: к вопросу о континуитете и дисконтинуитете // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 8-18
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-8-18

FOR CITATION

Borisova I.D., Oshmarin A.A. The Formation and Development Of Civil Society in the Russian Empire and Contemporary Russia: On the Issue of Continuity and Discontinuity. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 8-18
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-8-18

УДК 343.97

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-19-28

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРБИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТРОЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ АКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Бройчин Б.*Белградский университет**11000, г. Белград, Студенческая пл., д. 1, Республика Сербия*

Аннотация. Цель: В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере образования Сербии с целью выявления наиболее эффективных методик разработки нормативных актов. Автор раскрывает опыт работы по созданию локальных актов образовательной организации и применению индивидуальных образовательных планов в Республике Сербии в контексте обеспечения качественного образования учеников, нуждающихся в дополнительной поддержке.

Методы исследования: В исследовании используются исторический метод научного исследования, метод системного и комплексного анализа, а также сравнительно-правовой.

Результаты исследования: рассмотрены типы локальных актов, юридические и педагогические ошибки, возникающие в процессе их разработки, описываются актуальные вопросы эффективности реализации локальных актов и обеспечения их мониторинга. Автором представлены некоторые проблемы, наблюдаемые в ходе реализации нормативных актов Сербии.

Теоретическая/практическая значимость: Основные выводы авторов могут быть использованы в учебной литературе по теории права.

Новизна: В процессе исследования сделан вывод о том, что образовательный план может способствовать инклюзивности образования, но его масштаб не следует переоценивать. В каждой стране мира указанный нормативный документ должен создаваться только в соответствии с собственными особенностями правового регулирования образовательного процесса.

Ключевые слова: локальные акты, правовое регулирование образовательного процесса, индивидуальный образовательный план, индивидуальные образовательные программы, инклюзивное образование, Сербия.

LEGAL REGULATION OF EDUCATIONAL RELATIONS IN SERBIA: CIVIL AND LEGAL ASPECTS OF CONSTRUCTION OF LOCAL ACTS OF EDUCATIONAL ORGANIZATION

B. Brojčin*University of Belgrade**1, Studencheskaja sq., Belgrade, 11000, Republic of Serbia*

Abstract. Objective. The article deals with current problems of legal regulation of relations in the sphere of education of Serbia in order to identify the most effective methods for developing normative acts. The author reveals the experience of creating local acts of the educational organization and the implementation of individual educational plans in the Republic of Serbia in the context of providing quality education to students who need additional support.

Research methods. The article uses historical method of scientific research, method of systemic and complex analysis and comparative-legal method.

Results of the research. The article describes the types of local acts, legal and pedagogical errors that arise in the process of their development, topical issues of the effectiveness of implementing local acts and ensuring their monitoring. The author raises some problems observed during the implementation of the normative acts of Serbia.

Theoretical / practical significance. The author's main findings can be included into textbooks on the theory of law.

Novelty. The author concludes that the educational plan can promote inclusiveness of education, but its scale should not be overestimated. In every country this normative document should be created only in accordance with national peculiarities of the legal regulation of educational process.

Key words: individual educational plan, individual educational program, inclusive education, Serbia.

Введение

Правовое регулирование образовательных отношений представляет большой интерес для юридической общественности. До настоящего времени не прекращаются споры о том, является ли образовательное право самостоятельной отраслью права или выступает исключительно как институт гражданского права, хотя и достаточно мощный и глубоко продуманный [1; 2; 3]. Индивидуальные эдукативные (образовательные) планы или программы (далее ИЕП (*Individualized Educational Plan or Program*)) лежат в основе многих современных законов о специальном образовании¹. Документ ИЕП

разработан для учащегося, нуждающегося в специальной поддержке в образовании, и описывает индивидуализированные цели, адаптации, услуги, которые будут предоставлены, и включает меры по отслеживанию успеваемости учащихся [8]. В этих документах чётко описываются степень и интенсивность специального образования и сопутствующих услуг, которые необходимы для учащихся с нарушениями развития. Считается, что эти документы основаны на идеях начала 70-х гг. прошлого века, что между родителями учеников с нарушениями интеллекта и местной администрацией, отвечающей за специальное образование, за-

¹ Термин «Индивидуальный эдукативный (образовательный) план или программа» (ИЕП) ниже будет использоваться для рассмотрения международных документов, а термин «Индивидуальный образовательный план» (ИОП) будет использоваться при рассмотрении сербского документа аналогичной цели.

Команда, которая занимается созданием, мониторингом и обзором индивидуальных образовательных программ, также будет обозначена для англоговорящей области обычными сокращениями «ИЕП команда», а термин «группа дополнительной поддержки» будет использоваться при рассмотрении сербских документов.

ключаются контракты, в которых обе стороны соглашаются с целями и задачами программы поддержки [12].

Официально он упоминается как «Образование для всех: Нормативный акт о детях с недостатком» (Education for All: The Handicapped Children's Act) [9], который был принят в 1975 г. в Америке, и гласит, что ни одному ребёнку с нарушениями развития не может быть отказано в специальном образовании, предназначенном для удовлетворения потребностей, которые появляются как следствие нарушения. ИЕП становится средством, с помощью которого этим детям будет предоставлено бесплатное и соответствующее государственное образование [12].

Процесс создания ИЕП начинается с направления, оценки и определения того, соответствует ли ребёнок критериям получения специальных образовательных услуг. Оценка определяет проявление и степень потребностей, возникающих в результате нарушения [8; 10].

Когда устанавливается квалификация, команда ИЕП, проинформировав и добившись согласия родителей, планирует специальную образовательную программу и связанные с ней услуги (которые считаются услугами, необходимыми для того, чтобы дети могли извлечь пользу от специального образования), целью которых является сокращение или устранение влияния нарушения на образование учащегося. Определяются цели, задачи и критерии оценки. Будут указаны интенсивность услуг, а также и необходимая квалификация персонала, который будет предоставлять эти услуги. Наконец, команда ИЕП должна определить окружение, в котором будут предо-

ставляться запланированные услуги. Услуги предоставляются в наименее ограничивающем окружении. Это означает, что ребёнок с нарушением будет в наибольшей степени получать образование среди детей с типичным развитием [17].

Эта американская модель оказала большое влияние, поэтому ИЕП во многих странах занимает ключевое место среди нормативных актов, касающихся специального образования. Хотя разные страны имеют разные названия (согласованные планы образования, программы коррективной образования, индивидуальные планы обучения, индивидуальные программы вмешательства, контролируемые планы), суть практически одна. Например, британский ИЕП обычно содержит: образовательные цели, образовательную поддержку, которая необходима для достижения целей, материалы, которые будут использоваться, и то, как регулярная учебная программа будет адаптирована, чтобы соответствовать потребностям ребёнка [14].

Несмотря на популярность и широкое распространение, использование ИЕП подверглось критике в нескольких аспектах. Первоначально, считается, что настаивание на бихевиоральном подходе и измеримых целях может опустить восприятие обучения на уровень линейного добавления небольших частей информации или навыков [10; 11; 13]. Помимо недовольно доказанной эффективности беспокойство также вызывает и то, что школы предпочтут увеличить объём поддержки для учащихся с нарушениями через ИЕП вместо того, чтобы прилагать усилия и обеспечи-

вать высококачественное обучение для всех учеников. Отчасти проблема заключается в том, что ИЕП часто используется для выделения ресурсов или в качестве юридического документа, а не как средство для планирования образования [15; 16].

Индивидуальный образовательный план

Законодатели в Сербии выбрали термин “Индивидуальный образовательный план” (ИОП).

Право на ИОП имеют дети, ученики и взрослые, которым необходима дополнительная поддержка в образовании и обучении из-за социальной депривации, нарушений развития, инвалидности, трудностей обучения, риска преждевременного покидания школы и других причин. Кроме того, ученику, который добивается результатов, превышающих ожидаемый уровень образовательных достижений, учреждение обеспечивает адаптацию способа достижения школьной программы и составление, принятие и реализацию индивидуального образовательного плана [12; 14].

Целями ИОП являются оптимальное развитие детей и учеников и достижение результатов образования и обучения в соответствии с установленными целями и принципами, т. е. выполнение образовательных потребностей ребёнка и ученика [6]. Преподаватель при планировании своей деятельности в классе согласовывает свой план с планом ИОП, составленным для ученика [5].

ИОП создаёт команду для дополнительной поддержки, а в школе она состоит из классного руководителя или

преподавателя-предметника, старосты класса, сотрудника-эксперта и родителя. Кроме того, предусматривается и возможность включения в команду парапрофессионалов, таких как педагогический ассистент или личный помощник, по предложению родителей. Родитель должен согласиться с реализацией ИОП [6], в противном случае работа продолжается только путём реализации мер индивидуализации [7]. В первом году после поступления в школу ИОП составляется и оценивается каждые три месяца, а в каждом последующем году два раза в течение учебного года [6].

Содержание ИОП

ИОП устанавливает:

1. ежедневное расписание уроков в классе и работы с лицом, предоставляющим ученику дополнительную поддержку, а затем планирование работы в специальной группе, обеспечивающей дополнительную поддержку ученику, а также периодичность такой поддержки;
2. цели учебно-педагогической работы;
3. специальные стандарты достижений и адаптированные стандарты для некоторых или для всех предметов с объяснением отклонения от особых стандартов;
4. индивидуальные программы по предметам, т. е. содержание предметов, которые обрабатываются в классе и работе с дополнительной поддержкой;
5. индивидуальный способ работы преподавателей, т. е. индивидуальный подход, адаптированный к типу нарушения [5].

Разработка ИОП

Разработка ИОП задумана как процесс, при котором отдельные шаги не могут быть пропущены. Преподаватели и сотрудники-эксперты отслеживают развитие и продвижение учеников в процессе обучения и развитие навыков обучения, социального развития, развития коммуникации и самостоятельности. Если ученик не достигает ожидаемых результатов или его результаты значительно превышают ожидания, собираются данные для формирования документации для обеспечения соответствующей поддержки. Подчеркивается, что данные должны собираться из разных источников (родители, эксперты вне школы, которые хорошо знают ученика, сверстники, сам ученик), используя различные методы (систематическое наблюдение, тесты, интервью, опросные листы). При необходимости медицинские записи также являются неотъемлемой частью документации. Принимая во внимание все собранные данные, сотрудник-эксперт в сотрудничестве с преподавателем разрабатывает *педагогический профиль ученика*. Педагогический профиль должен дать чёткий обзор образовательной ситуации ученика, поскольку он устанавливает области, в которых будет предоставляться дополнительная поддержка, а также способы устранения физических и коммуникационных барьеров.

Основываясь на педагогическом профиле, конципируется *индивидуализированный способ работы*, т.е. определяются области, в которых будет предоставляться дополнительная поддержка, а также способы преодоления физических и коммуникационных

барьеров. Устранение этих препятствий достигается путём:

1. приспособления пространства и условий, в которых происходит деятельность (устранение физических барьеров, разработка дополнительных и специальных форм деятельности, создание специального графика деятельности);

2. адаптации методов работы, учебных материалов и пособий и дидактических материалов, особенно при введении нового содержания, методов задания задач, скорости отслеживания и темпа прогресса, методов принятия содержания, тестирования знаний, организации обучения, установления правил поведения и коммуникации [7].

Индивидуализированный режим работы выполняется во время регулярной работы в классе и не предполагает обязательного ведения особой документации.

В случае, если ученик, несмотря на применение индивидуального метода работы, не достигнет соответствующих образовательных результатов в связи с нарушениями развития и инвалидности, или если ученик благодаря своим исключительным способностям может достичь или уже достигает результатов выше уровня общих и специальных стандартов, иницируется процедура разработки ИОП.

Типы ИОП

ИОП разрабатывается в соответствии с образовательно-воспитательными потребностями ребёнка и ученика и может основываться на:

1. адаптации режима работы, условий проведения образовательно-

воспитательной работы, а также изучения языка, на котором проводится образовательно-воспитательная работа (ИОП1);

2. адаптации целей, содержания и метода реализации учебных программ и обучения и результатов образовательно-воспитательной работы (ИОП2). Этому ИОП-у предшествуют принятие, применение и оценка вышеупомянутого типа ИОП, а также получение мнения межведомственной комиссии для оценки потребностей в дополнительной образовательной, здравоохранительной и социальной поддержке ребёнка-учащегося¹. Исключительно, кроме учебной программы, может быть изменён и учебный план, исходя из мнения Межведомственной комиссии;

3. расширении и углублении содержания образовательно-воспитательной работы для ученика с исключительными способностями (ИОП3) [6].

Количество учеников в классе (который, как правило, может иметь до 30 учеников) сокращается на двух учащихся за каждого зачисленного учащегося с нарушением развития или на трёх учащихся, когда в классе находится ученик с нарушением развития, который работает в соответствии с индивидуальным образовательным планом с адаптированными стандартами.

Опрос Министерства образования, науки и технологического развития по выборке из четырёх пятых начальных и средних школ в Сербии показывает,

¹ Межведомственная комиссия формирует на уровне местного самоуправления, чтобы координировать предоставление дополнительной поддержки ребёнку / ученику, в целях гармонизации функционирования системы образования, здравоохранения и социальной системы.

что около 7000 детей в обычных школах работают в соответствии с индивидуальным образовательным планом, из которых 2500 детей находятся в форме этого плана, который включает в себя адаптацию учебных стандартов, в то время как в других случаях речь идёт только об устранении физических и коммуникационных барьеров [4].

ИОП как индивидуальный режим работы реализуется в рамках регулярных занятий в классе. Однако предусматривается, хотя и в исключительных случаях, что он также может быть выполнен за пределами класса, если это продиктовано потребностями учащегося. Если применение ИОП требует дополнительного финансирования, школа направляет письменный запрос в Межведомственную комиссию. Во время внедрения ИОП ученик оценивается в соответствии с требованиями, установленными в ИОП. Аналогичным образом окончательный экзамен соответствует предусмотренной программе, но с корректировками, предложенными и объяснёнными командой поддержки [7].

Решение о дальнейшем применении, внесении поправок или дополнений в ИОП или прекращении необходимости в ИОП должно быть принято в соответствии с достигнутыми результатами. Если будет установлено, что запланированные мероприятия соответствуют потребностям учащегося или что результаты можно ожидать после определённого периода времени, осуществление ИОП будет *продолжаться*, а это решение должно сопровождаться согласием родителя. Решение *прекратить необходимость в ИОП* принимается, если будет оценено, что для адекватного прогресса

ученика будет достаточно индивидуализации обучения. До этого решения следует проконсультироваться с учеником с учётом его зрелости и лет. *Изменение ИОП* выполняется, если учащийся достиг запланированных результатов ранее, не может достичь этих результатов или если происходят изменения в поведении ребёнка и его окружении [7].

После почти десятилетия реализации ИОП в Сербии возникают некоторые сомнения и необходимость изменения и дополнения действующего законодательства. Некоторые из этих вопросов касаются категории детей/учеников, для которых должны создаваться ИОП (например, мигранты, дети, которым грозит риск преждевременного покидания школы). Затем, поскольку процедура разработки ИОП не может быть начата без согласия родителя, как действовать в тех случаях, когда отказ родителя противоречит наилучшим интересам ребёнка. Аналогичным образом существует потребность в более чётком определении прохода ученика через систему обра-

зования: от специального к обычному и от обычного к специальному образованию. Возникают вопросы, связанные с оценкой учащихся по ИОП, а также с отслеживанием и финансированием дополнительной поддержки в образовании.

Заклучение

Накопленный опыт применения индивидуализированных программ в Сербии доказывает, что речь идёт о ценном инструменте, который может облегчить опознавание и обеспечение потребностей учеников, которые нуждаются в дополнительной поддержке в области образования, но и что не следует верить, что он может решить все проблемы, связанные с инклюзивным образованием. Кроме того, очевидно, что индивидуализированные программы основаны на наборе принципов, применению которых может помочь международный опыт, но что каждая страна должна постепенно найти свой путь и способ реализации этих принципов в соответствии со спецификой их собственного окружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Певцова Е.А. Правовое воспитание: вопросы теории и практики: учеб. пособие. М.: Международный юридический институт, 2013. 296 с.
2. Певцова Е.А. Роль юристов и педагогов в формировании правосознания несовершеннолетних // Народное образование. 2006. № 9 (1362). С. 186–192.
3. Певцова Е.А. Юридическая техника и проблемы развития образовательного законодательства // Юстиция. 2017. № 3 .С. 9–23.
4. Република Србија (2014). Други национални извештај о социјалном укључивању и смањењу сиромаштва у Републици Србији (преузето 08.04.2018) СА [Электронный ресурс] // Удружење: [сайт] URL: <http://www.udruzenjesz.rs/images/PDF/Drugi-nacionalni-izvestaj-o-socijalnom-ukljucivanju-i-smanjenu-siromastva-final.pdf> (дата обращения: 31.05.2018).
5. Република Србија (2009). Закон о основама система образовања и васпитања // Службени гласник РС. Бр. 72/09.
6. Република Србија (2017). Закон о основама система образовања и васпитања // Службени гласник РС. Бр. 88/17.

7. Република Србија (2010). Правилник о ближим упутствима за утврђивање права на индивидуални образовни план, његову примену и вредновање // Службени гласник РС. Бр. 76/10.
8. British Columbia Ministry of Education // Special Education Services: A Manual of Policies, Procedures and Guidelines. Victoria: BC Ministry of Education, 2013.
9. Education for All Handicapped Children Act of 1975 [Электронный ресурс] // GPO: [сайт]. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-89/pdf/STATUTE-89-Pg773.pdf> (дата обращения: 05.04.2018).
10. Frankl C. Managing Individual Education Plans: reducing the load of the special educational needs coordinator // Support for Learning. 2005. No. 20 (2). P. 77–82.
11. Goddard A. The role of individual education plans/programmes in special education: a critique // Support for learning. 1997. No. 12 (4). P. 170–174.
12. Jackson R. Curriculum Access for Students with Low-Incidence Disabilities: The Promise of Universal Design for Learning [Электронный ресурс] // Wakefield, MA: National Center on Accessing the General Curriculum. [22.08.2013]. URL: http://aim.cast.org/learn/historyarchive/backgroundpapers/promise_of_udl (дата обращения: 31.05.2018).
13. Individualised educational programmes. Part I: A literature review / A. Millward et al. // Journal of Research in Special Educational Needs. 2002. No. 2 (3).
14. Mitchell D., Morton M., Hornby G. Review of the Literature on Individual Education Plans: Report to the New Zealand Ministry of Education. Wellington: New Zealand Ministry of Education, 2010.
15. Shaddock A., MacDonald N., Hook J., Giorcelli L., Arthur-Kelly M. Disability, diversity and tides that lift all boats // Review of special education in the ACT. Chiswick: Services Initiatives, 2009.
16. Tod J. IEPs: Inclusive educational practices? // Support for Learning. 1999. No. 14 (4). P. 184–188.
17. U.S. Congress (2004). Individuals with Disabilities Education Improvement Act 614 et seq. [Электронный ресурс] // Retrieved April 5, 2018 URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-108publ446/pdf/PLAW-108publ446.pdf> (дата обращения: 05.04.2018).

REFERENCES

1. Pevtsova E.A. Pravovoe vospitanie: voprosy teorii i praktiki [Legal Education: Theory and Practice]. Moscow, International Law Institute Publ., 2013. 296 p.
2. Pevtsova E.A. [The Role of Lawyers and Teachers in the Formation of the Sense of Justice with Minors]. In: Narodnoe obrazovanie [Public Education], 2006, no. 9 (1362), pp. 186–192.
3. Pevtsova E.A. [Legal Techniques and Problems of Development of Educational Legislation]. In: Yustitsiya [Justice], 2017, no. 3, pp. 9–23.
4. [Republic of Serbia (2014). Second National Report on Social Inclusion and Poverty Reduction in the Republic of Serbia (Retrieved 08.04.2018)]. In: Udruženje [Association]. Available at: <http://www.udruzenjesz.rs/images/PDF/Drugi-national-recommendation-social-installation-and-summing-siromastva-final.pdf> (accessed: 31.05.2018).
5. [Republic of Serbia (2009). Law on the Foundations of the Education System]. In: Official Gazette of RS, Br. 72/09].
6. [Republic of Serbia (2017). Law on the Foundations of the Education System]. In: Official Gazette of RS, Br. 88/17].
7. [Republic of Serbia (2010). Rulebook on detailed instructions for determining the right to an individual educational plan, its application and evaluation]. In: Official Gazette of RS, Br. 76/10.

8. British Columbia Ministry of Education. In: Special Education Services Victoria, BC Ministry of Education, 2013.
9. Education for All Handicapped Children Act of 1975. In: GPO. Available at: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-89/pdf/STATUTE-89-Pg773.pdf> (accessed: 05.04.2018).
10. Frankl C. Managing Individual Education Plans: reducing the load of the special educational needs coordinator. In: Support for Learning, 2005, no. 20 (2), pp. 77–82.
11. Goddard A. The role of individual education plans/programmes in special education: a critique. In: Support for learning, 1997, no. 12 (4), pp. 170–174.
12. Jackson R. Curriculum Access for Students with Low-Incidence Disabilities: The Promise of Universal Design for Learning. In: Wakefield, MA: National Center on Accessing the General Curriculum, 22.08.2013. Available at: http://aim.cast.org/learn/historyarchive/backgroundpapers/promise_of_udl (accessed: 31.05.2018).
13. Millward A. et al. Individualised educational programmes. Part I: A literature review. In: Journal of Research in Special Educational Needs, 2002, no. 2 (3).
14. Mitchell D., Morton M., Hornby G. Review of the Literature on Individual Education Plans: Report to the New Zealand Ministry of Education. Wellington, New Zealand Ministry of Education, 2010.
15. Shaddock A., MacDonald N., Hook J., Giorcelli L., Arthur-Kelly M. Disability, diversity and tides that lift all boats. In: Review of special education in the ACT. Chiswick, Services Initiatives, 2009.
16. Tod J. IEPs: Inclusive educational practices? In: Support for Learning, 1999, no. 14 (4), pp. 184–188.
17. U.S. Congress (2004). Individuals with Disabilities Education Improvement Act 614 et seq. Available at: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-108publ446/pdf/PLAW-108publ446.pdf> (accessed: 05.04.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бройчин Бранислав – доктор права (юридических наук), профессор факультета специального образования и реабилитации Белградского университета;
e-mail.ru: branislavbroi@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Branislav Brojčin – Doctor of Law, University of Belgrade, Faculty of Special Education and Rehabilitation;
e-mail.ru: branislavbroi@gmail.com

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья является результатом работы над проектом «Социальное участие лиц с интеллектуальной недостаточностью», № 179017, реализация которого финансируется Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербия

ACKNOWLEDGMENTS

The article is an outcome of the project “Community Participation of People with Intellectual Impairment”, no. 179017, funded by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бройчин Б. Правовое регулирование образовательных отношений в Сербии: гражданско-правовые аспекты построения локальных актов образовательной организации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 19–28

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-19-28

FOR CITATION

Brojčin B. Legal Regulation of Educational Relations in Serbia: Civil and Legal Aspects of Construction of Local Acts of Educational Organization. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 19–28

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-19-28

РАЗДЕЛ II. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 340.00

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-29-38

РЕАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Теплова Д.О.

Российский государственный университет правосудия

(Восточно-Сибирский филиал)

664074, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23А,

Российская Федерация

Аннотация. Цель: Автор раскрывает систему обеспечения высшей юридической силы конституционных положений, механизм нормоконтроля со стороны Конституционного Суда Российской Федерации, анализируя действия различных органов государственной власти, в том числе Министерства юстиции Российской Федерации, Главного правового управления Президента Российской Федерации, профильных комитетов и Аппарата Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Методы исследования: При изучении темы доминирующим методом выступил метод системного анализа.

Результаты исследования: Автор приходит к собственному выводу в результате проведённого исследования о том, что механизм реализации принципа верховенства Конституции Российской Федерации действует идеально, в противном случае просто не возникало бы необходимости в деятельности Конституционного суда Российской Федерации в части проверки конституционности вступивших в законную силу нормативных актов.

Теоретическая/практическая значимость: Результаты исследования могут быть использованы в учебной и научной литературе по различным аспектам конституционного права, а также в процессе законодательной деятельности.

Новизна: Автор на основе большого анализа нормативных документов раскрывает суть механизма нормоконтроля с позиции теории и практики конституционного права.

© СС ВУ Теплова Д.О., 2018.

Ключевые слова: Конституция РФ, высшая юридическая сила, нормоконтроль, законотворческий процесс.

THE IMPLEMENTATION OF THE HIGHER LEGAL FORCE OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN LEGISLATIVE ACTIVITY

D. Teplova

East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice

23A, Ivan Franko st., Irkutsk, Irkutsk Region, 664074, Russian Federation

Abstract. Objective. The author reveals the system of securing the supreme legal force of constitutional provisions, the mechanism of normative control by the Constitutional Court of the Russian Federation, analyzing the performance of various state authorities, including the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Main Legal Office of the President of the Russian Federation, profile committees and the State Duma Apparatus and the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Research methods. Method of systemic analysis.

The results of the research. The author comes to the conclusion that the mechanism for implementing the principle of the supremacy of the Constitution of the Russian Federation works perfectly; otherwise there simply would not have been a need for the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation in terms of checking the constitutionality of enacted normative acts.

Theoretical / practical significance. The results of the research can be used in academic literature on various aspects of constitutional law, as well as in the process of legislative activity.

Novelty. Based on the analysis of normative documents, the author discloses the essence of the norm control mechanism from the standpoint of theory and practice of constitutional law.

Принцип высшей юридической силы (верховенства) Конституции, зафиксированный в ст. 15 Конституции РФ, является одним из основополагающих правовых механизмов, необходимых для функционирования правового государства, и эффективность реализации данного принципа является наглядным индикатором, насколько то или иное государство можно охарактеризовать в качестве “правового” [15; 16]. Данный принцип был детально разработан и освещён в трудах немецкого теоретика права Ганса Кельзена, взгляды которого были

оформлены в так называемую теорию нормативизма [4] и легли в основу конституционных моделей большинства западных стран. Конституция в данной теории выступает в качестве высшей нормы позитивного правопорядка, который имеет иерархическую, пирамидальную структуру. Каждый источник права находится в нормативной пирамиде на определённом уровне в зависимости от его юридической силы. При этом презюмируется, что право самостоятельно регулирует своё создание и уничтожение, а нормы права принимаются и отменяются на со-

ответствующем иерархическом уровне правовой системы с помощью вышестоящей нормы, регулирующей форму и порядок создания нижестоящих нормативных актов. Таким образом, вышестоящая в нормативной иерархии норма права является источником для нижестоящей нормы.

Упомянутая теория в полной мере охватывает и непосредственный способ реализации принципа верховенства Конституции как наивысшего в иерархии правовых актов источника права, что достигается с помощью механизма нормоконтроля, т. е. проверки нижестоящей в нормативной иерархии нормы на предмет соответствия вышестоящей норме, вплоть до Конституции, которая определяет порядок её создания или содержание. В случае установления факта несоответствия вышестоящему источнику, норма подлежит отмене.

Действующее законодательство Российской Федерации в достаточной мере восприняло идеи Г. Кельзена и установило довольно подробный механизм нормоконтроля. В качестве основного документа, регламентирующего порядок реализации принципа верховенства Конституции РФ, можно назвать Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [14], который устанавливает полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Именно силами Конституционного Суда РФ и происходит главным образом процесс реализации принципа высшей юридической силы главного в иерархии нормативных актов документа государства. Данные полномочия предоставлены Конститу-

ционному суду РФ ст. 3 вышеуказанного ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» [1].

Вместе с тем функции Конституционного суда РФ как органа нормоконтроля реализуются главным образом в отношении уже принятых и вступивших в законную силу нормативных правовых актов [2]. Т. е. деятельность данного органа охватывает в первую очередь правоприменительную практику. При этом представляется интересным проанализировать, как в действительности происходит реализация рассматриваемого принципа в законотворческой деятельности. Полагаем, что данный вид деятельности не менее важен, поскольку позволяет осуществлять отсеивание “неконституционных” нормативных актов до момента их вступления в силу и, следовательно, до момента, когда они могут нанести какой-либо ущерб общественному порядку и интересам частных лиц.

Законотворческий процесс в силу своей необходимости для нормального функционирования государства урегулирован максимально подробно в Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных и ряде федеральных законов, а также в Регламентах Государственной Думы, Совета Федерации и Правительства Российской Федерации. При этом различные процедуры, направленные на проверку конституционности законопроекта, пронизывают весь законотворческий процесс и в разной форме встречаются на всех его этапах.

Безусловно, подобные действия вправе осуществлять только органы государственной власти и исключительно в рамках своих полномочий. Среди таких органов можно выделить

в первую очередь Министерство юстиции Российской Федерации, Главное правовое управление Президента Российской Федерации, профильные комитеты и Аппараты Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации и опять-таки Конституционный Суд РФ.

В рамках исследуемой проблематики имеет смысл обзорно проанализировать полномочия вышеуказанных органов государственной власти, посредством которых происходит реализация принципа высшей юридической силы Конституции Российской Федерации.

Министерство юстиции Российской Федерации: данный орган осуществляет правовую экспертизу любых проектов нормативных правовых актов, разработанных федеральными органами исполнительной власти и предложенных на рассмотрение Президенту и Правительству (п. 8 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации [11]). Правовая экспертиза представляет собой анализ представленного текста, в том числе с позиций его соответствия Конституции Российской Федерации и иным нормативным актам (причём вне зависимости от того, находится ли рассматриваемый акт выше или ниже по иерархии, в последнем случае будет рекомендовано одновременно с принятием проекта привести нормативную базу в соответствие с вступившими в действие изменениями). Министерство юстиции Российской Федерации (далее – Минюст России) по результатам экспертизы также предоставляет рекомендации относительно перечня нормативных актов, подлежащих признанию утратившими силу, приоста-

новлению, изменению или принятию в связи с принятием данного законопроекта [5].

В качестве одного из важных индикаторов, служащих критерием оценки для Минюста России, являются результаты процедуры, введённой в активное действие относительно недавно. Речь о проведении антикоррупционной экспертизы проектов федеральных законов иными (не разработчиками) государственными органами и организациями [9; 12]. Фактически данная задача осуществляется посредством рассылки проекта нормативного акта профильным федеральным органам исполнительной власти (далее – ФОИВ). Интересно, что при этом ФОИВ вправе осуществить дальнейшую адресную рассылку проекта иным лицам, в том числе крупнейшим организациям соответствующей отрасли. Как правило, подобная рассылка осуществляется вместе с направлением анкеты, в которой содержится заданный перечень вопросов по проекту (целесообразность для отрасли, потенциальные риски, расходы для субъектов предпринимательской деятельности и т. п.). В рамках проведения антикоррупционной экспертизы проект размещается на официальном сайте *regulation.gov.ru* в сети Интернет для так называемого общественного обсуждения (не менее семи дней). Важно понимать, что заключения, размещаемые на портале в порядке общественного обсуждения, имеют только рекомендательный характер, т. е. Минюст России формально не связан с мнением субъектов антикоррупционной экспертизы. Однако негативные отзывы на проект должны быть указаны в финальном заключении по

проекту, прилагаться к материалам для внесения Президенту Российской Федерации и (или) в Правительство Российской Федерации в рамках прохождения дальнейших этапов законотворческого процесса.

Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации (далее ГПУ) – ещё одна структура, занимающая не последнее место в процессе законотворчества, причём на различных его этапах, в частности, ГПУ имеет полномочия по подготовке рекомендаций и проектов по совершенствованию нормативной базы с учётом успешного международного опыта, а также, что более важно в контексте рассматриваемой проблематики, вправе осуществлять подготовку собственных заключений относительно проектов нормативных актов для Президента Российской Федерации, подготовку проектов заключений Президента Российской Федерации на законопроекты, принятые Государственной Думой в первом чтении либо при подписании Президентом Российской Федерации принятого Федеральным Собранием закона. В рамках осуществления данного функционала ГПУ вправе доводить до сведения Президента Российской Федерации свою позицию касательно несоответствия рассматриваемого законопроекта Конституции Российской Федерации.

Представляется, что наибольшую эффективность процесс созидания законодательства может приобрести при условии постоянного взаимодействия палат Федерального Собрания между собой, а также с государственными органами, задействованными на любом из этапов законотворчества. Своевременное информирование о наличии

существенных недостатков в проекте закона (а наличие в тексте противоречий Конституции Российской Федерации – это наиболее существенный проблемный аспект, который может воспрепятствовать принятию законопроекта).

Наконец, нельзя не упомянуть и о возможном участии Конституционного Суда РФ в оценке законопроекта на предмет его конституционности. Конституционный Суд РФ предоставляет ответы на запросы Государственной Думы о соответствии Конституции Российской Федерации рассматриваемого законопроекта, либо относительно толкования Конституции Российской Федерации в случае обнаружившейся неопределённости [6]. При предоставлении отрицательного заключения, содержащего указание на противоречие Основному закону, Конституционный Суд РФ рекомендует внести в проект необходимые изменения, исходя из требований Конституции Российской Федерации [3].

Ещё одним субъектом (хотя и не самостоятельным), который отвечает за реализацию принципа высшей юридической силы Конституции Российской Федерации в рамках законотворческого процесса, можно назвать правовое управление Аппарата Государственной Думы. Правовое управление по поручению ответственного за законопроект комитета осуществляет правовую экспертизу законопроекта, в рамках которой анализируются вопросы соответствия проекта Конституции Российской Федерации и иным применимым нормативным правовым актам. Кроме того, осуществляется проверка актов федерального законодательства, которые должны быть

признаны утратившими силу, приостановлены, изменены, дополнены или приняты при условии вступления в силу анализируемого проекта закона. Правовое управление также отвечает за проведение (при необходимости и при наличии соответствующего поручения) лингвистической экспертизы законопроекта. По результатам проведённого анализа разрабатывается заключение, в котором должны быть освещены выводы правового управления, включая и позицию относительно соответствия действующему законодательству, с детальным разъяснением любого замечания [8].

Надо отметить, что выше описанные механизмы проверки законопроектов на текущий момент довольно успешно позволяют отсеивать наиболее «одиозные» и грубо нарушающие Конституцию Российской Федерации положения. Свидетельством выступают случаи снятия с рассмотрения Государственной Думой РФ проектов по результатам заключений Минюста, ГПУ, профильных комитетов Государственной Думы. Одним из известных примеров последних лет является доработка проекта федерального закона № 120505-7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О статусе столицы Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей реновации жилищного фонда в столице Российской Федерации – городе федерального значения Москве» по замечаниям Комитета по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству [10]. В частности, Комитет отметил, что законопроект нарушает статьи Конституции Российской Федерации,

которыми установлено разграничение вопросов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также ст. 10, 19, 45 и 46 Конституции Российской Федерации, в которых говорится, что судебная власть самостоятельна, все равны перед законом и государство гарантирует судебную защиту всем и каждому. По мнению Комитета, законопроектом были нарушены ч. 2 и 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, в которых установлено, что в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина, а права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В результате проект был принят Федеральным Собранием РФ в значительно доработанном виде, и большая часть замечаний Комитета была устранена.

Ещё более незавидная судьба по результатам заключений профильных комитетов Государственной Думы постигла проект федерального закона № 686980-6 «О внесении изменений в федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в части защиты прав физических лиц – залогодателей жилого дома или квартиры при обращении взыскания на предмет залога». По мнению Комитета по вопросам собственности, «законодательное установление для валютных заёмщиков более льготных условий по отношению к иным ка-

тегориям заёмщиков нарушает права последних и установленный Конституцией Российской Федерацией принцип равенства граждан перед законом». В итоге вышеуказанный проект был отклонён постановлением Правительства [7].

Интересно, что на рубеже тысячелетий на рассмотрение Федерального Собрания РФ выносился проект федерального конституционного закона «О полномочиях судов общей юрисдикции по проверке соответствия нормативных правовых актов Конституции Российской Федерации, Федеральным конституционным законам, Федеральным законам, иным нормативным правовым актам», который должен был предоставить соответствующие полномочия по нормоконтролю судам общей юрисдикции [13]. Однако после принятия проекта Государственной Думой РФ он был отклонён Советом Федерации РФ и снят с дальнейшего рассмотрения. Доводы Совета Федерации, представленные в информации о причинах отклонения законопроекта, можно охарактеризовать как вполне разумные и согласиться с ними. В частности, в качестве причин отклонения названы необоснованное расширение полномочий Верховного Суда Российской Федерации, несоответствие конституционным нормам, закрепляющим федеративный характер государства, многочисленные внутренние несоответствия в самом тексте проекта, пробел в части соотношения юрисдикции в сфере нормоконтроля судов общей юрисдикции и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и некоторые иные. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации был

справедливо подтверждён в качестве единственного и универсального органа нормоконтроля в системе государственной власти Российской Федерации.

Вместе с тем нельзя сказать, что на сегодняшний день вышеописанный механизм реализации принципа верховенства Конституции Российской Федерации действует идеально, в противном случае просто не возникало бы необходимости в деятельности Конституционного Суда РФ в части проверки конституционности вступивших в законную силу нормативных актов.

Кроме того, в некоторых случаях позиции отдельных субъектов законотворческого процесса относительно противоречия законопроектов Конституции Российской Федерации могут не учитываться по совершенно различным причинам, далёким от юридических и правовых аспектов.

Хотелось бы в заключении порекомендовать субъектам законотворческого процесса в большей степени вовлекать в процесс разработки законопроектов на официальном уровне представителей соответствующих отраслей и общественных организаций, что должно сказаться положительно на качестве разрабатываемых проектов. В качестве рекомендации по рассматриваемой проблематике также можно предложить установить обязанность профильного Комитета Государственной Думы РФ по направлению запроса в Конституционный Суд РФ о предоставлении заключения по соответствию законопроекта Конституции Российской Федерации в случае, если на каком-либо из этапов принятия законопроекта в его отно-

шении были высказаны замечания относительно его неконституционности. Представляется, что заключение Конституционного суда РФ в таком случае является необходимым, а не факультативным условием для дальнейшего законотворческого процесса. При этом

рекомендуется учитывать мнения не только органов государственной власти, но и участников антикоррупционной экспертизы (разумеется, при условии наличия надлежащих обоснований такого мнения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруков А.В. Обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации в контексте конституционализации отраслей национального права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 13–17.
2. Бланкенгель А., Левин И.Г. В принципе нельзя, но можно!.. Конституционный Суд России и дело об обязательности решений Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5 (108). С. 152–162.
3. Гриценко Е.В. Формирование доктрины прямого действия Конституции в российском конституционном праве // Государство и право. 2015. № 6. С. 5–18.
4. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. МВ. Антонова, С.В. Лёзова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
5. Крашенинников П.В. Закон и законотворческий процесс. М.: Статут, 2017. 160 с.
6. Лапаева В.В. Актуальные проблемы конституционно-правового развития России (О книге В.Д. Зорькина «Россия и Конституция в XXI в.») [Электронный ресурс] // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 3. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=31598#0048595046541046516> (дата обращения: 01.06.2018).
7. Постановление ГД ФС РФ от 25.09.2015 № 7300-6 ГД «О проекте Федерального закона № 686980-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ в части защиты прав физических лиц – залогодателей жилого дома или квартиры при обращении взыскания на предмет залога» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 40. Ст. 5522.
8. Пресняков М.В. Наравне с Конституцией: источники права, обладающие высшей юридической силой в Российской Федерации // Журнал российского права. 2016. № 8 (236). С. 96–108.
9. Приказ Минюста от 04.10.2013 № 87 «Об утверждении Порядка организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, проектов нормативных правовых актов и иных документов структурными подразделениями Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 18 окт.
10. Проект федерального закона № 120505-7 «О внесении изменений в закон Российской Федерации “О статусе столицы Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей реновации жилищного фонда в столице Российской Федерации – городе федерального значения Москве» [Электронный ресурс] // Гарант: информационно-правовая система [сайт]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1116432> (дата обращения: 19.05.2018).
11. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 19 окт.
12. Указ Президента от 18.01.2010 № 80 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об анти-

- коррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов”» // Российская газета. 2010. 22 янв.
13. Умнова (Конюхова) И.А., Алешкова И.А. Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики: монография. М.: РГУП, 2016. 184 с.
 14. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 1994. 23 июля.
 15. Шустров Д.Г. *Essentia constitutionis: Конституция Российской Федерации в фокусе теорий конституции XX–XXI веков* // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5. С. 78–93.
 16. Эбзеев Б.С. Прямое действие Конституции РФ (некоторые методологические аспекты) // Известия вузов. Правоведение. 1996. № 1.

REFERENCES

1. Bezrukov A.V. [Ensuring the Supremacy of the Constitution of the Russian Federation within the Framework of Constitutionalization of Branches of the National Law]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2017, no. 9, pp. 13–17.
2. Blankenagel A., Levin I.G. [It is Prohibited in Principle, but It is Possible! The Constitutional Court of Russia and the Case of Binding Resolutions of the European Court of Human Rights]. In: *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye* [Comparative Constitutional Review], 2015, no. 5 (108), pp. 152–162.
3. Gritsenko E.V. [The Formation of the Doctrine of Direct Effect of the Constitution in Russian Constitutional Law]. In: [State and Law], 2015, no. 6, pp. 5–18.
4. Kelzen G. *Chistoye ucheniye o prave* [Pure Doctrine on Law]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. 542 p.
5. Krashennnikov P.V. *Zakon i zakonotvorcheskiy protsess* [Law and Law-Making Process]. Moscow, Statute Publ., 2017. 160 p.
6. Lapayeva V.V. [Topical Issues of Constitutional and Legal Development of Russia (On V.D. Zorkin's book “Russia and Constitution in the 21st Century”)]. In: *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2008, no. 3. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=31598#0048595046541046516> (accessed: 01.06.2018).
7. [Resolution of the State Duma of the Russian Federation dated 25.09.2015 no. 7300-6 GD “On the Draft of the Federal Law no. 686980-6 “On Amendments to the Federal Law “On Mortgage (Pledge of Real Estate)” dated 16.07.1998 no. 102-FZ in Part of the Protection of the Rights of Individuals – Mortgagors of a Dwelling House or Apartment when Applying for a Pledge on Recovery of Collateral”]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 2015, no. 40. Art. 5522.
8. Presniakov M.V. [Along with the Constitution: Sources of Law that Have the Highest Legal Force in the Russian Federation]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 8 (236), pp. 96–108.
9. [The Decree of the Ministry of Justice dated 04.10.2013 no. 87 “On Approval of the Procedure for Organizing Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts, Draft of Regulatory Legal Acts and Other Documents of Structural Units of the Ministry of Justice of the Russian Federation”]. In: *Rossiyskaya Gazeta*, 2013, October 18, .
10. [Draft of the Federal Law no. 120505-7 “On Amendments to the Law of the Russian Federation” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation with Regard to the Creation of Housing

- Renovation Objects in the Capital of the Russian Federation – The City of Federal Significance in Moscow]. In: *Garant: informatsionno-pravovaya sistema* [Legal Information System Garant]. Available at: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1116432> (accessed: 05.19.2018).
11. [Presidential Decree dated 13.10.2004 no. 1313 “Issues of the Ministry of Justice of the Russian Federation”]. In: *Rossiyskaya Gazeta*, 2004, October 19.
 12. [Presidential Decree of 18.01.2010 no. 80 “The Russian Newspaper. no. 80 “On Amending Certain Acts of the Federal Law” On Anticorruption Examination of Regulatory Legal Acts and Drafts of Normative Legal Acts”]. In: *Rossiyskaya Gazeta*, 2010, January 22.
 13. Umnova (Konyukhova) I.A., Aleshkova I.A. *Primeneniye Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii sudami obshchey yurisdiktsii: aktual'nyye voprosy teorii i praktiki* [The Application of the Constitution of the Russian Federation by Courts of General Jurisdiction: Current Issues of Theory and Practice]. Moscow, *RPMU Publ.*, 2016. 184 p.
 14. [The Federal Constitutional Law dated 21.07.1994 no. 1-FKZ “On the Constitutional Court of the Russian Federation”]. In: *Rossiyskaya Gazeta*, 1994, July 23.
 15. Shustrov D.G. [Contents: The Constitution of the Russian Federation in the Focus of the Theories of the Constitution of the 20th –21st Centuries]. In: *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye* [Comparative Constitutional Review], 2017, no. 5, pp. 78–93.
 16. Ebzeev B.S. [Direct Effect of the Constitution of the Russian Federation (Some Methodological Aspects)]. In: *Izvestiya vuzov. Pravovedeniye* [The News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 1996, no. 1, pp. 8.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Теплова Дарья Олеговна – кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия;
e-mail: dasha.teplova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Darya O. Teplova – PhD in Law, deputy head of the Department of State and Legal Disciplines, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice;
e-mail: dasha.teplova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Теплова Д.О. Реализация высшей юридической силы Конституции Российской Федерации в законотворческой деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 29–38
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-29-38

FOR CITATION

Teplova D.O. The Implementation of the Higher Legal Force of the Constitution of the Russian Federation in Legislative Activity. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 29–38
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-29-38

РАЗДЕЛ III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 346.26

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-39-48

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ВЕКТОРЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Венгеровский Е.Л.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация*

Аннотация. Цель: В статье автором рассмотрены проблемы правового обеспечения финансовой поддержки деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства с целью создания условий эффективного правового обеспечения бизнеса.

Методы исследования: В статье используется метод системного и комплексного анализа, а также сравнительно-правовой.

Результаты исследования: Автор доказывает, что необходимо новое современное правовое обеспечение в сфере получения организационных гарантий субъектам малого и среднего предпринимательства; уточнение механизмов выдачи государственных гарантий субъектам малого и среднего предпринимательства. Путём анализа и обобщения национальных норм целесообразно предусмотреть увеличение покрытия госгарантий в соответствии с правилами Организации экономического сотрудничества и развития; субсидирование процентной ставки по кредитам малого и среднего предпринимательства в сфере экспортной деятельности требует внесения изменений в акты Правительства Российской Федерации согласно международным правовым нормам, касающимся сроков кредитования и расчётов процентных ставок.

Теоретическая/практическая значимость: Основные выводы авторов могут быть использованы в учебной литературе по актуальным проблемам цивилистики и публичного права.

Новизна: В процессе исследования сделаны новые предложения для законодателя с целью развития малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, государственная гарантия, субсидирование, организация экономического сотрудничества и развития, гарантийный фонд.

FINANCIAL SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES: VECTORS OF LEGAL PROVISION

E. Vengerovskiy

*Financial University under the Government of the Russian Federation
49, Leningradsky ave., Moscow, 109263, Russian Federation*

Abstract. Objective. The author considers the problems of legal support of financial activities of small and medium-sized businesses with the aim of creating conditions for effective legal provision of business.

Research methods. The method of system and complex analysis and comparative-legal method are used in the article.

Results of the research. The author proves that new modern legal support in the sphere of obtaining organizational guarantees for small and medium-sized businesses and clarification of the mechanisms for issuing state guarantees to small and medium-sized enterprises are needed. By analyzing and summarizing supranational standards, it is advisable to envisage an increase in coverage of state guarantees in accordance with the rules of the Organization for Economic Cooperation and Development. Subsidizing the interest rate on loans to small and medium-sized businesses in the sphere of export activities requires the introduction of changes in the acts of the Government of the Russian Federation in accordance with international legal standards relating to the terms of lending and interest rate calculations.

Theoretical/practical significance. The author's main findings can be included into textbooks on civilistics and public law.

Novelty. In the process of research, new proposals have been made for the legislator to develop small and medium-sized businesses.

Key words: small and medium-sized enterprises, state guarantee, subsidy, OECD, Guarantee Fund.

Закон о поддержке малого и среднего предпринимательства устанавливает [20], что финансовая поддержка состоит из субсидий, бюджетных инвестиций, государственных и муниципальных гарантий. Рассмотрим некоторые меры более подробно.

Государственные гарантии

Предоставление государственных гарантий регулируется главой 14 БК РФ, которая устанавливает детальные требования к региональной системе предоставления и учёта государственных гарантий.

Согласно ст. 115–117 Бюджетного кодекса Российской Федерации [1] государственные гарантии могут обеспечивать (рис. 1).

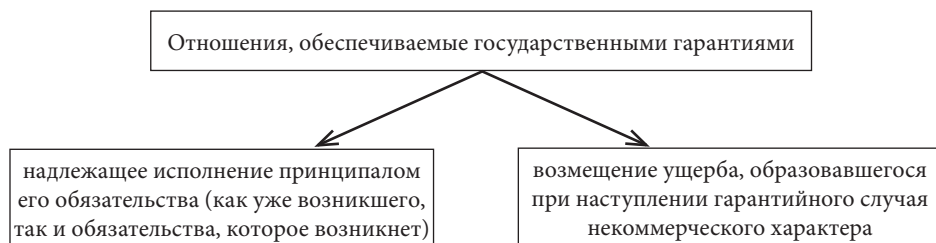

Рис. 1. Отношения, обеспечиваемые государственными гарантиями

При этом конкретные случаи некоммерческого характера в законодательстве не установлены. На практике это означает, что законодательство Российской Федерации сужает существующий в мировой практике подход к предоставлению гарантий до ситуации гарантии исполнения обязательства. Необходимо установление перечня таких случаев в ст. 115 БК РФ [1; 14].

В соответствии с БК РФ региональные гарантии в полном объёме учитываются в составе государственного долга субъекта Российской Федерации вне зависимости от вероятности наступления гарантийного события. Программа предоставления гарантий, как и программа внутренних заимствований в целом, утверждается в составе бюджета [3]. Как следствие, субъект Российской Федерации в течение финансового года может предоставить гарантию, ранее утверждённую в действующем региональном законе о бюджете (в отношении конкретного лица или установленной категории) либо после соответствующей корректировки закона о бюджете. Учёт государственных гарантий в составе долга в полном объёме является достаточно редким в международной практике и

существенно снижает совокупные риски публичного сектора, связанные с использованием механизма гарантий [11].

Ограничения на предоставление государственных гарантий также установлены ФЗ «О защите конкуренции» (далее – закон № 135-ФЗ) [19]. Согласно ст. 4 указанного закона государственная гарантия является формой государственной преференции – преимущества, которое обеспечивает отдельным субъектам предпринимательства более выгодные условия деятельности. Государственная гарантия, как вид преференции, может быть предоставлена исключительно в целях, установленных ч. 1 ст. 19 закона № 135-ФЗ, определяемых другими федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации и нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации. Гарантия не является преференцией, если она предоставляется в равной мере каждому участнику товарного рынка (ч. 5 ст. 19 закона № 135-ФЗ) [4].

Государственная преференция предоставляется по согласованию с ФАС, за исключением случаев, если гаран-

тия выдана в соответствии с законом о бюджете субъекта РФ (в котором предусмотрен порядок определения её размера и субъекта-получателя) или при предоставлении гарантии согласно программе развития субъекта малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) [15].

Таким образом, законодательство Российской Федерации устанавливает весьма консервативные по международным стандартам требования к применению и учёту государственных гарантий. Гарантии, как правило, могут быть предоставлены только в отношении обязательств принципала, отражаются в составе государственного долга в полном объёме и в ряде случаев требуют согласования с антимонопольным органом.

Исходя из этого, прямое использование государственных гарантий субъекта Российской Федерации для поддержки малого и среднего предпринимательства, осложнено препятствиями, установленными законодательством Российской Федерации требований к процедурам предоставления гарантий [12].

Выдача государственных гарантий регулируется Постановлением Правительства Российской Федерации о предоставлении государственных гарантий Российской Федерации по кредитам либо облигационным займам [6; 7] и пр.

Несмотря на устоявшийся правовой механизм предоставления государственных гарантий, имеется ряд практических проблем.

Неэффективность данного инструмента порождает процедура получения гарантийной поддержки экспорта. Срок выдачи гарантий с учётом сроков

рассмотрения и принятия решений банком-агентом и Минфином России при объёме гарантии не более 150 млн долл. в среднем занимает до 135 дней. На практике выдача гарантий для российских предпринимателей может превышать один год [16].

Кроме того, анализ Правил предоставления государственных гарантий Российской Федерации [10] позволяет выявить ряд несоответствий действующей законодательной базы нормам и правилам Всемирной торговой организации (далее – ВТО) (Соглашению по субсидиям и компенсационным мерам [17]) и организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) (Договоренности по экспортному кредитованию [21]) в сфере поддержки экспорта субъектов малого и среднего бизнеса, а именно уровень покрытия государственной гарантии Российской Федерации (до 90%) в ряде случаев превышает максимальный лимит гарантийной поддержки, установленный нормами ОЭСР – 85% от стоимости экспортного контракта (ст. 10 ДОЭК ОЭСР).

Соблюдение данной нормы необходимо в связи с тем, что Россия является членом ВТО, что, соответственно, требует исполнения ДОЭК ОЭСР, поэтому необходимо внесение изменений в п. 47 Постановления Правительства Российской Федерации о правилах предоставления государственных гарантий Российской Федерации в иностранной валюте для оказания государственной поддержки экспорта промышленной продукции (товаров, работ, услуг) [2].

Проблемой финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства является, как отмеча-

ет И.В. Ершова, то, что большинство предпринимателей не пользуются государственной помощью. Во многом это связано с тем, что многие ИП попросту не осведомлены о господдержке бизнеса. Полная информация обо всех действующих программах государственной поддержки малого бизнеса содержится на официальных сайтах ведомств и организаций, администраций и муниципальных органов, ответственных за эту сферу [5].

Субсидирование

Субсидии для субъектов малого и среднего предпринимательства предоставляются органами исполнительной власти более 10 лет, распорядителем субсидиарных средств является Минэкономразвития, которое производит субсидирование субъектов малого и среднего предпринимательства из средств федерального, регионального и местных бюджетов. Правовой основой субсидирования малых и средних предприятий являются следующие нормативные акты:

– федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [20];

– Бюджетный кодекс Российской Федерации [1];

– Постановление Правительства Российской Федерации от 30.01.2014 № 1605 «О предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства» [8];

– нормативные акты субъектов Российской Федерации.

При этом реальное предоставление субсидий субъектам малого и среднего бизнеса осуществляется в соответствии с порядком, установленным нормативными актами субъектов Российской Федерации. Данный порядок принят во всех регионах [5]. Однако не в каждом субъекте имеется так называемое «стратегическое субсидирование», т. е. основные ориентиры, в соответствии с которыми осуществляется субсидирование субъектов малого и среднего предпринимательства. Не везде имеются также и центры поддержки малого и среднего бизнеса или экспортные центры для малого и среднего бизнеса (рис. 2).

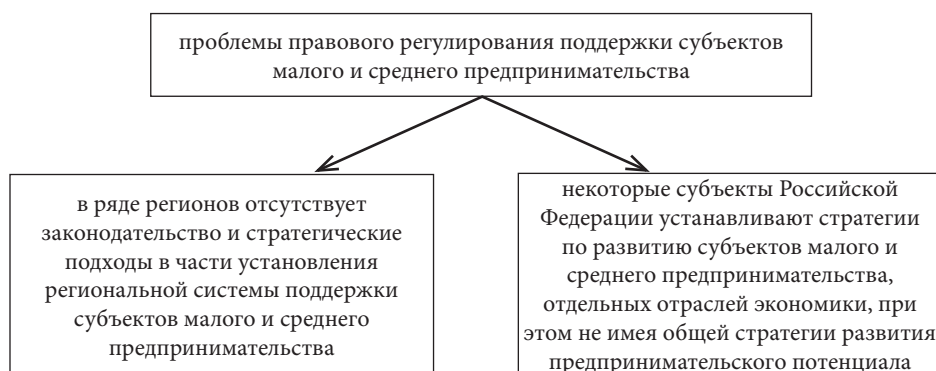

Рис. 2. Некоторые проблемы правового регулирования поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства

Отдельно стоит отметить субсидирование процентной ставки по кредитам малого и среднего предпринимательства в сфере экспортной деятельности.

Вышеприведённый анализ позволяет сделать следующие выводы относительно проблем правового регулирования данного финансового инструмента:

1. Правила предоставления из федерального бюджета субсидии не содержат чётких критериев, которые позволяют вывести российскую субсидию из-под определения запрещённой в рамках ВТО специфической субсидии¹. Формула для расчёта субсидии нетранспарентна для целей выполнения Россией обязательств по непредставлению экспортных субсидий [18]. Отсутствует нижний предел ставки по экспортному кредиту, который при кредитовании в иностранной валюте не может быть меньше размера индикативной ставки “CIRR”, рассчитываемой ОЭСР на ежемесячной основе, а также отсутствует обязательство по взиманию премий, достаточных для покрытия кредитных и страновых рисков. Такие страны, как Германия, Великобритания, Италия и США, пре-

¹ Речь идёт о субсидии в виде имущественного взноса Российской Федерации в государственную корпорацию «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» на возмещение части затрат, связанных с поддержкой производства высокотехнологической продукции [13].

доставляют кредиты CIRR по минимальным разрешённым ставкам в соответствии с Договоренностью ОЭСР по государственной поддержке экспортных кредитов [2; 21].

2. Правила ограничивают конкурентные преимущества российских производителей на внешних рынках по сравнению с их зарубежными коллегами. Согласно правилам ОЭСР, максимальный срок экспортного кредитования в отношении энергетической продукции составляет 18 лет, однако российские экспортные проекты, предусматривающие сооружение АЭС и ГЭС за рубежом, смогут обеспечить иностранного покупателя экспортным кредитом на срок только до 15 лет.

В связи с этим необходимо внести следующие изменения в Правила: закрепить в них чёткие критерии, которые позволят вывести российскую субсидию из-под определения запрещённой в рамках ВТО специфической субсидии, а именно установить нижний предел ставки по экспортному кредиту, в связи с этим предлагается внести изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 13.12.2012 № 1302².

² «Об утверждении правил предоставления из федерального бюджета субсидии в виде имущественного взноса Российской Федерации в государственную корпорацию “Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)” на возмещение части затрат, связанных с поддержкой производства высокотехнологической продукции», дополнен п. 2.1. [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 04.06.2018) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702 (дата обращения: 04.06.2018).

2. Ручкина Г.Ф., Демченко М.В., Ключникова Я.А., Венгеровский Е.Л. Государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства: совершенствование правового регулирования: монография. М.: Русайнс, 2015. 96 с.
3. Гудашова Л.Е. Предпринимательство в России: проблемы и особенности. М.: Феникс, 2015. 96 с.
4. Золотухина М.С., Венгеровский Е.Л. Проблема оптимизации неналоговых проверок малого и среднего бизнеса // Современное предпринимательство как зеркало реформ российского законодательства. М.: Научный консультант, 2016. С. 86–91.
5. Малое и среднее предпринимательство: правовое обеспечение / И.В. Ершова и др.; отв. ред. И.В. Ершова. М.: Юриспруденция, 2014. 460 с.
6. Постановление Правительства РФ от 10.05.2017 № 549 «О государственных гарантиях Российской Федерации по кредитам или облигационным займам, привлекаемым юридическими лицами на цели, установленные Правительством Российской Федерации в рамках мер, направленных на решение неотложных задач по обеспечению устойчивости экономического развития» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 21. Ст. 3002.
7. Постановление Правительства РФ от 14.12.2010 № 1017 «О порядке предоставления государственных гарантий Российской Федерации по кредитам либо облигационным займам, привлекаемым юридическими лицами, отобранными в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, на осуществление инвестиционных проектов» // Собрание законодательства. 2010. № 52 (ч. I). Ст. 7081.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.01.2014 № 1605 «О предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 2. Ст. 508.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.12.2012 № 1302 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидии в виде имущественного взноса Российской Федерации в государственную корпорацию «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» на возмещение части затрат, связанных с поддержкой производства высокотехнологичной продукции» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 51. Ст. 7234.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2008 г. № 803 «Правила предоставления государственных гарантий Российской Федерации в иностранной валюте для оказания государственной поддержки экспорта промышленной продукции (товаров, работ, услуг)» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 46. С. 5331.
11. Право и экономика: современные интеграционные процессы: монография / под ред. Г.Ф. Ручкиной. М.: Кнорус, 2018. 468 с.
12. Предпринимательское право. Правовое регулирование отдельных видов предпринимательской деятельности: в 2 ч. Ч. 1: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. Г.Ф. Ручкиной. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 320 с.
13. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в Правила предоставления из федерального бюджета субсидии в виде имущественного взноса Российской Федерации в государственную корпорацию «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» на возмещение части затрат, связанных с поддержкой производства высокотехнологичной продукции», утверждённые постановлением Правительства Российской Федерации от 13.12.2012 № 1302 (подготовлен Минпромторгом России 08.04.2016) [Электронный

- ресурс] // Гарант: информационно-правовая система [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56565981> (дата обращения: 12.07.2017).
14. Ручкина Г.Ф. Финансовая поддержка как ключевая составляющая в развитии субъектов малого и среднего предпринимательства // *Банковское право*. 2017. № 5. С. 7–12.
 15. Ручкина Г.Ф., Венгеровский Е.Л. К вопросу о совершенствовании правовых условий консультационной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // *Вопросы экономики и права*. 2014. № 5. С. 25–28.
 16. Салимгареева Д.М., Венгеровский Е.Л. Лизинг как инструмент для развития малого и среднего предпринимательства // *Современное предпринимательство как зеркало реформ российского законодательства*. М.: Научный консультант, 2016. С. 226–230.
 17. Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров) [Электронный ресурс] // Гарант: информационно-правовая система [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/4059971> (дата обращения 01.06.2018).
 18. Социальное обслуживание населения в Российской Федерации: совершенствование правового регулирования: монография. М.: Кнорус, 2017. 182 с.
 19. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763 (дата обращения: 01.06.2018).
 20. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144 (дата обращения: 01.06.2018).
 21. The Export Credits Arrangement text (Договоренность по экспортному кредитованию) [Электронный ресурс] // OECD: [сайт]. URL: <http://www.oecd.org/tad/xcred/theexportcreditsarrangementtext.htm> (дата обращения: 12.05.2018).

REFERENCES

1. [The Budget Code of the Russian Federation dated 31.07.1998 no. 145-FZ (ed. from 04.06.2018)]. In: *KonsultantPlyus: spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702 (accessed: 04.06.2018).
2. Ruchkina G.F., Demchenko M.V., Klyuchnikova Ya.A., Vengerovskii E.L. *Gosudarstvennaya podderzhka sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva: sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya* [State Support For Small and Medium-Sized Enterprises: Improvement of Legal Regulation]. Moscow, *Rusyns Publ.*, 2015. 96 p.
3. Gudashova L.E. *Predprinimatel'stvo v Rossii: problemy i osobennosti* [Entrepreneurship in Russia: Problems and Features]. Moscow, *Feniks Publ.*, 2015. 96 p.
4. Zolotukhina M.S., Vengerovskii E.L. [The Problem of Optimizing Non-Tax Inspections of Small and Medium-Sized Business]. In: *Sovremennoe predprinimatel'stvo kak zerkalo reform rossiiskogo zakonodatel'stva* [Modern Entrepreneurship as a Mirror of the Reform of the Russian Legislation. Bulletin of the Faculty of Law]. Moscow, *Nauchnyi konsultant Publ.*, 2016, pp. 86–91.
5. Yershova I.V. et al. *Maloe i srednee predprinimatel'stvo: pravovoe obespechenie* [Small and Medium-Sized Enterprises: Legal Support]. Moscow, *Yurisprudentsiya Publ.*, 2014. 460 p.
6. [Resolution of the Government of the Russian Federation dated 10.05.2017 no. 549 “On the Russian Federation State Guarantees for Loans or Bond Loans Made by Legal Entities

- to Attain the Objectives Set by the Government of the Russian Federation within the Framework of Measures Aimed at Implementing Urgent Tasks to Ensure the Sustainability of Economic Development”]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 2017, no. 21, art. 3002.
7. [The Decree of the RF Government dated 14.12.2010 no. 1017 “On Procedure for Providing the Russian Federation State Guarantees for Loans or Bond Loans Made by Legal Entities Selected by the Government of the Russian Federation to Implement Investment Projects”]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 2010, no. 52 (p. I). Art. 7081.
 8. [The Resolution of the Government of the Russian Federation dated 30.01.2014 no. 1605 “On Granting and Distribution of Subsidies From the Federal Budget to the Budgets of the Subjects of the Russian Federation for State Support of Small And Medium-Sized Enterprises, Including Peasant (Farmer) Economy”]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 2015, no. 2, art. 508.
 9. [Resolution of the Government of the Russian Federation dated 13.12.2012 no. 1302 “On Approval of Rules of Granting Federal Budget Subsidies in the Form of Asset Contribution of the Russian Federation in State Corporation “VEB (Vnesheconombank)” for Reimbursement of Expenses to Support Hi-Tech Production”]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 2012, no. 51, art. 7234.
 10. [The Resolution of the Government of the Russian Federation dated 01.11.2008, no. 803 “The Rules of Granting the Russian Federation State Guarantees in Foreign Currency for Providing State Support for Industrial Exports (Goods, Works, Services)”]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 2008, no. 46, art. 5331.
 11. Ruchkina G.F. *Pravo i ekonomika: sovremennye integratsionnye protsessy* [Law and Economics: Modern Integration Processes]. Moscow, Knorus Publ., 2018. 468 p.
 12. Ruchkina G.F., ed. *Predprinimatel'skoe pravo. Pravovoe regulirovanie otdel'nykh vidov predprinimatel'skoi deyatel'nosti. Ch. 1* [Business Law. Legal Regulation of Certain Types of Business Activity. Part 1]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 320 p.
 13. [The Draft of the Resolution of the Government of the Russian Federation “On Modification of the Rules of Granting Federal Budget Subsidies in the Form of Asset Contribution of the Russian Federation to the State Corporation “VEB (Vnesheconombank)” for Reimbursement of Expenses to Support Hi-Tech Production”, Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 13.12.2012 no. 1302 (prepared by the Ministry of Industry and Trade 08.04.2016)]. In: *Garant: informatsionno-pravovaya sistema* [Garant: Legal Information System]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56565981> (accessed: 12.07.2017).
 14. Ruchkina G.F. [Financial Support as a Key Component in the Development of the Subjects of Small and Medium-Sized Businesses]. In: *Bankovskoe pravo* [Banking Law], 2017, no. 5, pp. 7–12.
 15. Ruchkina G.F., Vengerovskii E.L. [The Issue of Improving Legal Conditions for Consulting Support of the Subjects of Small and Medium-Sized Businesses]. In: *Voprosy ekonomiki i prava* [The Issues of Economics and Law], 2014, no. 5, pp. 25–28.
 16. Salimgareeva D.M., Vengerovskii E.L. [Leasing as a Tool for the Development of Small and Medium-Sized Enterprises]. In: *Sovremennoe predprinimatel'stvo kak zerkalo reform rossiiskogo zakonodatel'stva. Vestnik yuridicheskogo fakul'teta* [Modern Entrepreneurship as a Mirror of the Russian Legislation Reform. Bulletin of The Faculty of Law]. Moscow, Nauchnyi konsul'tant Publ., 2016. pp. 226–230.

17. [The Agreement on Subsidies and Countervailing Measures (The WTO, the Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations)]. In: *Garant: informatsionno-pravovaya sistema* [Legal Information System "Garant"]. Available at: <http://base.garant.ru/4059971> (accessed: 01.06.2018).
 18. *Sotsial'noe obsluzhivanie naseleniya v Rossiiskoi Federatsii: sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya* [Public Service in the Russian Federation: Legal Regulation]. Moscow, *Knorus Publ.*, 2017. 182 p.
 19. [The Federal Law of 26.07.2006 no. 135-FZ "On Protection of Competition» (as revised)]. In: *Konsul'tantPlyus: Spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763 (accessed: 01.06.2018).
 20. [The Federal Law 24.07.2007 no. 209-FZ "On the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation" dated (as last revised)]. In: *Konsul'tantPlyus: spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144 (accessed: 01.06.2018).
 21. The Export Credits Arrangement text. In: *OECD*. Available at: <http://www.oecd.org/tad/xcred/theexportcreditsarrangementtext.htm> (accessed: 12.05.2018).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Венгеровский Евгений Леонидович – преподаватель департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: elv-2312@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yevgeniy L. Vengerovskiy – lecturer at the Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: elv-2312@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Венгеровский Е.Л. Финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства: векторы правового обеспечения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 39–48
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-39-48

FOR CITATION

Vengerovskiy E.L. Financial Support for Small and Medium-Sized Businesses: Vectors of Legal Provision In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 39–48
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-39-48

УДК – 628.1/2:347

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-49-60

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ИНЖЕНЕРНЫХ ИЗЫСКАНИЙ, АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ, СТРОИТЕЛЬСТВА

Даутия Т.В.

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации*

*117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34, Российская Федерация
Современная гуманитарная академия*

109029, г. Москва, ул. Нижегородская, д. 32, корп. 4, Российская Федерация

Аннотация. Цель: В статье рассмотрены предпосылки введения в Градостроительный кодекс Российской Федерации особой категории субъектов строительной деятельности России – специалистов по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, а также особенности приобретения данного правового статуса.

Методы исследования: В статье используется метод системного и комплексного анализа, а также сравнительно-правовой.

Результаты исследования: В результате проведенного исследования установлено, что действующее законодательство не содержит легального определения данной категории субъектов, в связи с чем автором предложено определение указанных субъектов как физических лиц, являющихся специалистами по организации инженерных изысканий, специалистами по организации архитектурно-строительного проектирования, специалистами по организации строительства, сведения о которых включены в Национальный реестр специалистов в области инженерных изысканий и архитектурно-строительного проектирования или в Национальный реестр специалистов в области строительства соответственно, имеющие трудовые отношения с членом саморегулируемой организации.

Теоретическая/практическая значимость: Основные выводы авторов могут быть использованы в учебной литературе по актуальным проблемам гражданского права.

Новизна: В процессе исследования сделаны новые предложения для законодателя для развития бизнеса в сфере строительства.

Ключевые слова: саморегулируемая организация, строительство, проектирование, инженерные изыскания, Национальный реестр специалистов, профессиональный стандарт, стаж работы, Градостроительный кодекс РФ.

PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS OF SPECIALISTS IN ENGINEERING SURVEYING, ARCHITECTURE AND BUILDING DESIGN AND CONSTRUCTION

T. Dautiya

*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, B. Cheremushkinskaya st., 117218, Moscow, Russian Federation
Modern Humanitarian Academy
32/4, Nizhegorodskaya st., Moscow, 109029, Russian Federation*

Abstract. Objective. The article considers the prerequisites for the introduction into the Town-Planning Code of the Russian Federation a specialization in the organization of engineering studies, architecture and building design, construction, and also the features of acquiring this legal status.

Research methods. method of systemic and complex analysis, comparative-legal method are used in the article.

Results of the research. It was proved that the current legislation does not contain legal definitions of specialists in engineering studies, architecture and building design, construction specialists, who are included into the National Register of Specialists in the Field of Engineering Surveying and Architecture and Building Design or the National Register of Specialists in building having an employment relationship with a member of a self-regulatory organization.

Theoretical/practical significance. The author's main findings can be included into academic books on topical issues of Civil Law.

Novelty. In the process of research, new proposals have been made for the legislator to develop business in the construction sector.

Key words: self-regulatory organizations, construction, design, engineering surveying, National Register of Specialists, occupational standards, period of service, the Town-Planning Code of Russia.

Институт саморегулирования в сфере строительства¹ был введён более 7 лет назад, однако до настоящего времени его правовая регламентация продолжает изменяться. Изменения касаются как определения правового статуса и полномочий саморегулиру-

¹ В настоящей статье строительная деятельность будет рассматриваться нами в широком смысле слова, подразумевая как работы по инженерным изысканиям, архитектурно-строительному проектированию, так и работы по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства.

емых организаций в сфере строительства, так и поиска наиболее действенных механизмов обеспечения качества и безопасности выполнения работ. Последние существенные изменения положений Градостроительного кодекса РФ [1] в части саморегулирования строительной деятельности (гл. 6.1 Градостроительного кодекса) вступили в силу 1 июля 2017 г. [13]. Они затронули как вопросы расширения компетенции саморегулируемых организаций, создания компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств по

государственным контрактам, вопросы перехода на региональный принцип формирования саморегулируемых организаций в сфере строительства, а также введения новой категории субъектов строительной деятельности – специалистов по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства. Только указанные специалисты, сведения о которых внесены в Национальный реестр специалистов Национальным объединением саморегулируемых организаций в порядке, предусмотренном ст. 55.5.1 Градостроительного кодекса РФ¹, могут быть заявлены в качестве квалифицированного состава члена саморегулируемой организации. Главной целью нововведения является «создание дополнительных гарантий качества строительной продукции, но не посредством детального регламентирования соответствующих работ, а за счёт введения особой системы требований к тем, под чьим руководством эти работы должны осуществляться» [6].

¹ Порядок ведения Национального реестра специалистов регламентирован приказом Минстроя России от 06.04.2017 № 688/пр (ред. от 22.12.2017) «О порядке ведения национального реестра специалистов в области инженерных изысканий и архитектурно-строительного проектирования, национального реестра специалистов в области строительства, включения в такие реестры сведений о физических лицах и исключения таких сведений, внесения изменений в сведения о физических лицах, включённые в такие реестры, а также о перечне направлений подготовки, специальностей в области строительства, получение высшего образования по которым необходимо для специалистов по организации инженерных изысканий, специалистов по организации архитектурно-строительного проектирования, специалистов по организации строительства» (зарегистрирован в Минюсте России 26.04.2017 № 46502) [7].

«Градостроительный кодекс РФ определил исключительное право специалистов, включённых в реестр, подписи определённых документов по контролю качества работ и по их приёмке, и именно они несут персональную ответственность за качество выполняемых работ. В случае недобросовестного исполнения своих обязанностей они помимо общей ответственности (дисциплинарной, административной, материальной) могут быть исключены из Национального реестра» [9].

Ранее действовавшая редакция Градостроительного кодекса РФ [1] до 1 июля 2017 г. предусматривала в качестве минимальных обязательных требований к членам саморегулируемой организации в сфере строительства требования к квалификационному составу работников юридического лица, а именно: к стажу работы, образованию, количеству, а после вступления в члены – требования к повышению квалификации работниками с определённой периодичностью. Формальный характер исполнения возложенной на институт саморегулирования обязанности по осуществлению контроля за регулярным повышением квалификации специалистов отрасли отмечался в «Стратегии инновационного развития строительной отрасли Российской Федерации на период до 2030 года» [10]. Кандидаты в члены саморегулируемой организации в сфере строительства предоставляли копии трудовых книжек, копии документов об образовании, копии паспортов сотрудников, а также должны были указать, в каких отношениях с данными квалифицированными сотрудниками состоят (гражданско-правовые отношения или трудовые). Минимальные требования

к квалификации работников-членов саморегулируемых организаций в сфере строительства, установленные в п. 8 ст. 55.5 Градостроительного кодекса РФ, не определяли обязательного их трудоустройства по основному месту работы (т. е. в штате юридического лица), что допускало трудоустройство таких работников по совместительству или по договору подряда. Требование о наличии у члена саморегулируемой организации в сфере строительства работников по месту основной работы было установлено только для членов, выполняющих работы по организации подготовки проектной документации и по организации строительства, т. е. в роли генерального проектировщика или генерального подрядчика.

С принятием федерального закона № 372-ФЗ от 03.07.2016 «О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» [12] с 1 июля 2017 г. произошли существенные изменения в законодательстве в части требований к обеспеченности членов саморегулируемой организации квалифицированными кадрами, а также введена особая категория субъектов строительной деятельности – специалисты по организации инженерных изысканий, специалисты по организации архитектурно-строительного проектирования, специалисты по организации строительства.

Специалистами по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства являются физические лица, имеющие право осуществления по трудовому договору с индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом (членами СРО) трудовых

функций по организации выполнения выше указанных работ в должности главного инженера проекта, главного архитектора проекта, и сведения о которых включены в Национальный реестр специалистов, обязанность по ведению которого возложена на Национальные объединения саморегулируемых организаций соответствующей сферы (ч. 1 ст. 55.5-1, ч. 6 ст. 55.5-1 Градостроительного кодекса РФ). При этом не только предусмотрены требования к наличию между членом саморегулируемой организации и квалифицированным специалистом трудовых отношений, но также определены должностные обязанности таких специалистов. При наличии определённого круга обязанностей таких лиц возникает их персональная ответственность за качество выполненных работ, появляются определённость и единообразие в должностном соответствии квалифицированных специалистов членов саморегулируемой организации и их функционале.

«По замыслу законодателя специалисты не просто должны находиться в штате, но выполнять в компании некоторые ключевые функции, указанные в п. 5 ст. 55.5-1 Градостроительного кодекса РФ. К примеру, подписание определённых документов, например акта приёмки объекта капитального строительства; документа, подтверждающего соответствие построенного, реконструированного объекта капитального строительства требованиям технических регламентов и т. д.» [8].

Следует отметить, что трудовое законодательство предусматривает диспозитивность в определении работодателями должностных обязанностей своих сотрудников, а также в наимено-

вании их должностей. В соответствии со ст. 57 Трудового кодекса РФ [11] обязательным для включения в трудовой договор является условие о трудовой функции (работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации, конкретный вид поручаемой работы). Обязательность требований в части указания конкретной должности (наименования должности) и квалификационных требований к ней предусмотрено только в соответствии с Трудовым кодексом РФ, иными федеральными законами с выполнением работ по определённым должностям, профессиям, специальностям связано предоставление компенсаций и льгот либо наличие ограничений – наименование этих должностей, профессий или специальностей и квалификационные требования к ним должны соответствовать наименованиям и требованиям, указанным в квалификационных справочниках, утверждаемых в порядке, устанавливаемом Правительством РФ, или положениям профессиональных стандартов.

Однако в настоящее время не существует утверждённых профессиональных стандартов в области архитектуры и проектирования для главного архитектора проекта, а в области строительства – для главного инженера проекта. Таким образом, Градостроительный кодекс РФ устанавливает минимальные требования к данным видам специалистов, императивно определяет круг их должностных обязанностей, предусматривает обязанность данных субъектов в целях легитимации своей деятельности в качестве квалифицированных специалистов и чле-

нов саморегулируемой организации включаться в Национальный реестр специалистов, определяет порядок и условия включения сведений о таких лицах в Национальный реестр, требования к повышению квалификации специалиста, что является правовым механизмом регулирования трудовой деятельности отдельных категорий лиц, следовательно, вмешательством государства в трудовые отношения двух субъектов.

В силу ч. 6 ст. 55.5-1 Градостроительного кодекса РФ сведения о лице подлежат включению в Национальный реестр специалистов на основании его заявления при условии его соответствия требованиям о наличии высшего образования по профессии, специальности или направлению подготовки в области строительства, наличии стажа работы на инженерных должностях в строительных, проектных организациях не менее 3-х лет, наличии общего трудового стажа по профессии, специальности, или направлению подготовки в области строительства не менее 10 лет, повышении квалификации не реже 1 раза в 5 лет и наличии разрешения на работу (для иностранных граждан).

Предполагается включение в Национальный реестр как трудоустроенных специалистов с целью последующего подтверждения членами саморегулируемой организации в сфере строительства своего соответствия требованиям п. 4–5 ч. 2 ст. 55.6 Градостроительного кодекса РФ, так и лиц, нетрудоустроенных по инициативе и в интересах самого физического лица.

Полагаем, что специалисты по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проек-

тирования, строительства, внесённые в соответствующие Национальные реестры специалистов, имеют схожие черты с субъектами профессиональной деятельности ввиду следующего:

1) в ч. 2 ст. 2 федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [13] установлено, что саморегулирование осуществляется на условиях объединения субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности в саморегулируемые организации.

2) в ч. 3 указанной статьи законодателем определены понятия субъектов предпринимательской деятельности и субъектов профессиональной деятельности, которые могут применяться только для целей данного закона, понятие “профессиональной деятельности” ни в указанном законе, ни в иных законодательных актах не раскрывается. Ориентиром в том, является ли та или иная деятельность профессиональной, может быть только прямое указание законодателя [5].

При этом в юридической литературе [3] отмечается, что к ней может быть отнесена любая не запрещённая законом экономически значимая деятельность, осуществляемая физическими лицами, при условии, что порядок осуществления такой деятельности должен регулироваться федеральным законодательством.

В.В. Кванина под субъектами профессиональной деятельности предлагает понимать физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, на которых возложено исполнение публичных функций (например, адвокаты, нотариусы) [4].

Исходя из буквального толкования ч. 3 ст. 2 федерального закона «О саморегулируемых организациях» [13], специалисты по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства соответствуют и требованию о том, что они являются физическими лицами, а также их профессиональная деятельность регулируется федеральным законодательством.

Однако объём регулирования таких субъектов в разных специальных федеральных законах может быть разным: к субъектам профессиональной деятельности, указанным в федеральном законе «О саморегулируемых организациях» [13], применяется правовая регламентация в специальных законах как к членам саморегулируемой организации, а именно: прописываются их права, обязанности, порядок вступления в члены, порядок внесения сведений о субъекте профессиональной деятельности в реестр членов саморегулируемой организации, ответственность, порядок лишения членства и правовые последствия.

Следовательно, наличие трудовых отношений с лицом, обладающим особым статусом специалиста по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства и включенным в Национальный реестр специалистов соответствующего вида, является обязательным условием возникновения специальной правоспособности члена саморегулируемой организации в сфере строительства.

Деятельность указанных специалистов регламентирована Градостроительным кодексом РФ [1] в части установления должностных обязанностей,

оформление трудовых отношений с членом саморегулируемой организации регламентируется положениями Трудового кодекса РФ [11], ответственность за некачественное выполнение работ в части обязательств по возмещению убытков регламентируется положениями Гражданского кодекса РФ [2] с учётом отдельных ограничений, предусмотренных вследствие причинения вреда работником во время исполнения своих трудовых обязанностей¹.

Специалисты, будучи сотрудниками члена саморегулируемой организации, также обязаны соблюдать требования внутренних локальных актов саморегулируемой организации, стандарты и правила осуществления строительной деятельности, что является обязанностью всех членов саморегулируемой организации, исполнение которой возможно в случае исполнения данных требований их сотрудниками.

В то же время специалисты по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства в полном смысле субъектами профессиональной деятельности не являются, потому как для них самостоятельное членство в саморегулируемой организации не предусмотрено, т. к. они являются элементами квалифицированного состава работников члена саморегулируемой организации. А саморегулирование подразумевает создание саморегулируемых организаций именно на основе

объединения субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности (членства данных субъектов).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что данные специалисты не могут быть отнесены к субъектам профессиональной деятельности в порядке, определяемом федеральным законом «О саморегулируемых организациях», однако являются субъектами правоотношений в сфере саморегулирования строительной деятельности при условии наличия у них трудовых отношений с членом саморегулируемой организации, поскольку только в данном случае для указанных специалистов являются обязательными для исполнения стандарты и правила саморегулируемой организации в сфере строительства, её внутренние документы, и деятельность таких специалистов по осуществлению строительных работ подпадает под контрольные мероприятия со стороны саморегулируемой организации в рамках осуществления контроля за деятельностью своего члена в части выполнения требований технических регламентов, исполнения стандартов и правил саморегулируемой организации.

В случае внесения сведений о специалисте по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства в Национальный реестр специалистов по личному заявлению такого специалиста, не состоящему в трудовых отношениях с членом саморегулируемой организации (индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом), на него не распространяется компетенция саморегулируемых организаций, Национального объединения саморегулируемых организаций,

¹ См. ст. 241 Трудового кодекса РФ // Российская газета от 31 декабря 2001 [11]; ст. 1068, 1081 Гражданского кодекса РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410 [2].

он не становится объектом контроля со стороны государственных контролирующих органов, т. е. сам факт внесения сведений о таком специалисте в Национальный реестр не влечёт изменения его гражданско-правового статуса и объёма обязательств. Следовательно, можно сделать вывод, что Национальный реестр специалистов, будучи, по существу, информационной базой, не обладает такой правовой значимостью, как Государственный реестр саморегулируемых организаций, реестр членов саморегулируемой организации, при внесении в которые у соответствующих субъектов возникает специальная правоспособность.

Ввиду того, что в градостроительном законодательстве не предусмотрены в качестве членов саморегулируемой организации в сфере строительства субъекты профессиональной деятельности, однако они являются субъектами саморегулирования, деятельность саморегулируемых организаций направлена в том числе на регулирование деятельности указанных специалистов, правила и стандарты саморегулируемой организации в сфере строительства обязательны для исполнения указанными специалистами, как работниками членов саморегулируемой организации, считаем необходимым ввести отдельную категорию субъектов – субъекты профессиональной деятельности в строительстве без самостоятельного членства.

Наименование субъектов, указанных в ст. 55.5.1 Градостроительного кодекса РФ как «специалистов по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства», не является специальным термином института саморегули-

рования строительной деятельности и может применяться в более широком смысле, чем это заложено в указанное понятие законодателем в ст. 55.5.1 Градостроительного кодекса РФ.

Так, например, специалистом является любое лицо, обладающее специальными знаниями, навыками, опытом работы в определённой отрасли экономики или науки, получившее специальность по образованию или в практической деятельности [14].

Законодатель, наделяя специалистов по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства отдельными признаками, переводит их в особую категорию субъектов саморегулирования. С учётом изложенного в правоприменительной практике возможно ошибочное толкование содержания деятельности и объёма правоспособности указанных лиц.

С целью идентификации специалистов по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства как субъектов саморегулирования с учётом присущих им признаков автором предложено отнести их к субъектам профессиональной деятельности в строительстве без самостоятельного членства в саморегулируемой организации.

Под субъектами профессиональной деятельности в строительстве без самостоятельного членства в саморегулируемой организации предлагается понимать физических лиц, являющихся специалистами по организации инженерных изысканий, специалистами по организации архитектурно-строительного проектирования, специалистами по организации строитель-

ства, сведения о которых включены в Национальный реестр специалистов в области инженерных изысканий и архитектурно-строительного проектирования или в Национальный реестр специалистов в области строительства соответственно, имеющих трудовые отношения с членом саморегулируемой организации.

Предложенное законодателем определение специалиста по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства указывает на право таких лиц вступить в трудовые отношения с членом саморегулируемой организации, т. е. под специалистом может пониматься как лицо, уже трудоустроенное (с возникшей у него специальной правоспособностью), так и не трудоустроенное лицо, которое не является субъектом саморегулирования.

К предложенной автором категории субъектов профессиональной деятельности в строительстве без самостоятельного членства относится исключительно субъект саморегулирования, наделённый специальной правоспособностью, поскольку именно в этом случае специалист становится субъектом персональной ответственности за качество выполняемых работ в сфере строительства и элементом общей системы обеспечения безопасности и качества работ.

В результате проведённого исследования выявлено, что реформа по

созданию Национального реестра специалистов направлена на введение персональной ответственности специалистов по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, имеющих право подписи определённых документов по контролю качества работ и по их приёме, за качество выполняемых работ. С указанной целью законодателем введена особая категория специалистов, однако не посредством обозначения группы лиц, наделённых общими признаками и особым правовым статусом, а наделением широкого используемого понятия «специалист по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства» новыми присущими им признаками. Введение такой особой категории субъектов саморегулирования, как субъекты профессиональной деятельности в строительстве без самостоятельного членства, позволит определить место специалистов по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства в общей системе субъектов саморегулирования, а также отделить специалистов по организации инженерных изысканий, строительного-архитектурного проектирования, строительства, обладающих специальной правоспособностью, от такой же категории лиц, не обладающей ею.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (Ч. 1). Ст. 16.

2. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Кайль А.Н., Батяев А.А. Комментарий к федеральному закону от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (постатейный) // Сейчас.ру. URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/224> (дата обращения: 19.03.2018).
4. Кванина В.В. Профессиональная и предпринимательская деятельность // Цивилист. 2011. № 2. С. 27–33.
5. Лескова Ю.Г., Серова О.А., Диденко А.А., Алгазина А.Ф., Байтенова А.А., Васючкова О.А. Комментарий к федеральному закону от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [Электронный ресурс] // Гарант: информационно-правовая система [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/57230768> (дата обращения: 19.03.2018).
6. Мельников Н.Н. и др. Научно-практический постатейный комментарий к Градостроительному кодексу РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ (по состоянию на 05.08.2017) [Электронный ресурс] // Гарант: информационно-правовая система [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/77775995> (дата обращения 19 марта 2018 года).
7. Приказ Минстроя России от 06.04.2017 № 688/пр (ред. от 22.12.2017) «О порядке ведения национального реестра специалистов в области инженерных изысканий и архитектурно-строительного проектирования, национального реестра специалистов в области строительства, включения в такие реестры сведений о физических лицах и исключения таких сведений, внесения изменений в сведения о физических лицах, включенные в такие реестры, а также о перечне направлений подготовки, специальностей в области строительства, получение высшего образования по которым необходимо для специалистов по организации инженерных изысканий, специалистов по организации архитектурно-строительного проектирования, специалистов по организации строительства» (зарегистрировано в Минюсте России 26.04.2017 № 46502) [Электронный ресурс] // Гильдия строителей СКФО: [сайт]. URL: http://www.gilds.ru/images/download/372-FZ/NRS/Prikaz_Minstroy_NRS.pdf (дата обращения: 01.05.2018).
8. Сингатулина Л.А. Некоторые проблемы реформирования законодательства о саморегулировании в строительной сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 48–53.
9. «СРО в сфере строительства: создание национального реестра специалистов и другие изменения действующего законодательства»: интернет-интервью с О.В. Сперанским, директором правового департамента Минстроя России, 5 сентября 2017 г. [Электронный ресурс] // Дельтаинформ25: [сайт]. URL: http://www.delta-i.ru/internet_news/836 (дата обращения: 01.05.2018).
10. Стратегия инновационного развития строительной отрасли Российской Федерации на период до 2030 года (разработана Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ) [Электронный ресурс] // Родос: [сайт]. URL: http://rodosnpp.ru/media/rodos/documents/2015/zakonodat/_141015.pdf (дата обращения: 15.05.2018).
11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек.
12. Федеральный закон от 03.07.2016 № 372-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Ч. II). Ст. 4305.

13. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О саморегулируемых организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2016) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.
14. Экономика и право: словарь-справочник / сост. Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков. М.: Вуз и школа, 2004. 1072 с.

REFERENCES

1. [The Town-Planning Code of the Russian Federation dated 29.12.2004 № 190-FZ (ed. dated 29.12.2017) (Revised and amended, enforced 01.01.2018)]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 2005, no. 1 (p. 1), art. 16.
2. [The Civil Code of the Russian Federation (Part II) dated 26.01.1996 No. 14-FZ (ed. dated 05.12.2017)]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 1996, no. 5, art. 410.
3. Kail' A.N., Batyayev A.A. [The Commentary on the Federal Law dated December, 1st, 2007 no. 315-FZ "On Self-Regulating Organizations" (itemized)]. In: *Seichas.ru*. Available at: <https://www.lawmix.ru/commlaw/224> (accessed: 19.03.2018).
4. Kvanina V.V. [Professional and Business Activities]. In: *Tsivilist* [Civilian], 2011, no. 2, pp. 27–33.
5. Leskova Yu.G., Serova O.A., Didenko A.A., Algazina A.F., Baitenova A.A., Vasyuchkova O.A. [The Commentary on the Federal Law dated December, 1st, 2007 no. 315-FZ "On Self-Regulating Organizations"]. In: *Garant: informatsionno-pravovaya sistema* [Garant: Legal Information System]. Available at: <http://base.garant.ru/57230768/> (accessed: 19.03.2018).
6. Mel'nikov N.N. et al. [Theoretical and Practical Commentary on the Town-Planning Code of the Russian Federation dated 29.12.2004 no. 190-FL (as of August 5, 2017)]. In: *Garant: informatsionno-pravovaya sistema* [Garant: Legal Information System]. Available at: <http://base.garant.ru/77775995> (accessed: 19.03.2018).
7. [The Decree of the Ministry of Construction of Russia dated 06.04.2017 no. 688/ol (ed dated 22.12.2017) "On the Procedure of Conducting the National Register of Experts In The Field Of Engineering Surveying, Architecture and Building Design of the National Register of Experts in the Field of Construction, Inclusion in Register of Information on Individuals and Exclusion of Such Information, Changes in Information on Individuals Included In Such Registers and the List of Training Directions and Specialties in the Field of Construction, Higher Education Which Is Necessary for Specialists in Organization Of Engineering Surveying, Architecture and Building Design and Construction" (Registered in Ministry of Justice of Russia 26.04.2017 no. 46502)]. In: *Gil'diya stroitelei SKFO* [Guild of Builders of North Caucasus Federal District]. Available at: http://www.gilds.ru/images/download/372-FZ/NRS/Prikaz_Minstroy_NRS.pdf (accessed: 01.05.2018).
8. Singatullina L.A. [Some Problems of Reforming the Legislation on Self-Regulation in Construction Industry]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2017, no. 8, pp. 48–53.
9. ["Self-Regulating Organizations in Construction Sector: Establishment of the National Register of Experts and other Changes in the Current Legislation". In The Interview with O.V. Speransky, Director of the Legal Department of the Ministry of Construction, September 5, 2017]. In: *Del'tainform25*. Available at: http://www.delta-i.ru/internet_news/836 (accessed: 01.05.2018).
10. [Strategy for Innovative Development of Construction Industry of The Russian Federation For the Period till 2030 (Developed by the Ministry of Construction and Housing Utilities

- of the Russian Federation)]. In: *Rodos*. Available at: http://rodosnpp.ru/media/rodos/documents/2015/zakonodat/_141015.pdf (accessed: 15.05.2018).
11. [The Labour Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 № 197-FZ]. In: *Rossiiskaya gazeta*, 2001. December 31.
 12. [Federal Law dated 03.07.2016 no. 372-FZ (ed. from 28.12.2016) “On Amendments to the Town-Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 2016, no. 27 (p. II), art. 4305.
 13. [Federal Law dated 01.12.2007 no. 315-FZ (ed. from 03.07.2016) “On Self-Regulating Organizations” (Revised. and extended, enforced 01.10.2016)]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 2007, no. 49, art. 6076.
 14. Kurakov L.P., Kurakov V.L., Kurakov A.L. *Ekonomika i pravo*: [Law and Economics]. Moscow, *Vuz i shkola* Publ., 2004. 1072 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даутия Татьяна Васильевна – соискатель учёной степени кандидата юридических наук Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, старший юрисконсульт правового сопровождения договоров строительства и ремонта Современной гуманитарной академии;
e-mail: tdautiya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Dautiya – applicant for PhD in Law at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Senior Jurist Consult of Legal Support for Repair and Construction Contracts, Modern University for the Humanities;
e-mail: tdautiya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Даутия Т.В. Особенности правового статуса специалистов по организации инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 49–60
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-49-60

FOR CITATION

Dautiya T.V. Peculiarities Of The Legal Status Of Specialists In Engineering Surveying, Architecture And Building Design And Construction. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 49–60
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-49-60

УДК 34:007; 34.01; 342; 341; 004.8; 004.9; 006; 007; 681.5

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-61-73

ЮНИТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ЭЛЕКТРОННОЕ ЛИЦО

Морхат П.М.

Арбитражный суд Московской области

107053, г. Москва, пр-т Академика Сахарова, д. 18, Российская Федерация

Аннотация. Цель: Настоящая статья посвящена исследованию юридических и фактических возможностей, условий, оснований и концептов установления правосубъектности юнитов искусственного интеллекта.

Методы исследования: В статье используется метод системного и комплексного анализа, а также сравнительно-правовой.

Результаты исследования: В статье объяснены возможности применения концепций правосубъектности к юнитам искусственного интеллекта. Автор анализирует возможность применения концепции коллективного субъекта права к электронному лицу, причины и целесообразность наделения юнита искусственного интеллекта правосубъектностью.

Теоретическая/практическая значимость: Основные выводы авторов могут быть использованы в учебной литературе по актуальным проблемам гражданского права.

Новизна: Автором исследованы вопросы и задачи, которые могут быть решены с введением нового правового института электронных лиц, а также проблемы и риски, которые могут возникнуть с введением данного концепта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юнит искусственного интеллекта, электронное лицо, электронный агент, правосубъектность, компьютерное право, информационное право, теория права.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE UNIT AS ELECTRONIC PERSONALITY

P. Morkhat

Arbitration Court of the Moscow Region

18, Akad. Sakharov ave., Moscow, 107053, Russian Federation

Abstract. Objective. This article is devoted to the study of legal and factual possibilities, conditions, bases and concepts of establishing a legal entity of artificial intelligence units.

Research methods. method of system and complex analysis, comparative-legal method are used in the article.

Results of the research: The article explains the possibilities of applying a legal personality concept to artificial intelligence units. The author analyzes the possibility of applying the concept of a collective subject of law to an electronic personality, the reasons and expediency of endowing an artificial intelligence unit with legal personality.

Theoretical/practical significance. The author's main findings of the can be used in academic textbooks on topical issues of civil law.

Novelty. The author has explored the issues and problems that can be solved with the introduction of a new legal institution of electronic entities, as well as the problems and risks that may arise with the introduction of this concept.

Key words: artificial intelligence, artificial intelligence unit, electronic personality, electronic agent, legal personality, Computer Law, Information Law, theory of law.

По мнению Г.А. Гаджиева, «с учётом того, что цифровая экономика предполагает наличие очень больших рынков, наибольшие выгоды может дать не официальное признание роботов-агентов правосубъектными, а частноправовое признание личности производителей роботов-агентов потребителями, а поэтому необходимо увеличивать затраты именно на это признание личности производителя» [1, с. 28].

В 2017 г. Европейский Парламент в своей резолюции вместе с рекомендациями Комиссии «Нормы гражданского права о робототехнике» [8] указал на необходимость определения особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе таким образом, чтобы хотя бы наиболее сложные автономные роботы могли быть наделены статусом электронных лиц, которые несут ответственность за свои действия и могут принимать независимые решения или иным образом независимо взаимодействовать с третьими лицами.

При этом исследователи отмечают, что характер правового статуса электронного лица, предложенного Европейским Парламентом, пока не ясен и, возможно, будет определён в будущем [11, р. 59].

Очевидно одно: речь идёт о потенциальном наделении робототехники некоторой определённой правосубъ-

ектностью, соответственно, существует необходимость научного осмысления данного вопроса.

В настоящей статье будут рассмотрены возможности применения концепций правосубъектности к юнитам искусственного интеллекта.

Понятие правосубъектности применительно к юнитам искусственного интеллекта

Начнём с понятия общей правосубъектности в целом, которое предполагает способность осуществлять права и выполнять обязанности, а также нести ответственность.

Всех субъектов права можно разделить на две основные крупные категории: индивидуальные и коллективные субъекты. К индивидуальным субъектам относятся физические лица, к коллективным – организации, государство и т. д.

Концепция электронного лица (как потенциального субъекта права) является совершенно новой, соответственно, в первую очередь необходимо понять, вписывается ли такое лицо в указанную классификацию либо же будет представлять собой новый вид субъектов.

Следствием наделения юнитов искусственного интеллекта правосубъектностью будет то, что такие устройства будут иметь не только права, но и обязанности [15, р. 214].

При этом цель надления актора правосубъектностью заключается в том, чтобы позволить ему определённые правовые последствия своих действий и ощущать на себе воздействие этой правовой системы [5].

С.М. Солайман указывает, что вкратце правосубъектность включает в себя следующие требования или атрибуты: лицо может быть субъектом права; бытие субъектом права влечёт за собой способность осуществлять права и выполнять обязанности; осуществление права требует осознанности и выбора [12, р. 161].

Концепция индивидуального субъекта права применительно к электронному лицу

Рассмотрим возможность применения концепции индивидуальной правосубъектности к электронному лицу, как если бы оно было сравнимо с человеком.

По мнению Джоанны Брайсон, Михалиса Диамантиса и Томаса Гранта, использование термина “электронное лицо” указывает на чёткое намерение придать некоторым интеллектуальным предметам статус личности, наделённой правосубъектностью, которой наделено и большинство людей [5].

При этом в таком контексте определение понятия личности с юридической точки зрения является очень актуальной темой [9].

Как правило, в дискуссиях по поводу надления правосубъектностью искусственных агентов речь заходит о необходимых и достаточных условиях, которым должен такой агент соответствовать, чтобы классифицироваться

как подлинный познающий субъект наравне с человеком [6].

Основной вопрос, обсуждаемый в рамках таких дискуссий, касается того, могут ли искусственные агенты иметь самосознание [6], чего на данный момент развития технологий искусственного интеллекта пока не достигнуто, и нет доказательств, что может быть действительно достигнуто в будущем. Этот вопрос актуален в силу того, что, согласно имеющей место в научной литературе точке зрения, субъект, который чувствует или каким-либо образом осознаёт, имеет моральное право на то, чтобы иметь соответствующий правовой статус [15, р. 213].

Соответственно, юнит искусственного интеллекта не может быть сравним в полной мере с человеком, поскольку не имеет (либо не имеет в достаточной мере или в надлежащем понимании) души, интенциональности своих действий, сознания, чувств, интересов и свободной воли [14].

Однако, как указывают Самир Чопра и Лоуренс Уайт, в праве сознание не является необходимым или достаточным условием для правосубъектности, поскольку, с одной стороны, полностью сознательные физические лица, такие как дети, рабы, были лишены полной правосубъектности, а, с другой стороны, люди, временно не обладающие сознанием, например находящиеся в коме или спящие, на этом основании её не лишаются, хотя и в некоторых случаях не могут осуществлять реализацию многих своих прав. Так же и юридические лица не обладают сознанием [6].

Истории известны различные ситуации надления разных людей правосубъектностью разной степени: на-

пример, в разное время и в различных юрисдикциях различались по своему правовому статусу мужчина – глава семьи, замужняя женщина, дети и рабы, и некоторые категории населения вообще практически не рассматривались как субъекты права либо имели ограниченную правосубъектность [6].

Соответственно, с одной стороны, отсутствие сознания для человека не является основанием для лишения его общей правосубъектности, а с другой, исторический опыт показывает, что не всегда человек, находящийся в сознании, обладал полной правоспособностью и дееспособностью, что ещё более не позволяет в полной мере даже в теории приравнять правовой статус человека и правовой статус юнита искусственного интеллекта.

Кроме того, пока суды всего мира придерживаются подхода не наделять некоторых “наиболее разумных” видов животных правосубъектностью, нельзя говорить о её предоставлении искусственным агентам.

Так, Сюзен Хасслер указывает, что пока ещё не завершены окончательно дискуссии относительно юридического понятия личности применительно к женщинам, детям, а также высокоразвитым животным, таким как шимпанзе [9].

Исследователи выделяют следующие аргументы против наделяния искусственного интеллекта индивидуальной правосубъектностью, схожей с человеческой:

– юнит искусственного интеллекта в силу своей природы не может быть привлечён к ответственности, соответственно, под вопросом может оказываться способность такого юнита реализовывать свои права, выполнять

обязанности и нести за это ответственность;

– юниты искусственного интеллекта не могут в своей деятельности принимать решения, которые носят нравственный и субъективный характер [14].

Представляется целесообразным привести следующий пример.

В США в декабре 2017 г. был разработан и внесён в Конгресс проект закона «Об основополагающем понимании применимости и реалистичной эволюции искусственного интеллекта» (закон о будущем искусственного интеллекта) от 2017 г. [10].

Данный проект представляет научно-исследовательский интерес в силу предлагаемого в нём определения понятия искусственного интеллекта.

Пп. 1 п. “а” ст. 3 данного проекта нормативно-правового акта предусматривает, что понятие “искусственный интеллект” включает в себя следующее:

«(1) Искусственный интеллект. – Термин “искусственный интеллект” подразумевает следующее:

(А) любые искусственные системы, выполняющие задачи в изменяющихся и непредсказуемых условиях без значительного контроля со стороны человека либо способные учиться на своём опыте и повышать свою производительность. Такие системы могут быть разработаны в программных, аппаратных или других, ещё не предполагаемых дизайнах [форматах]. Презюмируется, что они могут решать задачи, требующие человекоподобного восприятия, сознания, планирования, обучения, сообщения или физических действий. В целом чем более система антропоморфна [подобна человеку] в контексте своих задач, тем более мож-

но утверждать, что она использует искусственный интеллект;

(В) системы, думающие как люди, такие как когнитивные архитектуры и нейронные сети;

(С) системы, действующие как люди, такие как системы, способные пройти тест Тьюринга или другие аналогичные тесты посредством обработки естественного языка, представления знаний, автоматизированных рассуждений и обучения;

(D) набор технических средств, стремящихся имитировать выполнение каких-либо когнитивных задач;

(Е) системы, действующие разумно, такие как интеллектуальные программные агенты и материальные роботы, достигающие своих целей с помощью восприятия, планирования, рассуждения, обучения, коммуницирования, принятия решений и совершения действий.

(2) **Общий искусственный интеллект.** – Термин “общий искусственный интеллект” означает условную систему искусственного интеллекта будущего, которая демонстрирует, по-видимому, интеллектуальное поведение, по крайней мере, настолько же продвинутое, как и поведение человека, причём как когнитивное, так и эмоциональное, и социальное.

(3) **Инструментальный искусственный интеллект.** – Термин “Инструментальный искусственный интеллект” означает систему искусственного интеллекта, решающую задачи в определённой прикладной области, такой как стратегические игры, перевод с языка на язык, беспилотные автомобили и распознавание образов» [10].

Данное определение исходит из концепта антропоморфности юнита

искусственного интеллекта, но, несмотря на это, указанный проект нормативно-правового акта не содержит указаний на необходимость или даже возможность наделения юнитов искусственного интеллекта правосубъектностью.

Применение концепции коллективного субъекта права к электронному лицу

Правосубъектность, с одной стороны, неизменно связана с автономией личности, но, с другой, она не предоставляется исключительно человеку, законом она распространена и на нечеловеческих субъектов, таких как корпорации [14].

На наш взгляд, неперспективным является подход к наделению юнита искусственного интеллекта статусом электронного лица только лишь в силу его подразумеваемых свойств и качеств, позволяющих провести аналогию с человеческим существом, имеющим моральное право на правосубъектность в силу таких качеств, в отличие от института электронного лица – юридической фикции, позволяющей решить практические проблемы, возникающие на данном этапе развития технологий искусственного интеллекта и их применения и состояния действующего законодательства.

Представляется, что институт электронного лица не предполагает реального наделения юнитов искусственного интеллекта правосубъектностью физического лица, а, скорее, схож с институтом юридических лиц, однако с ещё большей нацеленностью на достижение конкретных практических целей.

Наделение юнита искусственного интеллекта правовым статусом электронного лица должно быть направлено не на признание автономности и самостоятельности такого юнита и освобождение физических и юридических лиц от ответственности за его действия, а наоборот, на укрепление такой подотчётности и решение проблем идентификации юнитов искусственного интеллекта и стоящих за ними реальных людей.

На первый взгляд, организация и компьютерная программа – это совершенно разные явления, однако между ними можно всё же провести некоторые аналогии с точки зрения их правосубъектности [3, р. 53].

Электронное лицо может иметь сходство с юридическим лицом в том смысле, что оба являются для их владельцев средством достижения определённой цели и существуют и создаются исключительно в интересах их владельцев. Робот, будучи наделённым правовым статусом электронного лица, не получает внезапно прав и обязанностей, аналогичных человеческим, а владелец робота создаёт юридическую фикцию, контроль над которой он осуществляет [7].

Однако на этот счёт существуют и альтернативные точки зрения.

С.М. Солайман, например, отмечает, что при рассмотрении вопроса о признании правосубъектности юнитов искусственного интеллекта последние нельзя сравнивать с юридическими лицами, поскольку ни одна из концепций правосубъектности юридического лица не применима к роботам. Скорее, юнит искусственного интеллекта возможно сравнить с животным по критериям автономности,

самосознания или самоопределения, однако в таком случае он должен также иметь правовой статус, скорее, объекта права. У животных и у роботов отсутствует такой критически важный элемент правосубъектности, как способность осуществлять права и обязанности [12, р. 176].

К весьма существенным различиям между организациями и юнитами искусственного интеллекта можно отнести то, что организации автономны фиктивно, решения по поводу их действий принимаются их владельцами или эксплуатантами, и юнит искусственного интеллекта может пользоваться гораздо большей степенью автономности по своему характеру и не контролироваться в полной мере своим владельцем или разработчиком [14].

При определении особенностей правового статуса электронного лица, необходимо учитывать, что такое лицо может представлять собой интегральное сочетание одновременно субъекта права и объекта права [4].

Причины и целесообразность наделения юнита искусственного интеллекта правосубъектностью

Выделяют, по меньшей мере, три причины (резона) наделения актора правосубъектностью:

- моральное право актора на правосубъектность;
- социальный потенциал актора;
- удобство с юридической точки зрения [15, р. 213].

Очевидно, что к юнитам искусственного интеллекта может быть применена только третья причина.

И примеров таких ситуаций, когда наделение юнита искусственного

интеллекта правовым статусом электронного лица оправданно с точки зрения решения некоторых правовых проблем, немало.

К примеру, отметим, что среди некоторых исследователей существует точка зрения, согласно которой роботы должны быть наделены статусом электронного лица для того, чтобы освободить своих создателей и пользователей от потенциальной ответственности за действия юнитов искусственного интеллекта [12, р. 157].

Придание статуса правосубъектно-го лица юниту искусственного интеллекта может быть эффективным для решения проблем, связанных с ведением электронного бизнеса, касающихся вопросов идентификации и определения юрисдикции [3, р. 53].

Независимо от природы и особенностей правового статуса электронного лица он может способствовать решению проблем, связанных с интеллектуальной собственностью, создаваемой искусственным интеллектом [11, р. 59].

При этом, по мнению Стивена де Шрайжвера, многие преимущества, которых предполагается достичь с помощью введения института электронной личности, могут быть обеспечены и с помощью иных правовых механизмов, без наделения роботов правосубъектностью [7].

Электронные лица в рамках существующих правовых систем

При наделении актора правосубъектностью необходимо учитывать, способствует ли это достижению целей конкретной правовой системы или, наоборот, препятствует [5].

При этом новые технологии, позволяющие интеллектуальным роботам принимать решения, которые не были предварительно одобрены их разработчиками или владельцами, порождают новые правовые проблемы, поскольку существующие правовые системы формировались без учёта возможности применения такого рода технологий [7].

Подходы к правосубъектности могут различаться в разных правовых системах. Исследователи отмечают, что естественно рассматривать правосубъектность как фикцию, претендующую на то, чтобы быть реальной. Если в правовой системе предоставлены юридические права и обязанности организации, презюмируется отношение к этой организации как к реальному лицу [5].

Создание отдельного правового статуса электронного лица приведёт к созданию нового правового института, в рамках которого действия роботов будут контролироваться и управляться отдельно от его владельца или эксплуатанта, а также позволит прояснить, что происходит при вступлении в правоотношения с роботами, и определить отношения между роботом и третьей стороной, а также между роботом и его владельцем [7].

Джоанна Брайсон, Михалис Диамантис и Томас Грант указывают, что необходимо проявлять осторожность и учитывать проблемы, возникавшие в прошлом с введением новых видов лиц с юридической точки зрения, поскольку иногда расширение понятия лица может происходить за счёт интересов тех, кто уже к ним имеет отношение [5].

Правовая система, созданная людьми, в конечном счёте существует для того, чтобы защищать интересы людей, и в отсутствие какой-либо неотложной нравственной необходимости необходимо учитывать возможные последствия любых изменений в праве, как позитивных, так и негативных, именно для людей, а признание юнитов искусственного интеллекта как правосубъектных личностей будет представлять собой весьма существенное изменение [5].

Несмотря на то, что действующее законодательство в принципе позволяет вписать в правовые рамки отношения, возникающие в связи с использованием юнитов искусственного интеллекта, в частности, в случае определения ответственности владельца за действия юнита искусственного интеллекта, а в случае совершения таких действий в результате недоработок производителя и программиста – посредством задействования института регрессной ответственности, всё же это законодательство не заточено под такие ситуации, что может приводить к сложным проблемам толкования. Соответственно, введение отдельного специального института электронного лица позволит упорядочить эти правоотношения и применимое к ним законодательство.

Для обеспечения эффективности функционирования такого нового правового института необходимы принятие соответствующих мер как можно большим количеством стран на национальном уровне, а также разработка и принятие стандартов на международном уровне, поскольку электронные коммерческие отношения во многом глобализованы.

Ведение единых реестров электронных лиц

Наделение юнита искусственного интеллекта электронной личностью с правовой точки зрения будет означать также и способность такого юнита нести ответственность за свои действия или бездействия. И одна из существенных проблем заключается в сложности надлежащей идентификации такого юнита, в особенности если аппаратное и программное обеспечение распределено по разным сайтам и поддерживается разными лицами. В таком случае необходимо будет создание и ведение соответствующего реестра, по аналогии с реестрами юридических лиц [15, р. 215].

В такого рода реестры могут подаваться документы, содержащие информацию о владельцах и полномочиях электронных лиц. Такие механизмы могут быть полезными для ограничения автономности роботов и определения ответственности за их действия. Причём, как отмечает Стивен де Шрайввер, чёткое определение полномочий и способностей юнита искусственного интеллекта имеет особенно важное значение для его владельца, поскольку он сможет принимать автономные решения, которые владелец не всегда сможет отслеживать [7].

Одним из преимуществ ведения такого реестра также является возможность ознакомления с информацией, в нём содержащейся [7].

Система реестров электронных лиц может использоваться для предотвращения использования таких технологий в противоправных целях [3, р. 53].

Специальная правосубъектность электронных лиц в контексте агентских отношений

Эмили Уайтценбоук отмечает, что сегодня компьютеры являются не только средством коммуникации, которое обеспечивает и облегчает ведение электронной торговли, но и сами способны инициировать такую коммуникацию. Роль компьютера здесь развивается от роли пассивного инструмента до активного участника соответствующих процессов, способного генерировать соглашения самостоятельно, а не только быть средством генерации таких соглашений. И здесь возникает проблема правосубъектности таких агентов, которая необходима для придания юридической силы заключаемым ими договорам [15, p. 211, 212].

Эмили Уайтценбоук отмечает следующие релевантные принципы законодательства об агентских отношениях (главным образом стран общего права), имеющие важное значение для заключения договоров с электронными агентами:

– концепт попустительских полномочий, с учётом которого лицо, инициировавшее деятельность электронного агента, может добровольно наделить его полномочиями односторонним выражением готовности к тому, что его правовое положение может быть изменено действиями электронного устройства либо если такие полномочия презюмируются;

– концепт ратификации: если электронный агент (юнит искусственного интеллекта в качестве такового) совершает несанкционированную сделку с третьей стороной, возможно, что лицо, инициировавшее деятельность

электронного агента, может позднее подтвердить эти операции, ратифицировав их;

– концепт нераскрытого принципа: агент уполномочен совершать сделки от имени нераскрытого принципа, в этом случае договор считается заключаемым между агентом и третьей стороной [15, p. 219, 220].

Наделение программного обеспечения правосубъектностью необходимо рассматривать как следствие необходимости организации коммерческой деятельности на более высоком уровне [3, p. 53].

Преимущество наделяния искусственных агентов правосубъектностью в контексте контрактных отношений заключается в возможности проведения полноценных параллелей с человеческими агентами с точки зрения возможности третьей невиновной стороны подавать на агента в суд за нарушение обязательств [6].

Возможные негативные последствия наделения юнитов искусственного интеллекта определённой правосубъектностью

По мнению С.М. Солаймана, предоставление роботам правосубъектности может не быть панацеей, скорее, это может оказаться ящиком Пандоры [12, p. 176].

Вообще возникает вопрос о том, что есть человеческое существо? [2]

Алжбета Краузова отмечает, что остаются вопросы относительно того, не приведёт ли создание правового статуса электронного лица к нарушению функционирования общества и насколько таковой статус может быть потенциально использован отдель-

ными субъектами для того, чтобы избежать личной ответственности [11, р. 59].

Согласно Майклу Золлоси, понятие электронного лица является проблемным с точки зрения контекста его предложения, т. к, помещая роботов и искусственный интеллект в определённые исторический и идеологический контекст и дискурс, от Франкенштейна до Азимова, документы ЕС по данной теме воспроизводят очень старые и в значительной степени неточные концепции как роботов, так и человеческих существ [13, р. 2].

По мнению Майкла Золлоси, в документах ЕС, касающихся электронных лиц, роботы рассматриваются, скорее, в качестве косвенного средства для более фундаментальной дискуссии относительно того, что означает быть человеком, и, несмотря на благие намерения, они усугубляют общественные опасения относительно роботов, а также продолжают знакомое повествование о роботах как о заклятом враге человечества. Эта популярная концепция демонстрирует то, как роботы становятся вместилищем культурной озабоченности относительно того, что значит быть человеком, и то, как такая озабоченность может оказывать негативное воздействие на потенциальные благоприятные способы применения социальной робототехники, например, в сфере образования или социального обслуживания [13, р. 2].

Могут также возникать и определённые проблемы в зависимости от применённой к электронным лицам концепции правосубъектности.

Так, если рассматривать правосубъектность электронного лица как индивидуального субъекта, аналогичного

человеку, предоставление ему такого правового статуса является важным шагом на пути к получению полного набора конституционных (“человеческих”) прав, что может порождать в дальнейшем иные проблемы и вопросы: например, относительно того, могут ли к юнитам искусственного интеллекта применены такие конституционные гарантии, как, например, право не содержаться в рабстве [6].

Кроме того, по мнению Джоанны Брайсон, Михалиса Диамантиса и Томаса Гранта, в конечном счёте наделение юнитов искусственного интеллекта статусом электронных лиц может привести к ослаблению правовой защиты людей по сравнению с ними [5].

Одним из аргументов против наделения юнитов искусственного интеллекта правовым статусом электронного лица является также их ограниченная уязвимость к наказанию. Хотя, как отмечают Самир Чопра и Лоуренс Уайт, современные корпорации также наделяются правосубъектностью, и, несмотря на то, что они не могут быть, например, лишены свободы, на них могут быть наложены финансовые санкции [6].

И, наконец, приведём следующее мнение. Так, Сюзен Хаслер задаётся следующим вопросом: почему вместо того, чтобы предположить, что этически спорное будущее с разумными машинами неизбежно, мы не можем выбрать управление машинами, которые мы строим, и бросить вызов технологическому императиву? Или мы настолько в плену у идеи создания искусственной жизни, монстров и големов, что это невозможно? [9]

Мы полагаем, что концепт правосубъектности “электронное лицо”

может быть в некоторой перспективе внедрён, но пока для весьма ограниченного числа случаев сложных роботизированных систем с искусственным интеллектом.

Конкретное содержание понятия “электронное лицо”, отражающего специфическую форму правосубъект-

ности некоторых юнитов искусственного интеллекта, находится сегодня на стадии научно-юридической проработки и обсуждения. Релевантных, исчерпывающе прописанных и надлежаще обоснованных концептов для сего дня никем представлено не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 15–30.
2. Понкин И.В., Понкина А.А. К вопросу о содержании понятия “человек” с позиций медицинского права и биоэтики // Главврач. 2015. № 3. С. 16–23.
3. Bayamlioplu E. Intelligent Agents and Their Legal Status: An Essay on Artificial Intelligence and Personality // Ankara Bar Review. 2008. No. 1. P. 46–54.
4. Bowyer K. Robot rights: at what point should an intelligent machine be considered a “person”? [Электронный ресурс] // Techxplore: [сайт]. URL: <https://techxplore.com/news/2017-02-robot-rights-intelligent-machine-person.html> (дата обращения: 02.04.2018).
5. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, For, and By the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons [Электронный ресурс] // University of Bath: [сайт]. URL: <http://www.cs.bath.ac.uk/~jjb/ftp/BrysonDiamantisGrant17-preprint.pdf> (дата обращения: 02.04.2018).
6. Chopra S., White L. Artificial Agents – Personhood in Law and Philosophy [Электронный ресурс] // Brooklyn College: [сайт]. URL: <http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf> (дата обращения: 02.04.2018).
7. Schrijver S. de The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots [Электронный ресурс] // Who’s Who Legal. [2018]. URL: <http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequences-electronic-personality-autonomous-robots> (дата обращения: 02.04.2018).
8. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) [Электронный ресурс] // European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 02.04.2018).
9. Hassler S. Do We Have to Build Robots That Need Rights? [Электронный ресурс] // IEEE Xplore. URL: <http://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?arnumber=7864739> (дата обращения: 02.04.2018).
10. H.R.4625 – Future of Artificial Intelligence Act of 2017, 115th Congress (2017–2018). [Электронный ресурс] Delaney / ed. J.K // Congress.Gov. [12.12.2017] URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4625/text> (дата обращения: 02.04.2018).
11. Krausová A. Intersections between Law and Artificial Intelligence // International Journal of Computer. 2017. Vol. 27. No. 1. P. 55–68.
12. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. No. 2. P. 155–179.
13. Szollosy M. Robots, AI, and the question of “e-persons”: a panel at the 2017 Science in Public conference, July, 10–12 2017 // Journal of Science Communication. 2017. Vol. 16. No. 4. P. 1–6.

14. The Future is here: Artificial Intelligence and Robotics [Электронный ресурс] // Nishith Desai Associates [сайт]. URL: http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf (дата обращения: 02.04.2018).
15. Weitzenboeck E.M. Electronic Agents and the Formation of Contracts // *International Journal of Law and Information Technology*. 2001. Vol. 9. No. 3. P. 204–234.

REFERENCES

1. Gadzhiev G.A. [Is Robot Agent a Person?]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 1, pp. 15–30.
2. Ponkin I.V., Ponkina A.A. [To the Issue of the Content of the Concept of “Man” From the Standpoint of Medical Law and Bioethics]. In: *Glavvrach* [Head Physician], 2015, no. 3, pp. 16–23.
3. Bayamlioglu E. Intelligent Agents and Their Legal Status: An Essay on Artificial Intelligence and Personality. In: *Ankara Bar Review*, 2008, no. 1, pp. 46–54.
4. Bowyer K. Robot Rights: at What Point Should an Intelligent Machine Be Considered a “Person”? In: *Techxplore*. Available at: <https://techxplore.com/news/2017-02-robot-rights-intelligent-machine-person.html> (accessed: 02.04.2018).
5. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, For, and By the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons. In: *University of Bath*. Available at: <http://www.cs.bath.ac.uk/~jjb/ftp/BrysonDiamantisGrant17-preprint.pdf> (accessed: 02.04.2018).
6. Chopra S., White L. Artificial Agents – Personhood in Law and Philosophy. In: *Brooklyn College*. Available at: <http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf> (accessed: 02.04.2018).
7. Schrijver S. de The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots. In: *Who’s Who Legal*, 2018. Available at: <http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequences-electronic-personality-autonomous-robots> (accessed: 02.04.2018).
8. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics, 2015/2103(INL). In: *European Parliament*. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN> (accessed: 02.04.2018).
9. Hassler S. Do We Have to Build Robots That Need Rights? In: *IEEE Xplore*. Available at: <http://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?arnumber=7864739> (accessed: 02.04.2018).
10. Delaney J.K., ed. H.R.4625 – Future of Artificial Intelligence Act of 2017, 115th Congress (2017–2018). In: *Congress.Gov*, 12.12.2017 Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4625/text> (accessed: 02.04.2018).
11. Krausová A. Intersections between Law and Artificial Intelligence. In: *International Journal of Computer*, 2017, vol. 27, no. 1, pp. 55–68.
12. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy. In: *Artificial Intelligence and Law*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 155–179.
13. Szollosy M. Robots, AI, and the question of “e-persons”: a panel at the 2017 Science in Public conference, July 10–12, 2017. In: *Journal of Science Communication*, 2017, vol. 16, no. 4, pp. 1–6.
14. The Future is here: Artificial Intelligence and Robotics. In: *Nishith Desai Associates*. Available at: http://www.nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/Research_Papers/Artificial_Intelligence_and_Robotics.pdf (accessed: 02.04.2018).
15. Weitzenboeck E.M. Electronic Agents and the Formation of Contracts. In: *International Journal of Law and Information Technology*, 2001, vol. 9, no. 3, pp. 204–234.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морхат Пётр Мечиславович – кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда Московской области;
e-mail: constitution88@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Piotr M. Morkhat – PhD in Law, judge of the Arbitration Court of the Moscow Region;
e-mail: constitution88@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-61-73

FOR CITATION

Morkhat P.M. Artificial Intelligence Unit as Electronic Personality. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 61–73
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-61-73

УДК 349.444

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-74-86

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСТАВИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Рабец А.М.

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36, Российская Федерация*

Аннотация. Цель: Статья посвящена актуальным проблемам, касающимся обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также проблемам обеспечения сохранности жилых помещений, принадлежащих им на праве собственности или на праве пользования и управления ими.

Методы исследования: Применение метода системного анализа позволило автору выявить и сопоставить различные способы реализации, охраны и защиты жилищных прав несовершеннолетних, лишённых попечения родителей.

Результаты исследования: На основании комплексного анализа норм гражданского, семейного и жилищного законодательства автор приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления непосредственно в ЖК РФ всего комплекса жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе надлежащего правового механизма, обеспечивающего сохранность принадлежащих им жилых помещений.

Теоретическая/практическая значимость: Результаты исследования могут быть использованы в учебной и научной литературе по различным аспектам гражданского права, а также в процессе законодательной деятельности.

Новизна: Автор с позиции новых подходов выявил и сравнил различные способы реализации, охраны и защиты жилищных прав несовершеннолетних, лишённых попечения родителей.

Ключевые слова: жилищные права, осуществление, законодательство, жилые помещения, несовершеннолетние, сироты, опекуны, попечители, сохранность, правовой механизм.

THE ISSUES OF IMPLEMENTATION AND PROTECTION OF HOUSING RIGHTS OF MINORS LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

A. Rabets

*National Research Tomsk State University
36, Lenin ave., 634050, Russian Federation*

Abstract. Objective: The article is devoted to the topical issues of housing provision for the orphans and children left without parental care, as well as the problems of ensuring the preservation and management of living quarters owned by them on the basis of ownership or management rights.

Research methods. The application of the systemic analysis method allowed the author to identify and compare various ways of exercising and protecting housing rights of minors left without parental care.

Results of the research. Based on a comprehensive analysis of the norms of civil, family and housing legislation, the author comes to the conclusion that it is necessary to legislate directly the whole complex of housing rights for orphans and children left without parental care, including an appropriate legal mechanism ensuring safety of living quarters belonging to them.

Theoretical/practical significance. The results of the research can be used in academic literature on various aspects of civil law, as well as in the legislative process.

Novelty. From a perspective of new approaches, the author has identified and compared various ways of exercising and protecting the housing rights of minors deprived of parental care.

Key words: housing rights, implementation, legislation, living quarters, minors, orphans, guardians, guardians, safety, legal mechanism.

Как известно, одним из наиболее распространённых способов реализации субъективных прав, как личных, так и имущественных, является их использование по назначению. Именно так в большинстве случаев осуществляются жилищные права граждан, особенно несовершеннолетних, для которых жилище является скорее социальным, чем имущественным благом [4, с. 72–74], едва ли не естественной средой их обитания, а жилищные права, основанные на закреплённом в ст. 40 Конституции РФ [10] – скорее, естественными неотчуждаемыми социально-экономическими правами, тяготеющими более к личным, чем к имущественным. В этом смысле можно полностью согласиться с замечанием А.М. Эрделевского о “собирательном” характере жилищных правоотношений, которые в отличие от гражданских нельзя признать системными и целостными [17]. В самом деле, проживая и воспитываясь в семейном

окружении, ребёнок естественным образом использует свои жилищные права, не задумываясь о том, на каком конкретно праве ему принадлежит жилое помещение. Если исходить из формулировки определения понятия жилищных прав несовершеннолетних, предлагаемой М.Л. Харламовой, согласно которому жилищными правами несовершеннолетних являются гарантированные жилищным законодательством вид и мера возможного или дозволенного поведения несовершеннолетнего, вытекающие из жилищных отношений, основанных на конституционном праве на жилище [16], можно сделать вывод, что при нормальных условиях проживания в родной семье ребёнок осуществляет свои жилищные права путём реализации права на собственные действия, т. е. на проживание.

Совсем иначе обстоит дело в тех случаях, когда несовершеннолетний по тем или иным причинам лишается ро-

дательского попечения, что зачастую сопряжено с невозможностью проживать в родительском или в собственном жилом помещении, т. е. реально осуществлять свои жилищные права. К сожалению, отсутствие ребёнка в жилом помещении в связи с необходимостью передачи его под надзор и на воспитание другим лицам оказывается весьма благоприятным фактором для всякого рода посягательств на его жилищные права, в том числе со стороны его родителей и других родственников. Следовательно, для таких детей существенно актуализируются проблемы, касающиеся не только и не столько простого использования жилища, сколько охраны и защиты конкретных имущественных прав на соответствующее жилое помещение, чаще всего права собственности или права пользования, чтобы несовершеннолетний мог беспрепятственно вернуться в прежнее жилое помещение при переезде от родственников, от приёмных родителей, где он никаких жилищных прав не приобретает [8, с. 4], либо из воспитательного учреждения. В подобных случаях можно говорить о реализации таких правомочий, входящих в содержание любого субъективного жилищного права, как право требования, притязания или даже право на защиту. В аспекте всего сказанного представляется целесообразным подробнее остановиться на анализе теоретических и практических проблем, касающихся реализации такими несовершеннолетними их жилищных прав.

Само по себе лишение родительского попечения не влечёт автоматически невозможности для ребёнка проживать в данном жилом помещении. Малолетний ребёнок может прожи-

вать в нём вместе со своим опекуном с согласия последнего и с разрешения органов опеки и попечительства. Будучи законным представителем ребёнка, опекун совершает в его интересах все имущественные сделки и иные юридически значимые действия по обеспечению сохранности жилого помещения, по управлению им вплоть до получения доходов от его использования. Проживание опекуна в жилом помещении, принадлежащем ребёнку, никакой опасности для него не представляет, т. к. опекун не приобретает на данное помещение никаких прав и обязан действовать исключительно в интересах подопечного.

Сходная ситуация складывается в отношении несовершеннолетнего подопечного в возрасте от 14 до 18 лет с той лишь разницей, что он сам с согласия своего попечителя совершает все имущественные сделки по управлению жилым помещением и по обеспечению его сохранности. Более того, подопечный по достижении возраста 16 лет может проживать в своём жилом помещении один, отдельно от попечителя, если это не отразится неблагоприятно на его воспитании и на защите его прав и законных интересов (ст. 36 ГК РФ) [6]. Но и в этом случае все значимые юридические действия в отношении жилого помещения, включая всякого рода сделки, связанные, к примеру, с его ремонтом, с оплатой коммунальных услуг и т. п., он совершает с участием попечителя. Если правом на данное жилое помещение обладают, помимо несовершеннолетнего, другие лица, обязанности по обеспечению сохранности жилого помещения и по управлению им распределяются в зависимости от доли

каждого собственника жилого помещения, а если оно предоставлено по договору социального найма или найма, то такие обязанности, как правило, являются равными [5, с. 386], однако, как нам представляются, не солидарными, а долевыми, т. к. солидарно обязанности, вытекающие из пользования жилым помещением, несут только взрослые члены семьи собственника жилого помещения (ст. 31 ЖК РФ) [9] или члены семьи нанимателя по договору социального найма (ст. 70 ЖК РФ). В подобных случаях и возникают трудности, связанные, по выражению С.И. Сусловой, «с вынужденным участием в жилищных правоотношениях» [12, с. 9]. В случае спора между лицами, проживающими в данном жилом помещении, права и законные интересы несовершеннолетнего защищает его опекун или попечитель, который в случае необходимости может прибегнуть к помощи органов опеки и попечительства либо обратиться в суд.

Однако, как отмечалось ранее, несовершеннолетний чаще всего лишается возможности проживать в жилом помещении, в котором он проживал до приобретения статуса ребёнка, оставшись без попечения родителей. Это может произойти по разным причинам, в частности: ребёнок потерял обоих или единственного родителя и остался сиротой; его совместное проживание с родителем, лишённым родительских прав, признано невозможным, но родитель не может быть выселен из жилого помещения, т. к. проживает в нём как собственник или сособственник; контакт ребёнка с родителем, ограниченным в родительских правах, опасен для его жизни или здоровья, к примеру, ввиду тяже-

лой инфекционной или душевной болезни родителя. В подобных случаях несовершеннолетний, как известно, может быть передан в семью опекуна, в том числе в приёмную или патронатную семью, либо помещён под надзор и на воспитание в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, или в иную аналогичную организацию, на которую возлагаются функции опекуна или попечителя. В таких случаях за ребёнком сохраняется право собственности на жилое помещение либо право пользования им, а при отсутствии у него жилого помещения предоставляется право на его получение в соответствии с жилищным законодательством (ст. 148, 155.3 СК РФ) [11]. В целях обеспечения права собственности или пользования в отношении жилого помещения, в котором ранее проживал несовершеннолетний, органы опеки и попечительства закрепляют за ребёнком соответствующее право на всё жилое помещение либо на его долю и передают соответствующий правоустанавливающий документ опекуну (попечителю) либо в организацию, куда помещён ребёнок под надзор и на воспитание.

Итак, жилое помещение, из которого выбыл ребёнок, лишившийся родительского попечения, независимо от того, остались ли в нём проживать другие члены семьи, закрепляется за ним на праве собственности или на праве пользования и сохраняется на весь период его пребывания на воспитании в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, либо в другой аналогичной организации, либо у опекунов (попечителей), в том числе приёмных родителей или

патронатных воспитателей. Органы исполнительной власти субъектов РФ обязаны осуществлять контроль за использованием жилых помещений и (или) распоряжением жилыми помещениями, нанимателями или членами семей нанимателей по договорам социального найма либо собственниками которых являются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, обеспечением надлежащего санитарного и технического состояния этих жилых помещений (ст. 8 федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей») [8; 14]. Иначе говоря, они должны прежде всего обеспечить ребёнку возможность вернуться в прежнее жилое помещение. Такая же обязанность, как нам представляется, должна быть возложена на органы местного самоуправления, если речь идёт о жилом помещении муниципального жилищного фонда. Конечно, закон предусматривает, что в случае невозможности вернуться в прежнее жилое помещение несовершеннолетние, оставшиеся без попечения родителей, могут рассчитывать на возвращение в тот же населённый пункт, в котором они ранее проживали, однако, во-первых, это всё же не прежнее жилое помещение, во-вторых, как отмечает Е.А. Бобровский, по разным причинам место жительства несовершеннолетнего не всегда совпадает с местом его жилищного обеспечения [3, с. 35].

Однако, как справедливо отмечают специалисты [13], ни в указанном законе, ни в ЖК РФ нет чёткого и прямого ответа на вопрос, кто и каким образом осуществляет управление

такими жилыми помещениями и обеспечивает их сохранность? В частности, в практике деятельности органов опеки и попечительства и судов возникли трудности при решении вопроса о том, правомерно ли возложение этой обязанности на органы исполнительной власти субъектов РФ, в том числе на органы опеки и попечительства, либо, соответственно, на органы местного самоуправления? Как следует из смысла ст. 9 федерального закона «Об опеке и попечительстве» [15] и ст. 8 федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [14], на эти органы возложена обязанность осуществлять контроль за сохранностью таких жилых помещений, но не управление ими и не обеспечение их сохранности, к примеру, путём ремонта и т. п. Такая функция должна быть возложена на опекунов (попечителей), которым передан ребёнок, либо на организацию, в которую он помещён под надзор и на воспитание. Однако судебная практика по этим спорам далеко не однозначна. Суды, ссылаясь на одни и те же нормативные правовые акты, в частности на ст. 19 ФЗ «Об опеке и попечительстве», принимают подчас прямо противоположные решения. Так, например, в Апелляционном определении Орловского областного суда [1] указано, что органы опеки и попечительства как органы исполнительной власти обязаны осуществлять контроль за сохранностью жилых помещений, принадлежащих несовершеннолетним, оставшимся без попечения родителей, но не управление ими. На этом основании апелляционная инстанция согласилась с решени-

ем суда первой инстанции об отказе в удовлетворении иска. Противоположным было Апелляционное определение Ярославского областного суда, которым оставлено без изменений решение суда, возложившего на администрацию Ростовского муниципального района обязанность в силу ст. 1064 ГК РФ [7] возместить сособственникам жилого помещения вред, возникший в результате приведения его в непригодное для проживания состояние [2].

Даже если признать администрацию Ростовского муниципального района виновной в неосуществлении надлежащего контроля за сохранностью принадлежащего истцам жилого помещения, с решением судебных инстанций Ярославской области всё равно невозможно согласиться прежде всего с позиций теории причинной связи между противоправным поведением ответчика и наступившим вредом. Во-первых, при установлении прямой причинной связи между незаконным действием ответчика и наступившими вредными последствиями суду следовало сослаться не на ст. 1064, а на ст. 1069 ГК РФ; во-вторых, по делу бесспорно установлено, что в жилом помещении остались проживать родственники несовершеннолетних истцов, которые в течение всего периода пребывания последних в воспитательном учреждении привели жилое помещение в состояние непригодности для постоянного проживания. Как справедливо отмечают Е.В. Тресцова и Т.В. Азарова [13], в подобных случаях состояние непригодности жилого помещения для постоянного проживания возникает не по причине длительного воздействия на него со стороны органов опеки и попечительства

(напротив, речь можно вести о длительном бездействии со стороны этих органов – А.Р.), а в силу злоупотребления своими правами тех, кто остаётся проживать в жилом помещении, пока несовершеннолетний воспитывается в специализированном учреждении. Как правило, в подобных случаях речь идёт о родственниках несовершеннолетних, которые, по мнению указанных авторов, имеют неограниченные полномочия по владению и пользованию жилым помещением [13].

Справедливости ради следует обратить внимание на три достаточно важных обстоятельства, влияющих на поведение родственников или иных лиц, оставшихся проживать в данном жилом помещении, в какой-то мере умышленно приводящих его в состоянии непригодности, разумеется, с намерением в дальнейшем привести его в надлежащее состояние. Во-первых, как уже отмечалось, обязанность по обеспечению сохранности жилых помещений, права на которые принадлежат детям, оставшимся без попечения родителей, возлагается на их опекунов, попечителей, а также на организации, выполняющие функции опекунов или попечителей. К сожалению, приходится констатировать, что в действительности эти лица выполняют данную обязанность далеко не надлежащим образом в силу целого ряда причин объективного и субъективного характера: отсутствия у подопечных достаточных финансовых возможностей для проведения своевременного текущего ремонта жилого помещения, нежелания или неумения потребовать от лиц, проживающих в жилом помещении, поддерживать его в надлежащем состоянии и т. п. Сам собой на-

прашивается вывод о необходимости законодательного решения вопроса о финансировании мероприятий по обеспечению сохранности подобных жилых помещений, если средств самого несовершеннолетнего собственника помещения недостаточно.

Во-вторых, названные выше авторы справедливо отмечают, что, с одной стороны, нет прямых оснований для возложения на органы опеки обязанности по обеспечению сохранности таких жилых помещений, а в случае его непригодности для постоянного проживания обязанности по возмещению причинённого собственникам вреда; с другой стороны, органы опеки и попечительства не должны выполнять роль лишь пассивных наблюдателей, осуществлять исключительно функцию надзора за деятельностью опекунов, попечителей и соответствующих организаций, в которых воспитываются несовершеннолетние; они обязаны осуществлять надлежащий контроль за данной областью деятельности указанных лиц, что на практике также далеко не всегда осуществляется надлежащим образом.

В-третьих, в известной мере сам закон невольно способствует отсутствию заинтересованности в обеспечении сохранности принадлежащих несовершеннолетним жилых помещений не только у лиц, на которых такая обязанность возложена, но и у самих правообладателей, особенно у тех, за кем жилое помещение полностью или в части закреплено на праве пользования. В этом случае, как принято говорить, недостатки закона (если вообще уместно говорить о недостатках) являются продолжением его несомненных достоинств, поскольку в

настоящее время существует пусть не идеальное, но вполне приемлемое законодательное решение застарелой и в то же время сверхактуальной проблемы обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Кроме того, вполне понятно и оправдано стремление законодателя избежать ещё одного зла: вынужденного участия в жилищных правоотношениях (критерием такой вынужденности С.И. Сулова называет необходимость проживания в одном жилом помещении нескольких лиц, порой не связанных ни семейными, ни иными близкими отношениями; более того, находящихся в состоянии затяжного жилищного конфликта) [12, с. 10]. Для того чтобы понять, в чём заключаются “издержки” позиции законодателя, имеет смысл рассмотреть соответствующие правовые нормы более подробно.

Основания и порядок предоставления жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, а также лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и пользования этими жилыми помещениями регламентируются специальным законодательством: ст. 8 ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Поскольку в настоящей работе речь идёт о жилищных правах несовершеннолетних, мы далее не будем упоминать о лицах из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, т. е. о лицах, достигших возраста 18 лет, до достижения ими возраста 23 лет, если они потеряли обоих или единственного родителя либо были отнесены к кате-

гории детей, оставшихся без попечения родителей, до достижения совершеннолетия. Однако следует иметь в виду, что в соответствии с ч. 9 данной статьи закреплённые в ней жилищные права предоставляются лицам, уже достигшим возраста 23 лет, если они не были реализованы этими лицами в период наличия у них правового статуса лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и сохраняются за ними вплоть до фактического обеспечения их жилыми помещениями.

Итак, ст. 8 указанного закона применяется лишь в случаях, если ребёнок не имеет жилого помещения на праве собственности или на праве пользования по договору социального найма в качестве нанимателя или члена семьи нанимателя, а также в тех случаях, когда какое-либо из указанных прав у ребёнка имеется, но проживание в ранее занимаемом жилом помещении признаётся невозможным. Примерный перечень таких оснований и порядок установления факта невозможности проживания в прежнем жилом помещении регламентируются п. 4, 5 ст. 8 закона. Проживание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в ранее занимаемых жилых помещениях нанимателями или членами семей нанимателей по договорам социального найма либо собственниками признаётся невозможным, если это противоречит интересам указанных лиц в связи с наличием одного из следующих обстоятельств:

1) проживания на любом законном основании в таких жилых помещениях лиц:

– лишённых родительских прав в отношении этих детей-сирот и детей,

оставшихся без попечения родителей (при наличии вступившего в законную силу решения суда об отказе в принудительном обмене жилого помещения в соответствии с ч. 3 ст. 72 ЖК РФ);

– страдающих тяжелой формой хронических заболеваний в соответствии с указанным в п. 4 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ перечнем, при которой совместное проживание с ними в одном жилом помещении невозможно;

2) жилые помещения непригодны для постоянного проживания или не отвечают установленным для жилых помещений санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям;

3) общая площадь жилого помещения, приходящаяся на одно лицо, проживающее в данном жилом помещении, менее учётной нормы площади жилого помещения, в том числе если такое уменьшение произойдёт в результате вселения в данное жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

4) иного установленного законодательством субъекта Российской Федерации обстоятельства. Порядок установления факта невозможности проживания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в ранее занимаемых жилых помещениях регламентируется законодательством субъекта РФ.

Орган исполнительной власти субъекта РФ в порядке, установленном законом соответствующего субъекта РФ, формирует список детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями. В список включаются лица, достигшие возраста 14 лет. Предоставление детям-сиротам

и детям, оставшимся без попечения родителей, жилых помещений является основанием для исключения их из списка. Жилые помещения предоставляются указанным лицам по достижении ими возраста 18 лет, а также в случае приобретения ими полной дееспособности до достижения совершеннолетия. В случаях, предусмотренных законодательством субъектов РФ, жилые помещения могут быть предоставлены ранее чем по достижении ими возраста 18 лет. По заявлению в письменной форме указанных лиц, достигших возраста 18 лет, жилые помещения предоставляются им по окончании срока пребывания в образовательных организациях, организациях социального обслуживания, учреждениях системы здравоохранения и иных учреждениях, создаваемых в установленном порядке для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также по завершении получения профессионального образования, либо окончании прохождения военной службы по призыву, либо окончании отбывания наказания в исправительных учреждениях.

Органом исполнительной власти субъекта РФ, на территории которого находится место жительства указанных лиц, в порядке, установленном законодательством этого субъекта РФ, однократно предоставляются благоустроенные жилые помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений, срок действия которого составляет 5 лет. По договорам найма специализированных жилых помещений они предоставляются в виде жилых домов, квартир, благоустроенных применительно к усло-

виям соответствующего населённого пункта, по нормам предоставления площади жилого помещения по договору социального найма. В случае выявления обстоятельств, свидетельствующих о необходимости оказания указанным лицам содействия в преодолении трудной жизненной ситуации, договор найма может быть заключён на новый пятилетний срок по решению органа исполнительной власти субъекта РФ. Порядок выявления этих обстоятельств устанавливается законодательством субъекта РФ. Договор найма специализированного жилого помещения может быть заключён на новый пятилетний срок не более чем один раз.

В соответствии с п. 4, 6 ст. 100 ЖК РФ [9] наниматель по договору найма специализированного жилого помещения не вправе осуществлять обмен занимаемого жилого помещения и передавать его в поднаём. В данном договоре должны указываться члены семьи нанимателя.

В силу п. 5 ст. 103 ЖК РФ [9] дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не могут быть выселены из специализированных жилых помещений без предоставления другого благоустроенного жилого помещения, которое должно находиться в границах соответствующего населённого пункта. По окончании срока действия договора найма специализированного жилого помещения и при отсутствии обстоятельств, свидетельствующих о необходимости оказания нанимателям содействия в преодолении трудной жизненной ситуации, орган исполнительной власти субъекта

РФ, осуществляющий управление государственным жилищным фондом, обязан принять решение об исключении жилого помещения из специализированного жилищного фонда и заключить с этими лицами договор социального найма в отношении данного жилого помещения в порядке, установленном законодательством соответствующего субъекта РФ.

Как видим на первый взгляд, действующим законодательством решены практически все наиболее острые проблемы, касающиеся предоставления детям-сиротам жилых помещений и пользования ими, в том числе в случаях лишения их родителей родительских прав или ограничения в родительских правах.

Тем не менее ни в ЖК РФ, ни в ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», пока нет чёткого и эффек-

тивного механизма, обеспечивающего сохранность жилых помещений, принадлежащих детям, оставшимся без попечения родителей и находящихся на воспитании в организациях для детей-сирот и иных аналогичных организациях. Целесообразно, во-первых, закрепить в ЖК РФ жилищные права таких лиц и возложить на лиц, оставшихся проживать в принадлежащих им жилых помещениях, обязанность по обеспечению их сохранности; аналогичную обязанность, а также обязанность по управлению этими жилыми помещениями, возложить на лиц, выполняющих обязанности по опеке и попечительству; установить, что лица, по вине которых жилое помещение приведено в состояние непригодности для постоянного проживания, обязаны возместить их собственникам или пользователям вред в соответствии с гражданским законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное определение Орловского областного суда от 18.09.2012 по делу № 33-1732 [Электронный ресурс] // Гарант: информационно-правовая система [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/103381175> (дата обращения: 19.03.2018).
2. Апелляционное определение Ярославского областного суда от 31.05.2012 по делу № 33-2706/2012 [Электронный ресурс] // Росправосудие: [сайт]. URL: <https://rospravosudie.com/court-yaroslavskij-oblastnoj-sud-yaroslavskaya-oblast-s/act-105378964> (дата обращения: 19.03.2018).
3. Бобровский Е.А. О соотношении места жительства детей-сирот и места их жилищного обеспечения // Семейное и жилищное право. 2017. № 5. С. 34–37.
4. Геллер М.В. Реализация и защита права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 216 с.
5. Городова О.А. Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации. Постатейный. М.: Проспект, 2016. 640 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. ФЗ от 29.12.2017 № 459-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. 2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. ФЗ от 05.12.2017 № 379-ФЗ) // Собрание законодательства РФ от 1996. № 5. Ст. 410.
8. Доржиева С.В. Жилищные права приёмных детей // Семейное и жилищное право. 2010. № 4. С. 34–37.

9. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.06.2018) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057 (дата обращения: 05.06.2018).
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 05.06.2018).
11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. ФЗ от 29.12.2017) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982 (дата обращения: 05.06.2018).
12. Сулова С.И. О критерии вынужденного участия в жилищных отношениях // Семейное и жилищное право. 2011. № 1. С. 32–34.
13. Тресцова Е.В., Азарова Т.В. Роль органов опеки и попечительства в механизме охраны и защиты жилищных прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей // Вопросы ювенальной юстиции. Юрист. 2014. № 1 (51). С. 18–22.
14. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс] // Законодательство РФ: [сайт]. URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-21121996-n-159-fz-o> (дата обращения: 05.06.2018).
15. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459 (дата обращения: 05.06.2018).
16. Харламова М.Л. Понятие и содержание жилищных прав несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. Юрист. 2013. № 6. С. 15–18.
17. Эрделевский А.М. О начале реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Center Bereg: [сайт]. URL: <http://www.center-bereg.ru/b2162.html> (дата обращения: 05.06.2018).

REFERENCES

1. [The Appeal Definition of the Oryol Regional Court dated 18.09.2012 in case no. 33-1732]. In: *Garant: informatsionno-pravovaya sistema* [Garant: Legal Information System]. Available at: <http://base.garant.ru/103381175> (accessed: 19.03.2018).
2. [The Appeal Definition of the Yaroslavl Regional Court dated 31.05.2012 in case no. 33-2706/2012]. In: *Rospravosudie*. Available at: <https://rospravosudie.com/court-yaroslavskij-oblastnoj-sud-yaroslavskaya-oblast-s/act-105378964> (accessed: 19.03.2018).
3. Bobrovskii E.A. [About the Ratio of the Residence of Orphans and Their Housing]. In: *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2017, no. 5, pp. 34–37.
4. Geller M.V. *Realizatsiya i zashchita prava nesovershennoletnikh zhit' i vospityvat'sya v seme po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [The Realization and Protection of Minors' Rights to Live and Grow in a Family under the Legislation of the Russian Federation: PhD Thesis in Law]. Moscow, 2007. 216 p.

5. Gorodova O.A. *Kommentarii k Zhilishchnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Postateinyi* [Commentaries on the Housing Code of the Russian Federation. Itemized]. Moscow, *Prospekt Publ.*, 2016. 640 p.
6. [The Civil Code of the Russian Federation (Part 1) dated 30.11.1994 no. 51-FZ (in edition FZ from 29.12.2017 no. 459-FZ)]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.
7. [The Civil Code of the Russian Federation (Part 2) dated 26.01.1996 no. 14-FZ (in edition FZ dated 05.12.2017 no. 379-FZ)]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 1996, no. 5, art. 410.
8. Dorzhieva S.V. [Housing Rights of Foster Children]. In: *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2010, no. 4, pp. 34–37.
9. [Housing Code of the Russian Federation dated 29.12.2004 no. 188-FZ (ed. from 04.06.2018)]. In: *Konsul'tantPlyus: spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057 (accessed: 05.06.2018).
10. [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 no. 6-FKZ, dated 30.12.2008 no. 7-FKZ, dated 05.02.2014 no. 2-FKZ, dated 21.07.2014 no. 11-FCL)]. In: *Konsul'tantPlyus: spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (accessed: 05.06.2018).
11. [The Family Code of the Russian Federation dated 29.12.1995 no. 223-FZ (in edition FZ dated 29.12.2017)]. In: *Konsul'tantPlyus: Spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (accessed: 05.06.2018).
12. Suslova S.I. [Criteria for Involuntary Participation in Housing Relations]. In: *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2011, no. 1, pp. 32–34.
13. Trestsova E.V., Azarova T.V. [The Role of Guardian Bodies in Protection of Housing Rights of Minors Left without Parental Care]. In: *Voprosy yuvenal'noi yustitsii. Yurist* [Issues of Juvenile Justice. Lawyer], 2014, no. 1 (51), pp. 18–22.
14. [Federal Law dated 21.12.1996 no. 159-FZ (as amended on 07.03.2018) “On Additional Guarantees for Social Support of Orphans and Children Left without Parental Care”]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], Available at: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-21121996-n-159-fz-o> (accessed: 05.06.2018).
15. [Federal Law dated 24.04.2008 no. 48-FZ “On Guardianship” (latest edition)]. In: *Konsul'tantPlyus: spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459 (accessed: 05.06.2018).
16. Kharlamova M.L. [The Concept and Content of Minors' Housing Rights]. In: *Voprosy yuvenal'noi yustitsii Yurist* [Issues of Juvenile Justice Lawyer], 2013, no. 6, pp. 15–18.
17. Erdelevskii A.M. [On the Beginnings of The Civil Code Reform in the Russian Federation]. In: *Center Bereg*. Available at: <http://www.center-bereg.ru/b2162.html> (accessed: 05.06.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рабец Анна Максимовна – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета;
e-mail: rabecjur@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna M. Rabets – Doctor of Law, professor, senior researcher at the Laboratory of Social and Legal Studies, National Research Tomsk State University;
e-mail: rabecjur@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рабец А.М. Проблемы осуществления и защиты жилищных прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 74–86
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-74-86

FOR CITATION

Rabets A.M. The Issues of Implementation and Protection of Housing Rights of Minors Left Without Parental Care. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 74–86
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-74-86

РАЗДЕЛ IV. УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.97

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-87-100

СОСТОЯНИЕ И ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

Антоян Ю.М.^{1,2}, Гончарова М.В.²

¹Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

²Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация. Цель: Авторами предпринята попытка понять причины преступных действий подростков в современных условиях с тем, чтобы выработать новые доктринальные подходы к превенции противоправного поведения детей.

Методы исследования: Ведущими методами исследования проблемы стали методы системного анализа, синтеза, научного моделирования, а также статистический и сравнительно-правовой. Состояние преступности несовершеннолетних анализируется, в том числе в динамике за последние годы.

Результаты исследования: В результате проведённого исследования авторским коллективом доказано, что преступность несовершеннолетних в современных условиях носит стабильный характер, который сохранится в ближайшие годы. Наблюдается формирование и активное действие смешанных преступных групп подростков и взрослых лиц (в 2017 году 19 889 несовершеннолетних совершили групповые преступления), в которых несовершеннолетние всё чаще выполняют активные криминальные роли (применяют насилие, оружие или предметы, используемые в качестве оружия, избирают насильственные способы совершения преступления, оказывают физическое сопротивление сотрудникам правоохранительных органов). Доля несовершеннолетних преступников женского пола составляет 9,8%.

Теоретическая/практическая значимость: С позиции новых подходов в науке в статье дается нравственная, криминологическая и правовая оценка преступности несовершеннолетних, её влияния на преступность вообще. Новые научные взгляды позволяют сформулировать наиболее эффективные способы борьбы с преступностью несовершеннолетних.

© СС ВУ Антоян Ю.М., Гончарова М.В., 2018.

Новизна: На основе проведённого исследования, полученных эмпирических данных авторским коллективом выявлены наиболее часто встречающиеся факторы, влияющие на подростковую преступность в современных условиях.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, причины преступности несовершеннолетних, состояние и динамика преступности несовершеннолетних, роль семьи в формировании личности преступников-подростков.

PRESENT STATE AND CAUSES OF JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA

Y. Antonan^{1,2}, M. Goncharova²

¹*Moscow Region State University*

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

²*The All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*

25/1, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russian Federation

Abstract. Objective. The authors attempted to understand the causes of criminal acts of adolescents in modern conditions in order to develop new doctrinal approaches to children's illegal behavior prevention.

Research methods. Methods of systemic analysis, synthesis, scientific modeling, as well as statistical and comparative-legal methods are employed as the leading methods of studying the problem. The state of juvenile delinquency is analyzed, and its dynamics has been studied.

Results of the research. It has been proved that juvenile delinquency is stable in modern conditions and will continue to be stable in the years to come. The formation and active performance of mixed criminal groups of adolescents and adults is observed (in 2017, 19,889 juveniles committed group crimes), in which minors increasingly perform active criminal roles (use weapons or improvised weapons, choose violent means of committing crimes, provide physical resistance to law enforcement officials). The proportion of female juvenile offenders is 9.8%.

Theoretical / practical significance. From the perspective of new approaches in science, the article gives a moral, criminological and legal assessment of juvenile delinquency, its impact on crime in general. New scientific views allow us to formulate the most effective ways to combat juvenile delinquency.

Novelty. The empirical data obtained by the author's team revealed the most common factors affecting juvenile delinquency in modern conditions.

Key words: juvenile delinquency, causes of juvenile delinquency, the state and dynamics of juvenile delinquency, the role of the family in shaping the identity of perpetrators.

Если анализировать современную преступность несовершеннолетних за длительный период, легко заметить её волнообразный характер. Резкое повышение количества совершенных ими преступлений произошло в

60-е гг. прошлого столетия. Оно было вызвано тем, что после Великой Отечественной войны миллионы людей вернулись к своим семьям или женились. Произошел "взрыв" рождаемости, и эти родившиеся дети в 60-е гг. достиг-

ли возраста уголовной ответственности. Поэтому подростковая преступность стала одной из главных проблем советской криминологии. Огромный вклад в её исследование внёс профессор Г.М. Миньковский и его школа [6, с. 60].

Рост преступности несовершеннолетних ещё раз произошел в 90-е гг. XX в., когда страна находилась в поиске и многие люди не могли определить, как жить дальше. Подростки в таких семьях оказывались в самых неблагоприятных условиях, доход семьи, и без того не очень высокий и даже не средний, упал ещё ниже. Не случайно в те годы в России насчитывалось около 1 млн. безнадзорных и беспризорных подростков. Многие из них существовали за счёт совершения преступлений [3].

По этическим и общесоциальным причинам преступность несовершеннолетних чрезвычайно важна для любого общества, т. к. её состояние, динамика, структура в сильной, если не в определяющей, степени характеризуют уровень его развития и оказывают огромное влияние на социальную и даже экономическую и политическую обстановку в стране. Каково состояние преступности несовершеннолетних, таков и нравственный уровень общества. То же самое можно сказать и о преступности женщин, которая тесно связана с преступностью несовершеннолетних. Но последняя влияет и на другие виды преступности – особенно на рецидивную и профессиональную. Рецидивная преступность напрямую зависит от подростковой преступности.

Есть все основания считать этот вид преступности самостоятельным,

что требует особого подхода к его изучению и оценке, изучению в первую очередь личности несовершеннолетнего преступника и причин его преступного поведения.

Наблюдается тенденция роста вовлечения несовершеннолетних в этнорелигиозные конфликты, в экстремистские группировки и националистические движения. Опасность этого факта заключается в том, что молодые люди могут стать на путь совершения террористических преступлений. Собственно, это уже совершилось. Как показывает анализ террористических групп, действующих на Северном Кавказе, в их составе немало подростков. Они за определённую плату или безвозмездно, из одной только ненависти или потребности участвовать в острой и опасной игре занимаются подрывами, вооруженными нападениями и т. д.

Экстремистские группировки, как правило, находятся под влиянием и руководством представителей радикального ислама. Подростки, чтобы выделиться и заслужить одобрение старших, готовы совершать самые агрессивные действия, чем главари названных групп часто пользуются. Попав однажды в такую группу, молодой человек с трудом может выйти из неё. Здесь страшны не только угрозы и упреки “изменнику”, но и возможные расправы с ним и его близкими. Нельзя забывать, что несовершеннолетний тысячью нитей связан со своим семейным (в самом широком смысле), этническим и религиозным окружением. Это можно наблюдать не только в горных аулах, но и в крупных городах, в которых имеются свои этнорелигиозные объединения, очень часто изо-

лированные от остального мира. Их же цементирует расовая неприязнь и этнорелигиозные идеи [10, с. 165].

Другой опасной формой объединения молодых людей, в том числе несовершеннолетних, являются группы футбольных фанатиков (“фанатов”), основную часть которых составляют молодые взрослые и подростки. Как показали эмпирические исследования, эти лица в основном характеризуются низкой общей и профессиональной культурой, невысокими запросами, они плохо ориентируются в окружающем мире и даже в футболе не очень-то разбираются. Главное для них – выплеснуть раздражающие их эмоции и агрессию.

По данным наших исследований биографий преступников-рецидивистов, подавляющее большинство последних проявляли себя как нарушители закона ещё в подростковом возрасте, не достигнув возраста уголовной ответственности. В дальнейшем большинство из них вступало на путь преступного профессионализма в качестве членов преступных сообществ, другие нарушали уголовный закон в одиночку, спиваясь и опускаясь на дно. Значительная часть организованных преступных групп состоит из людей, которые ещё до достижения 18-летнего возраста неоднократно попадали в поле зрения правоохранительных органов, привлекались к административной и уголовной ответственности, многие неоднократно. Те, кто встал на путь преступного профессионализма обычно пополняют организованную преступность. Многократные преступники-рецидивисты, как правило, из их числа.

Вообще проблема антиобщественного поведения подростков, не достиг-

ших возраста уголовной ответственности, очень важна особенно для нашей страны, в которой ежегодно выявляется до 500 тыс. беспризорных несовершеннолетних. Обеспечение им нормальных условий воспитания и обучения – архиважная задача, поскольку в большинстве случаев они из неблагополучных семей. Вот почему семья должна оставаться объектом самых серьёзных профилактических усилий.

Семьей для таких несовершеннолетних часто становится группа, в ней они находят поддержку и понимание, к ней проявляют преданность и готовность подчиняться. Так происходит во всём мире, будучи обусловлено, с одной стороны, подростковой психологией, а с другой – эмоциональным выталкиванием из семьи. Отчуждённый от неё подросток ещё не способен остаться один, он должен быть с кем-то. Точно так же в силу возраста подросток далеко не всегда способен совершить преступление в одиночку. Поэтому большинство преступлений несовершеннолетних относятся к числу групповых. Тот, кто совершает преступление в группе, как правило, менее опасен как личность, чем тот, кто орудует в одиночку.

Несовершеннолетние составляют около 5% всех преступников [8]. Для них наиболее характерны кражи, наименее – преступления против личности. Так было всегда, но сегодня, по сравнению с советским периодом, значительно увеличилось совершаемые подростками преступления, связанные с незаконным изготовлением, приобретением, хранением, перевозкой, пересылкой либо сбытом наркотических средств и психотропных веществ. Согласно исследованиям

Л.В. Готчиной [2, с. 101], начало употребления наркотиков снизилось до возраста 9–11 лет. Примерно две трети населения, потребляющего наркотики, – это лица в возрасте 14–29 лет. При этом высокий уровень подобных преступлений наблюдается все последние годы, начиная с 2002 г. За этот же период также увеличилась и доля совершаемых ими вымогательств. За последние 10 лет отмечается и немалый рост таких совершаемых подростками преступлений, как убийства (и покушения на них), причинение тяжкого вреда здоровью.

Некоторые насильственные преступления подростков носят вандалический характер, печать слепой ярости и необузданного протеста. Иногда непонятно, против кого или чего направлена агрессия. Так бывает, когда орудует небольшая, но спаянная группа несовершеннолетних или когда происходят массовые беспорядки футбольных фанатов.

Отметим то, что не все подростки работают или учатся. Фактор незанятости общественно полезным трудом достаточно криминогенен даже независимо от внешних условий. Что касается образования, то, как правило, его уровень у несовершеннолетних преступников ниже, чем уровень образования у всего подросткового населения. Здесь имеется в виду, разумеется, окончание школьных классов. Среди подростков-преступников очень мало тех, кто учился в высшем учебном заведении, больше учащихся техникумов (профессиональных училищ) [7].

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что в целом состояние подростковой преступности, колебания её динамического ряда опровергают

неоднократные публицистические заявления о катастрофическом росте этого вида преступности, о том, что все подростки наркоманы, что они не думают ни о чём, а только о собственных физических удовольствиях, поскольку якобы начисто лишены духовности. Сказанное совсем не означает, что несовершеннолетние в силу своего возраста перестали быть одной из наиболее криминально поражённых категорий населения. Поэтому ни отдельные позитивные временные сдвиги в динамике преступности несовершеннолетних за ряд лет, ни здравый взгляд на их моральное состояние в целом, ни наблюдаемая иногда их активность в отдельных областях жизни, в том числе в образовании и общественных движениях, не должны послужить основой для нашего самоуспокоения и отрицания особой опасности для общества этого вида преступности.

Тот период, который сейчас переживает российское общество, нестабильность общесоциальных условий, высокая частота конфликтов и особенно экономические трудности, даёт право говорить о наличии в стране сильных одновременно и криминогенных, и антикриминогенных факторов. С учётом этого очень важного обстоятельства необходимо прогнозировать состояние преступности несовершеннолетних и возможности борьбы с ней. Использование результатов криминологического исследования преступности несовершеннолетних как с позиции её предупреждения, так и применительно к решению стратегических задач социальной политики государства и общества связано, с одной стороны, с возможностями последних, а с другой – с максимальным

учёт специфики подросткового возраста. Дифференцированный и индивидуализированный подход должен реализовываться в отношении любой категории правонарушителей, но в особенности – несовершеннолетних. Отличительной чертой их преступности является высокая латентность, более быстрое и даже острое реаги-

рование несовершеннолетних на негативные социальные изменения.

Рассмотрим более подробно состояние преступности несовершеннолетних в современной России. За последние пять лет (2013–2017 гг.) зафиксирован спад выявляемости несовершеннолетних преступников (за исключением 2015 г.). За 2017 г. их число снизилось на 4,8% (см. табл. 1).

Таблица 1

**Динамика числа выявленных за совершение преступлений
несовершеннолетних в Российской Федерации в 2013–2017 гг.**

Лиц, совершивших преступления	2013	2014	2015	2016	2017
Всего	1 012 563	1 006 003	1 075 333	1 015 875	967 103
Прирост / снижение, %	0,2	-0,6	6,9	-5,5	-4,8
Несовершеннолетние, совершившие преступления	60 761	54 369	55 993	48 589	42 504
Прирост / снижение, %	2,2	-10,5	3,0	-13,2	-12,5

В 2015 г. отмечен незначительный рост числа несовершеннолетних преступников (+3,0%), что связано с демо-

графическим фактором – незначительным приростом несовершеннолетнего населения России (см. рис. 1).

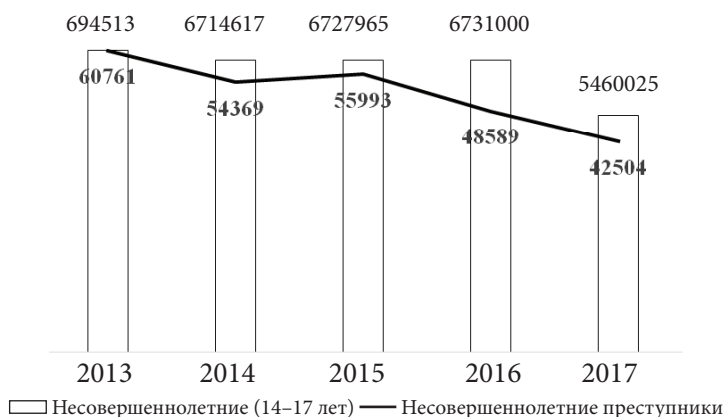

Рис. 1. Динамика изменения численности несовершеннолетних преступников и несовершеннолетнего населения Российской Федерации в 2013–2017 гг.

Динамика снижения числа несовершеннолетних преступников повторяет динамику снижения числа

всех преступников. Однако сравнение динамики указанных индикаторов показывает, что снижение числа несо-

взрослыми, и эта ситуация свойственна всем регионам России (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика числа выявленных за совершение преступлений несовершеннолетних в федеральных округах Российской Федерации в 2013–2017 гг.

Федеральные округа РФ	2013	2014	2015	2016	2017
ЦФО	9 392	8 158	8 113	7 063	6 084
Прирост / снижение, %	2,3	-13,1	-0,5	-12,9	-13,9
СЗФО	5 818	5 215	5 653	4 827	4 066
Прирост / снижение, %	2,1	-10,5	8,6	-14,2	-15,8
ЮФО	4 754	4 321	4 901	4 089	3 775
Прирост / снижение, %	0,3	-22,2	14,0	-16,5	-7,7
ПФО	11 099	10 044	10 714	9 262	7 750
Прирост / снижение, %	-0,6	-8,9	7,3	-13,0	-16,3
УФО	7 410	6 523	6 929	5 871	5 442
Прирост/ снижение, %	2,6	-11,7	6,5	-15,0	-6,8
СФО	14 330	13 499	13 217	11 642	10 229
Прирост / снижение, %	5,9	-5,3	-1,7	-11,5	-12,1
ДФО	5 237	4 416	4 326	4 030	3 623
Прирост / снижение, %	7,9	-14,9	-1,3	-6,2	-10,1
СКФО	1 988	1 670	1 638	1 451	1 224
Прирост / снижение, %	-2,8	-16,3	-2,5	-11,7	-15,6

Снижение показателей преступности несовершеннолетних объясняется следующими положениями:

1. Масштабность и острота проблемы вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, особенно посредством сети Интернет, потребовала разработки на государственном уровне комплекса мер по профилактике преступности несовершеннолетних в новых социально-экономических условиях. Указанный комплекс мер вошёл в Концепцию развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г., утверждённую распоряжением Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р. В Концепции предусмотрены: совершенствование нормативно-правового регулирования;

разработка и эффективная реализация государственных и муниципальных программ в сфере профилактики преступности несовершеннолетних; укрепление института семьи, а также духовно-нравственных и культурных традиций; усиление роли и поддержки семьи; развитие единой образовательной (воспитывающей среды); повышение уровня жизни населения; создание благоприятных условий для социального развития несовершеннолетних, раскрытия их личностных ресурсов и ряд других.

2. “Виртуализация” жизнедеятельности, что особенно воспринимается подростками и молодёжью. Они погружены в виртуальный мир, нередко именно его воспринимая как реальный, с многочисленными последстви-

ями, в том числе негативными. В их числе высоколатентные киберпреступность и кибердевиантность [4, с. 352].

3. В течение 2017 г. осуществлялись комплексные меры профилактической направленности, позволившие повысить результативность участия органов внутренних дел в профилактике правонарушений, снизив уровень криминальной поражённости несовершеннолетних.

В частности, проводились мероприятия по противодействию распространению деструктивных течений в молодёжной среде, её криминализации, а также по вовлечению несовершеннолетних в социально полезную деятельность во взаимодействии с учреждениями и ведомствами системы профилактики и общественными организациями.

4. Во многих образовательных организациях имеется практика “умалчивания” о совершённых несовершеннолетними правонарушениях. Выявляя факты совершения учащимися мелких хищений, умышленного повреждения имущества, причинения побоев, администрация ограничивается собственными воспитательными мерами. В результате несовершеннолетние правонарушители своевременно не ставятся на учёт в ПДН, комиссии по делам и защите их прав, комплексные меры профилактики в их отношении не применяются, что приводит к совершению ими более тяжких противоправных деяний.

В структуре несовершеннолетних преступников преобладают лица, совершившие посягательства на собственность (82,3%). Доля преступлений против личности незначительна и составляет 4,4% (см. рис. 2), однако

специалистами отмечается, что в России наблюдается более высокая степень криминальной поражённости несовершеннолетних по сравнению с государствами западной Европы [9, с. 12–15].

Преступления несовершеннолетних всё больше совпадают с формами и способами преступлений взрослых. Это происходит на фоне эскалации влияния на подростков криминальной среды, преимущественно в сети Интернет. Например, распространена информация о движении «Арестантский уклад един» (АУЕ), провозглашающем равенство всех перед единым тюремным законом. Есть его последователи в молодёжной среде («АУЕ Шпана», «АУЕ Братва» и др.). Участники придерживаются уголовных понятий, признают авторитетов преступного мира, насильственно навязывают своё мнение сверстникам, проецируя на взаимоотношения тюремные поведенческие схемы. Низкий уровень социального благополучия, недоступность многих увлечений способствуют втягиванию в криминальную субкультуру подростков.

Наблюдается формирование и активное действие смешанных преступных групп подростков и взрослых лиц (в 2017 г. 19 889 несовершеннолетних совершили групповые преступления), в которых несовершеннолетние всё чаще выполняют активные криминальные роли (применяют насилие, оружие или предметы, используемые в качестве оружия, избирают насильственные способы совершения преступления, оказывают физическое сопротивление сотрудникам правоохранительных органов) [5, с. 355–357].

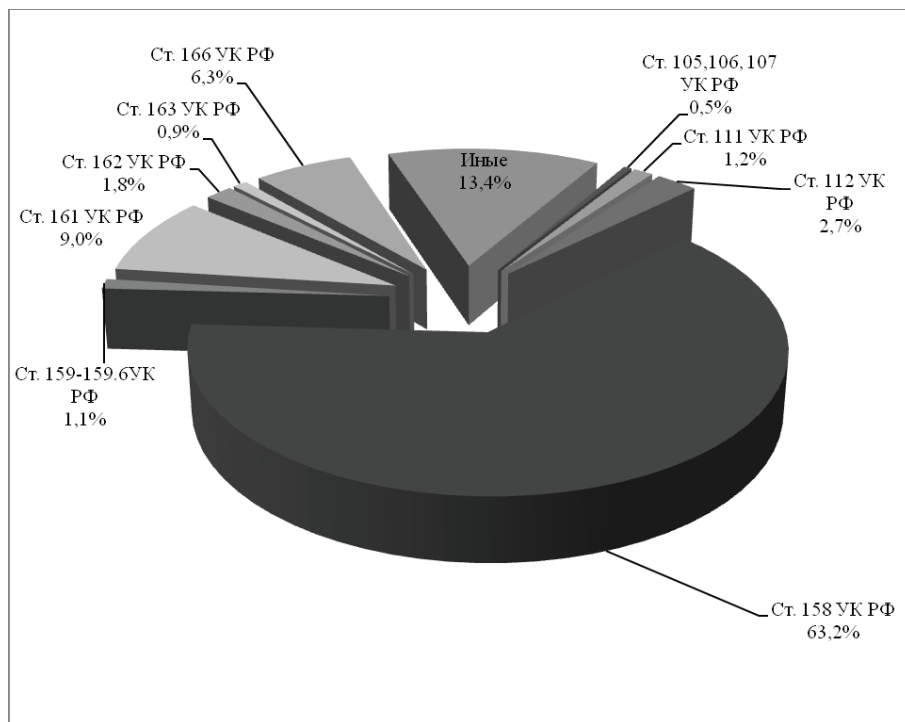

Рис. 2. Структура несовершеннолетних преступников по виду совершенного деяния в 2017 г.

Доля несовершеннолетних преступников женского пола составляет 9,8%.

Необходимо отметить возрастание дерзости, циничности совершаемых несовершеннолетними преступлений, наиболее опасных проявлений для жизни и здоровья окружающих [1, с. 96, 97]. Нельзя также не отметить роста негативных свойств их мотивации – корыстных и иждивенческих мотивов, стремления взять под контроль определённую территорию и сверстников, демонстративные формы девиантности. Нередко это происходит в условиях отчужденности от семьи, отсутствия должного контроля, получения психологических травм, сопряжённых с фактами насилия, оче-

видцем или участником которых стал несовершеннолетний.

Изложенное позволяет прогнозировать дальнейшее снижение абсолютных показателей преступности несовершеннолетних в среднем на 3–5% с нарастанием негативных качественных характеристик.

Причины преступности несовершеннолетних являются частью общих причин преступности в стране, но при этом надо учитывать, что сама преступность несовершеннолетних активно способствует всей преступности, о чём уже говорилось выше. Негативные явления и процессы экономического, идеологического, социально-психологического, культурно-воспитательного, демографического характера, происходящие в обществе, наиболее

болезненно отражаются на наиболее незащищённой части населения – на детях и подростках. В настоящее время государство не в состоянии выделить необходимые материальные средства на развитие и воспитание подрастающего поколения, охрану его здоровья и организацию досуга, оказание помощи семье. Поэтому высоки беспризорность и безнадзорность подростков, их заболеваемость. Так, по выборочным данным, лишь 15–20% несовершеннолетних могут считаться практически здоровыми. Данное обстоятельство существенно ограничивает их возможность в продолжении образования, выборе профессии, бытовом и трудовом устройстве, приобщении к общественно полезным ценностям и группам, что в конечном счёте приводит многих к противоправному поведению.

Как уже отмечалось выше, подростковая преступность питает организованную, профессиональную и рецидивную виды преступности. Но нельзя не отметить, что и эти виды выступают в качестве факторов, толкающих несовершеннолетних на преступный путь:

- своим примером “смелого” и “независимого” поведения;
- распространением криминальной субкультуры;
- втягиванием подростков в совершение конкретных преступлений.

Наибольший урон юношам и девушкам наносят их родители, сами совершающие преступления, если об этом становится известно их детям. Чаще всего это две категории семей: во-первых, из самого низшего социального слоя, когда отцы или старшие братья воруют, о чём проинформированы младшие. Одному из нас (Ю.М. Анто-

няну) довелось обследовать профессионального карманного вора, который начал красть, ещё будучи школьником; он знал, что его отец тоже карманный вор, и иногда даже обкрадывал родного папу. Во-вторых, те семьи среднего и высшего социального слоя, которые погрязли в коррупции. Разумеется, их дети в силу возраста не занимают должностей, позволяющих собирать коррупционную дань, но вырастают в убеждении, что коррупция вполне допустима.

Семья лишь часть бытовой микросреды. Подростки обычно вращаются среди соседей или тех, с кем работают или учатся. Вместе они образуют неформальные малые группы, которым доверяют нередко чаще, чем родителям или учителям. Если такие группы антиобщественной направленности, а подросток дорожит членством в ней, он копирует её образ жизни, ценности и ориентации, готов к совершению в её составе преступлений и мелких правонарушений.

Несовершеннолетние – это такая социальная группа, которая особенно болезненно воспринимает негативные последствия экономических, социальных и духовных потрясений, а поэтому реагирует на них остро и очень часто насилием. Исходя из этого, можно отметить социальное отчуждение подростков и их установку уйти от жизненных проблем в мир алкоголя и наркотиков, отсутствие жизненных перспектив и ощущение бессмысленности существования, отверженность в семье и социальное сиротство, невозможность реализовать в общественно полезной деятельности. Всё это активно криминализирует подростковую среду, особенно из необе-

спеченных и неблагополучных слоёв общества. Но и состоятельные семьи отнюдь не могут считать себя застрахованными от того, что их дети совершат правонарушения.

Отсутствие у государства возможности обеспечить должное воспитание и развитие детей и подростков не компенсируется семьёй, которая сама не получает должной помощи и перестала проявлять себя как самостоятельная и действенная сила, умеющая решать собственные проблемы. Таким образом, в неблагополучных слоях общества несовершеннолетние оказались в положении, когда ни государство, ни семья не способны обеспечить их достойное развитие и воспитание.

В целом можно утверждать, что важной причиной преступности несовершеннолетних стало ухудшение общей социально-экономической ситуации наиболее бедных слоёв населения, которые мало зарабатывают и много пьют, где всегда плохо учатся, мало знают и мало думают, где процветают грубость, насилие, где рано приобщаются к спиртным напиткам и даже к наркотикам, где девушки слишком рано начинают сексуальную жизнь, где кража или другое преступление считается не позором, а подвигом. Одним словом, это те слои, где формируются династии воров, убийц, насильников и проституток. Нельзя утверждать, что всё наше население обеднело. Есть такие, которые не обеднели, а совсем наоборот, но увеличился, как известно, разрыв между бедными и богатыми, и положение некоторых бедных слоёв населения часто становится безвыходным, что сказывается самым негативным образом на преступности несовершеннолетних.

Другой фактор – это негативные процессы в семье. В первую очередь здесь имеется в виду то, что семья не просто не может, но и не желает или не умеет оказать необходимую помощь подростку, контролировать его поведение, заботиться о нём, наконец, просто любить его. Здесь фактор материальной обеспеченности не очень значим, а часто он не имеет никакого значения. Это происходит тогда, когда вполне обеспеченная семья, казалось бы, делает всё для ребёнка – контролирует его поведение и учёбу, удовлетворяет его желания и даже капризы, предоставляет возможность овладения иностранными языками, заниматься спортом и т. д., но не обеспечивает главного – любви, создающей крайне необходимое эмоциональное тепло между ребёнком (подростком) и его родителями. Тогда происходит скрытое отвержение его, его выталкивание из семьи, что, кстати, редко осознаётся и им, и семьёй.

Но есть и явное жестокое обращение, оскорбление, изгнание из дома, отказ в еде, отсутствие заботы.

Другой криминогенный семейный фактор – отрицательный пример старших, особенно тех, с которыми у несовершеннолетних есть эмоциональный контакт. При наличии такого контакта он легко и с охотой воспринимает и усваивает то, что ему демонстрирует старший. Если же названная эмоциональная связь отсутствует, подросток не воспринимает ни хорошего, ни плохого от взрослых и начинает искать признания, поддержки и помощи в неформальных малых группах, т. е. среди сверстников на улице.

Можно ли считать неблагополучной неполную семью только потому,

что она неполная? Можно, но лишь в том смысле, что сама природа распорядилась так, чтобы ребёнка (подростка) воспитывали и мать, и отец. Каждый из них имеет по отношению к нему определённые обязанности, неисполнение которых, если их не компенсировать, может привести к нежелательным последствиям. Но если один из родителей, а тем более оба ведут антиобщественный образ жизни, совершают аморальные поступки и преступления, будет лучше, если подросток не будет с ними общаться. Следовательно, неблагополучной является та семья, в которой:

1. ребёнка не любят, не проявляют заботы о нём, отвергают в явной или скрытой форме, в последнем случае иногда не осознавая это, даже проявляя гиперопеку. Иными словами, здесь отсутствует эмоциональная связь между поколениями. При отсутствии таковой самые правильные наставления и назидания, самый праведный образ жизни старших не будут восприняты адресатом – подростком. Он будет глух к ним, потому что они исходят от эмоционально чужих ему людей.

Родители и другие старшие члены семьи ведут антиобщественный образ жизни, совершают аморальные противозаконные действия. Они, конечно, втягивают в антиобщественный образ жизни подростков, подают им дурной пример, особенно если с ними существуют длительные эмоциональные связи.

Катастрофой для юноши и девушки может стать распад родительской семьи. Но если из семьи ушёл постоянно пьющий, да ещё воруящий отец или пьющая мать, это даже благо для детей, но тогда все заботы ложатся на оставшуюся сторону, а при полном социальном сиротстве – на государство. Отвержение и эмоциональное неприятие ребёнка может иметь место и во внешне благополучной семье. Там, казалось бы, вроде проявляется забота о ребёнке, родители делают всё для него, кроме самого главного – не проявляют любви к нему и не устанавливают с ним эмоциональной связи. Вытолкнутые из семьи, подростки находят её подобие в неформальной малой группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилова О.Н., Ворошилова Д.М. Проблемы преступности несовершеннолетних // Успехи современной науки. 2016. Т. 5. № 10. С. 96–97.
2. Готчина Л.В. Молодежный наркотизм в современной России: состояние и профилактика: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. 120 с.
3. Кривоносов А.Н. Исторический опыт борьбы с беспорядочностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 92–98.
4. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Кибервойны XXI века. О чём умолчал Эдвард Сноуден. М.: Книжный мир, 2014. 352 с.
5. Лукашук С.В., Тепляшин П.В. Общественная опасность и криминологическая детерминация насильственной преступности несовершеннолетних // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2017. № 6. С. 355–357.
6. Миньковский Г.М. Борьба с преступностью несовершеннолетних в больших городах. М.: Издательство Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1975. 82 с.

7. Отчёты Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации об осуждённых, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте (2014–2016 гг.) [Электронный ресурс] // Верховный суд РФ: [сайт]. URL: <http://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 01.05.2018).
8. По данным ФГКУ «ГИАЦ МВД России» [Электронный ресурс] // МВД.рф: [сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai> (дата обращения: 01.05.2018).
9. Тепляшин П.В. Особенности исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних и молодежи в России и Германии // Вопросы ювенальной юстиции. 2016. № 1. С. 12–15.
10. Улезько С.И. Проблемы криминологической оценки воздействия экономических факторов преступности на интенсивность экстремистских проявлений в современной России // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 159–163.

REFERENCES

1. Voroshilova O.N., Voroshilova D.M. [The problem of juvenile crime]. In: *Uspekhi sovremennoi nauki* [The Successes of Modern Science], 2016, vol. 5, no. 10, pp. 96–97.
2. Gotchina L.V. *Molodezhnyi narkotizm v sovremennoi Rossii: sostoyanie i profilaktika* [Youth drug abuse in modern Russia: status and prevention]. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2013. 120 p.
3. Krivososov A.N. [The historical experience of the fight against homelessness]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2003, no. 7, pp. 92–98.
4. Larina E.S., Ovchinskii V.S. *Kibervoiny XXI veka. O chem umolchal Edvard Snouden* [Cyberwar XXI century. What silent Edward Snowden]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2014. 352 p.
5. Lukashchuk S.V., Teplyashin P.V. [Danger to the public and criminological determination of violent juvenile crime]. In: *Nauchno-obrazovatel'nyi potentsial molodezhi v reshenii aktual'nykh problem XXI veka* [The scientific and educational potential of youth in solving the actual problems of the XXI century], 2017, no. 6, pp. 355–357.
6. Min'kovskii G.M. *Bor'ba s prestupnost'yu nesovershennoletnikh v bol'shikh gorodakh* [The fight against juvenile delinquency in big cities]. Moscow, Publishing house of the All-Union Institute for the Study of the causes and development of crime prevention measures Publ., 1975. 82 p.
7. [Records of the Judicial Department at the Supreme court of the Russian Federation on prisoners who have committed crimes as a minor (2014–2016)]. In: *Verkhovnyi sud RF* [The Supreme court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.vsrfr.ru> (accessed: 01.05.2018).
8. [According FGKU “Giac the Ministry of internal Affairs of Russia”]. In: *MVD.rf* [MIA. of the Russian Federation]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai> (accessed: 01.05.2018).
9. Teplyashin P.V. [Peculiarities of execution of criminal penalties of deprivation of liberty in juvenile and youth in Russia and Germany]. In: *Voprosy yuvenal'noi yustitsii* [Juvenile Justice Issues], 2016, no. 1, pp. 12–15.
10. Ulez'ko S.I. [Issues criminological evaluation of the impact of economic factors crime on the intensity of extremism in modern Russia]. In: *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 2014, no. 4 (50), pp. 159–163.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонян Юрий Миранович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного пра-

ва Московского государственного областного университета; главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации;
e-mail: antonyaa@yandex.ru

Гончарова Мария Витальевна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации;
e-mail: maria-g2009@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuriy M. Antonan – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, professor; professor at the Department of Criminal Law, Moscow Region State University; Chief Researcher of the All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
e-mail: antonyaa@yandex.ru

Maria V. Goncharova – Doctor of Law, associate professor; Chief Researcher of the All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
e-mail: maria-g2009@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Антонян Ю.М., Гончарова М.В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 87–100
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-87-100

FOR CITATION

Antonan Yu.M., Goncharova M.V. The Status and Causes of Juvenile Delinquency in Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 87–100
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-87-100

УДК 340

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-101-108

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ (ПРОБЛЕМЫ) ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОСОЗНАНИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ПРАВОСОЗНАНИИ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ 1864 ГОДА

Артеменко И.А.

Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова

655000, Республика Хакасия, г. Абакан, пр. Ленина, д. 90, Российская Федерация

Аннотация. Цель: В процессе изучения судебных уставов 1864 года автором выявляется специфика рассмотрения судами особо важных государственных (политических) преступлений.

Методы исследования: В статье используется исторический метод научного исследования, метод системного и комплексного анализа.

Результаты исследования: Проведённое автором исследование позволило определить отдельные правоприменительные проблемы в период действия Судебных уставов 1864 года. Выводы автора иллюстрируются примерами из судебной практики, что позволяет заключить, что в пореформенном законодательстве сохраняются правовые нормы, обеспечивающие публичные интересы монархии, избыточные различными казуальными терминами, сущность которых в законе не раскрывалась, что, естественно, препятствовало правильному объективному (формально-определённому) осознанию понятия государственного (политического) преступления.

Теоретическая/практическая значимость: Основные выводы автора могут быть использованы в учебной литературе по истории права и государства.

Новизна: Автором доказано, что судебная реформа 1864 года внесла значительные изменения в судоустройство крепостнической России. Доказано, что, несмотря на значительные изменения в судоустройстве крепостнической России после проведения судебной реформы Александра II, в политическом процессе сохранились многие дореформенные черты.

Ключевые слова: проблемы, правоприменение, преступление, наказание, суд, судебная практика.

UNDERSTANDING THE CONCEPT OF CRIME IN 1864 JUDICIAL STATUTES

A. Artemenko

Khakas State University named after N.F. Katanov

90, Lenin ave., Abakan, Republic of Khakassia, 655000, Russian Federation

Abstract. Objective. In the process of studying the Judicial Statutes of 1864, the author reveals the specifics of court trial of grave anti-state (political) crimes.

Research methods. The article uses historical method of scientific research and method of systemic and complex analysis.

Results of the research. The research reveals certain law enforcement problems during the validity of the Judicial Statutes of 1864. Based on the examples from judicial practice, the author concludes that in the post-reform Russian legislation some legal norms testifying to the public interests of the monarchy survived. They abound in various casual terms the essence of which was not stated in the law, which naturally hindered the correct (formally-defined) understanding of the concept of state (political) crime.

Theoretical / practical significance. The author's main findings can be included into textbooks on the history of law and the state.

Novelty. The author proves that the Judicial Reform of 1864 made significant changes in the judicial system of feudal Russia. Despite significant changes in the judicial system of feudal Russia after the Judicial Reform of Alexander II, many pre-reform features survived in the political process.

Key words: issues, law enforcement, crime, punishment, court, judicial practice.

Как известно, Судебные уставы 20 ноября 1864 г. провозгласили отмену теории формальных доказательств, независимость судебной власти, учреждение кассационного суда, гласность, устность, состязательность, законность и пр. В общем, изменили прежнюю организацию судебной инквизиционной власти, но помимо этого в уголовном законодательстве постулируется правильное формально-определённое понимание понятия преступления. Уникальность новых правовых установлений широко и обстоятельно освещается в научных историко-правовых изысканиях разных лет. В частности, Т.С. Коваленко указывает, что судебная реформа 1864 г. воплотила в жизнь международные стандарты и принципы осуществления правосудия: гласность, состязательность, равенство сторон и пр. [4, с. 261]. Находится также и мнение, что главным достижением реформы следует считать учреждение самостоятельной независимой судебной власти [3, с. 24]. Однако мы выявляем некото-

рые правоприменительные проблемы, относящиеся к данному историческому периоду. Обратимся к примеру. Так, 18 октября 1877 г. в Особом присутствии Правительствующего сената с участием сословных представителей началось разбирательство дела о революционной пропаганде в империи, ставшее более известным по названию «Процесс 193-х» [1, с. 1].

Судебное разбирательство проходило в маленьком помещении, несмотря на большой резонанс уголовного дела в обществе и значительное число его фигурантов. Интересен также тот факт, что в последующем суд, сославшись на недостаточность места в зале суда для размещения всех обвиняемых, разделил их на 17 групп по несколько человек. По мнению судебного состава, раздельное рассмотрение дела (по группам) нисколько не ущемляло интересов сторон, кроме того, некоторые эпизоды обвинения было решено рассмотреть в закрытом судебном заседании [1, с. 243, 244]. Принцип гласности, провозглашённый судебными

уставами, предполагает открытое разбирательство, обеспечивающее возможность присутствия на судебном заседании лиц, не являющихся его участниками. В деле 193-х большую часть времени процесс шёл за закрытыми дверями.

На досудебной стадии в «Процессе 193-х» в качестве средства для получения необходимых следствию показаний применялись пытки, но уже в более завуалированной форме. Примером может служить высказывание одного из подсудимых, что за нежелание отвечать на вопросы он был закован сначала в ножные кандалы, а потом и в наручники, одновременно с этим ему запрещалось пользоваться кипячёной водой. В течение нескольких месяцев он находился в одиночной камере, где ему не позволялось даже читать [1, с. 281].

Общеизвестно, что многие из арестованных по указанному делу несколько лет отбывали одиночное заключение, некоторые из них умерли или сошли с ума.

Из приговора по делу 193-х [1, с. 283–302] мы видим, что действия подсудимых обобщены достаточно пространственным описанием события инкриминируемого им преступления. В нём явно отсутствует оценка фактов, рассмотренных судом для установления события преступления. Судебные выводы не мотивированы, из приговора неясно, по каким соображениям суд приходит к мнению о виновности подсудимых. Недопустимая краткость и неполнота текста судебного акта становятся его особенностью. В целом в период реформ высшие суды демонстрируют высокий уровень юридической техники. В связи с чем возникает

предположение: а не свидетельствует ли краткость в выводах приговора о намеренном уклонении суда от анализа представленных участниками процесса доводов? Рассуждая об ответственности членов судебного состава, мы задаёмся ещё одним вопросом: мог ли каждый из них поплатиться за легковесное отношение к фактам и доказательствам по этому нашумевшему политическому делу? Скорее, наоборот. В состав суда наряду с сенаторами с равным количеством голосов вошли авторитетные представители дворянства и органов власти, занимавшие высокие публичные должности. Так, Я.И. Журавлев являлся новгородским городским головой, другой – П.И. Спазин-Тормасов – внешневолоцким уездным, но в то же время они, впрочем, как и весь состав суда, не желали попасть в немилость императора, нуждавшегося в гарантированном вердикте. Не исключено, что указанные лица выражали субъективное отношение к делу, поскольку не имели соответствующего образования. О явном обвинительном уклоне и нарушении права на защиту свидетельствуют те же самые факты организации процесса в небольшом помещении Петропавловской крепости и разделения подсудимых на группы. Помимо этого, в ходе судебного разбирательства не раз отклонялись ходатайства и заявления о нарушении прав обвиняемых, многие их выступления попросту обрывались. Например, в судебных прениях была прервана речь подсудимого И.Н. Мышкина, показавшаяся не приемлемой составу суда [1, с. 2].

Подсудимым вменялось в вину нарушение ст. 250 Уложения о наказаниях (1874 г.), предусматривающей высшую

меру наказания за бунт против верховной власти. Причём в диспозиции статьи используется весьма пространное понятие “злоумышление”, сущность которого Уложением не раскрывалась [10, с. 426]. На примере судебного приговора мы видим, что участники “хождения в народ” были осуждены за выражение в той либо иной форме свободы личности политического толка. Выявляется также проблема казуального мышления, т. е. условность и ограниченность подхода к правым явлениям, понимание преступления прежде всего как юридического понятия, а не деяния, попросту заслуживающего отрицательной оценки.

Следует заметить, что признак противоправности закрепляется ещё в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.): преступлением считается «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав верховной власти и установленных ею властей, или же на права и безопасность общества и частных лиц» (ст. 1). [6, с. 174].

Эволюцию понятия преступления в рассматриваемый исторический период можно проследить, сравнив указанное нормативное предписание с пониманием преступления, данным в Своде законов Российской империи, где оно трактуется как деяние, запрещённое под страхом наказания (ст. 1) [7, с. 387]. Здесь мы видим, что формулировка, проявляющаяся в свободном механизме реализации наказания, заменена чёткой юридической основой деяния, однако вышеприведённый пример свидетельствует о правоприменительных проблемах в понимании

преступления как явления правовой природы.

В исторической литературе отмечается, что решение суда о смягчении подсудимым наказания было отвергнуто Александром II, из-за чего на каторгу были отправлены фигуранты дела независимо от судебного вердикта. Фактически 80 из 90 оправданных судом человек были сосланы в разные места России в административном порядке [1, с. 302].

Таким образом, несмотря на провозглашённые в результате реформ прогрессивные принципы организации судебной деятельности, царизм сдерживал их реализацию на практике. Судьба политического процесса оказалась независимой от многих коренных положений судебных уставов. Если реформой власть разделялась по горизонтали, то в делах, заслуживающих внимания императора, была очерчена чёткая вертикальная линия его личного контроля; он утверждал приговор, ему же принадлежало право на помилование. Уставом уголовного судопроизводства (1864 г.) неоднозначно разрешался вопрос и о подсудности дел по государственным преступлениям, их можно было рассматривать как в судебных палатах, так и в верховном суде (ст. 204) [9, с. 98]. В то же время отдельно предписывалось (ст. 1032) разрешать политические дела судебной палатой по месту совершения преступления [9, с. 384]. В исторической литературе отмечается, что верховные суды по государственным преступлениям так и не были утверждены, а фактически дела о заговорах против императора рассматривались Особыми присутствиями Правительствующего сената [8, с. 269]. А.М. Мойсинович

указывает, что политические преступления были изъяты из подсудности суда присяжных в связи с сильным противостоянием в комиссии по подготовке судебных уставов [5, с. 69].

Безусловно, мы не можем утверждать о полной судебной гласности, публичности уголовного процесса, когда повсеместно в делах, заслуживающих внимание государя, мы встречаем абсолютно иное. Традиционно ещё с петровских времён рассмотрение политических дел происходит в специально отведённом месте (затрудняющем присутствии общественности), как правило, такие дела слушались за закрытыми дверями в Петропавловской крепости г. Санкт-Петербурга (вышеуказанный пример «Процесса 193-х», там же в зале комендантской квартиры проходил знаменитый «Каракозовский» процесс).

Как нами уже указывалось, судебной реформой 1864 г. была категорично отклонена теория формальных доказательств. Вероятность доказать свою невиновность воплощалась в жизнь благодаря принципу состязательности. В общих чертах он выражается в наличии перед судом равноправных участников. Это означает, что стороны изначально ставятся в равное положение по отношению к возможности предоставления доказательств. Однако в политическом процессе жандармами использовались более широкие возможности как по отношению к получению обличающих виновного доказательств, так и в части репрессивного воздействия на личность. Здесь, в частности, следует вести речь об усилении мер уголовно-процессуального принуждения (задержании, содержании под стражей и т. д.) в отношении

заподозренного в совершении политического преступления человека.

Повсеместное нарушение принципа состязательности сторон наблюдается в формальном отношении жандармов к декларированным судебными уставами процессуальным правам обвиняемого. Хотя они и обеспечивались за счёт участия в уголовном процессе защитника (присяжного поверенного), однако на стадии дознания эффективных средств правовой защиты от нарушений прав обвиняемого в политическом преступлении попросту не существовало. Так, в отмеченном нами деле Каракозова защитники обвиняемых были лишены возможности ознакомления с материалами уголовного дела перед судом [8, с. 282]. Другим подобным примером в деле о демонстрации на Казанской площади (6 декабря 1876 г.) может служить прозвучавшее в суде заявление защитников подсудимых о том, что об обстоятельствах обвинения им стало известно только из обвинительного акта, врученного, опять же, незадолго до начала судебного заседания [1, с. 1]. В этом также усматривается ограничение права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела перед судом.

Стоит добавить, что обвинение в государственном (политическом) преступлении, как правило, опиралось на свидетельские показания и признания обвиняемых, да ещё полученные с использованием различных увещательных приёмов (вспомним дело 193-х). Такие доказательства вины подсудимого становились в суде весомым преимуществом для обвинителя. Наглядной иллюстрацией этого вывода могут служить единичные оправдательные приговоры на фоне несколь-

ких сотен граждан, необоснованно осуждённых за революционную пропаганду.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что Судебная реформа 1864 г. внесла значительные изменения в судостроительство крепостнической России, но всё-таки в политическом процессе сохранились многие дореформенные черты. Царское правительство не только сдерживало реализацию поставленных реформой целей, но и предприняло ряд важных шагов по пути обратных преобразований. Наблюдается сужение сферы деятельности суда присяжных при расширении его состава с сословными представителями. Дознание по политическим преступлениям передаётся жандармам. С наделением судебной функцией местных административных органов – земских начальников – упраздняется мировая юстиция – одно из важнейших достижений судебной реформы 1864 г. В научной литературе также отмечается, что судебная реформа распростра-

нилась не на все регионы России – сохранились особые сословные суды для крестьян – волостные, осуществлявшие юрисдикцию на основе правовых обычаев [2, с. 9]. Эти и многие другие результаты противодействия проводимым реформам в стремлении приспособить суд к существующей форме правления и политическому режиму, несомненно, сводились к ограничению демократических принципов и институтов судебных уставов. Но что самое главное, всё это негативно сказывалось на правоприменительном процессе и принимаемых решениях.

Мы видим, что в пореформенном законодательстве сохраняются правовые нормы, обеспечивающие публичные интересы монархии, избилующие различными казуальными терминами, сущность которых в законе не раскрывалась, что, естественно, препятствовало правильному объективному (формально-определённому) осознанию понятия государственного (политического) преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственные преступления в России в XIX веке: сб. полит. процессов и др. материалов, относящихся к истории революц. и оппозиц. движений в России / сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. 3: (Процесс 193-х). СПб., 1906. 308 с.
2. Ефремова Н.Н. Справедливость как фактор развития правосознания и правовой культуры России пореформенного периода // Право. 2013. № 3. С. 3–11.
3. Краковский К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12 (216). С. 16–31.
4. Коваленко Т.С. Исторический путь зарождения, становления и развития судебной власти в России // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 5. С. 259–263.
5. Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006. 260 с.
6. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века / отв. ред.: О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1988. 432 с.
7. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под ред. Б.В. Виленского; О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1990. 496 с.

8. Стасов Д.В. Каракозовский процесс (некоторые сведения и воспоминания) // *Былое*. 1906. № 4. С. 276–298.
9. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2 [Устав уголовного судопроизводства]. СПб: Издание Государственной Канцелярии, 1866. 555 с.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. / сост., предисл. Н.С. Таганцева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1876. 726 с.

REFERENCES

1. Basilevsky B. *Gosudarstvennyye prestupleniya v Rossii v XIX veke: sb. polit. protsessov i dr. materialov, odnosyashchikhsya k istorii revolyuts. i oppozits. dvizheniy v Rossii. T. 3: (Protsess 193-kh)* [State Crimes in Russia in the 19th Century: a Collection of Court Cases on Political Offences and Other Materials Relating to the History of the Revolutionary and Oppositional Movements in Russia. Vol. 3: (The Case of 193)]. St. Petersburg, 1904–1906. 308 p.
2. Yefremova N.N. [Justice as a Factor Developing Legal Consciousness and Legal Culture of Russia in the Post-Reform Period]. In: *Pravo* [The Law], 2013, no. 3, pp. 3–11.
3. Krakovskii K.P. [Judicial Reform of 1864: the Nature and Historical-Legal Evaluation]. In: *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Russian Law Journal], 2014, no. 12 (216), pp. 16–31.
4. Kovalenko T.S. [The Origin, Formation and Development of Judiciary in Russia]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2016, vol. 22, no. 5, pp. 259–263.
5. Moisinovich A.M. *Sudebnaya reforma 1864 g. v otsenkakh sovremennikov i issledovatelei vtoroi poloviny XIX vv.: dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial Reform of 1864 in the Assessments of Contemporaries and Researchers of the Second Half of the Nineteenth Century: PhD Thesis in Law]. Yaroslavl, 2006. 260 p.
6. Chistyakov O.I., ed. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 6. Zakonodatel'stvo pervoi poloviny XIX veka* [Russian Law in 10th–20th Centuries. Vol. 6. Legislation of the Early 19th Century]. Moscow, Legal Literature Publ., 1988. 432 p.
7. Chistyakov O.I., Vilensky B.V., eds. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 8. Sudebnaya reforma* [Russian Law in 10th–20th Centuries. Vol. 8. Judicial Reform]. Moscow, Legal Literature Publ., 1990. 496 p.
8. Stasov D.V. [The Karakozov Case (Some Information and Memories)] In: *Byloe*, 1906, no. 4, pp. 276–298.
9. *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany. Ch. 2* [The Judicial Statutes of November 20, 1864, and the Arguments They Are Based On. P. 2]. St. Petersburg, Publication of the State Chancellery Publ., 1866. 555 p.
10. Tagantsev N.S., comp., intr. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1866 goda: s dopolneniyami po 1 yanv. 1876 g.* [The Code on Criminal and Correctional Punishments 1866: with Amendments on 1 Jan. 1876]. St. Petersburg, Typography of M. Stasyulevich, 1876. 726 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артеменко Игорь Анатольевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова;
e-mail: advokatartemenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor A. Artemenko – postgraduate student, Department of Theory and History of State and Law, Institute of History and Law, Khakass State University named after N.F. Katanov;
e-mail: advokatartemenko@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Артеменко И.А. Отдельные аспекты (проблемы) правоприменения в области осознания понятия преступления в отечественном уголовном праве и правосознании в период действия судебных уставов 1864 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 101–108
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-101-108

FOR CITATION

Artemenko I.A. Understanding The Concept Of Crime In 1864 Judicial Statutes. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 101–108
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-101-108

УДК 343.237

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-109-117

ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО *SUI GENERIS*¹: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Некоз А.С.

*Российский государственный университет правосудия
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, Российская Федерация*

Аннотация. Цель: Важной целью исследования является определение допустимости и оправданности конструирования норм об ответственности за подстрекательство, выявление таких норм в зависимости от особенностей нормативной конструкции составов преступлений и решаемых ими задач.

Методы исследования: Исследование основано на применении общенаучных методов и приёмов обработки данных: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, классификация. Частно-научными методами, использованными в работе, выступают: логико-юридический (догматический), историко-правовой, сравнительно-правовой, метод анализа документов, экспертный опрос.

Результаты исследования: На основе формально-логического анализа положений закона, с привлечением элементов конституционной экспертизы и использованием метода типологизации в статье представлено теоретическое обоснование допустимости и оправданности конструирования норм об ответственности за подстрекательство *sui generis*, определены виды таких норм в зависимости от особенностей нормативной конструкции составов преступлений и решаемых ими задач. В перспективном плане установлены наиболее значимые проблемы судебной практики в части применения рассматриваемых норм, разрешение которых может составить перспективное направление развития науки и законодательства.

Теоретическая/практическая значимость: Результаты исследования могут быть использованы в правотворческой деятельности.

Новизна: В статье представлен новый подход к конструированию норм об ответственности за подстрекательство, что может стать основой новой научной концепции.

Ключевые слова: соучастие, подстрекательство, нормы с двойной превенцией, акцессорность.

INCITEMENT *SUI GENERIS*: CONCEPT AND TYPES

A. Nekos

*Russian State University of Justice
69, Novochemushkinskaya st., Moscow, 117418, Russian Federation*

¹ В своём роде (лат.).

© СС BY Некоз А.С., 2018.

Abstract. Objective. The objective of the study is to determine the admissibility and justification of constructing norms on responsibility for incitement, identification of such norms, depending on the specifics of normative design of corpus delicti and the tasks they carry out.

Research methods. The research is based on application of general scientific methods and methods of data processing: analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, classification. Private-scientific methods used in the study are: logico-legal (dogmatic), historical-legal, comparative-legal, method of document analysis, expert survey.

Results of the research. Based on a formal logical analysis of the provisions of the law, with the use of elements of the constitutional examination and the use of the typological method, the article presents a theoretical justification for the admissibility and justification of the construction of norms on responsibility for inciting sui generis, the types of such norms depending on the specifics of the normative construction of crimes and tasks they carry out. In the long-term plan, the most significant problems of judicial practice regarding the application of the norms in question are set, and the solution of these problems can constitute a promising direction for the development of science and legislation.

Theoretical/practical significance. The results of the research can be used in law-making activities.

Novelty. The article presents a new approach to the construction of norms on liability for incitement, which can become the basis of a new scientific concept.

Key words: complicity, incitement, norms with double prevention, accessory.

Подстрекательство как элемент института соучастия в преступлении имеет в каждой правовой системе вполне определённые границы, заданные функциональным назначением и правовой природой этого института. В России эти границы определены прежде всего объективными и субъективными признаками соучастия и его лимитированной акцессорностью [8], в своей совокупности и по отдельности устанавливающими пределы, за которыми применение ст. 32 и ч. 4 ст. 33 УК РФ становится невозможным.

Между тем не требует специальных доказательств тезис, что даже самая совершенная правовая конструкция не в состоянии охватить всех возможных жизненных ситуаций и отреагировать на все возможные угрозы криминологической безопасности личности, общества или государства

[2; 3]. Недостаточность и ограниченность норм об ответственности за подстрекательство как проявление соучастия ощущалась специалистами в области теории и практики правоприменения всегда. При этом стремление её преодолеть приводило либо к отрицанию акцессорности и построению соучастия на началах самостоятельной ответственности подстрекателей, либо к конструированию отдельных уголовно-правовых норм, охватывающих в качестве самостоятельного преступления деяния, не укладывающиеся в рамки конструкции соучастия, либо к совмещению этих подходов. Принимая во внимание, что российская практика осталась при решении вопроса об основаниях ответственности и квалификации действий подстрекателей в русле лимитированной акцессорности, недостаточность констру-

ции подстрекательства восполняется у нас созданием специальных составов преступлений в Особенной части УК РФ – соучастие *sui generis*.

В науке предпринят ряд серьёзных исследований подобных составов преступлений, особенно актуализированных в последние годы в свете криминализации действий, связанных с публичными призывами к совершению преступлений террористического и экстремистского толка. Однако важно подчеркнуть, что эти исследования были посвящены решению относительно частных задач толкования признаков соответствующих составов преступлений, квалификации деяний и оптимизации уголовного закона в части обеспечения государственной и общественной безопасности. Не умаляя несколько их значимости, напротив, используя накопленный опыт и достижения в качестве основы, посвятим дальнейшее изложение анализу проблематики соучастия *sui generis* с обобщающих и оттого новых позиций. Постараемся проследить, какие именно “пробелы” акцессорного подстрекательства, как и в какой степени восполняются практикой самостоятельной криминализации отдельных проявлений подстрекательства, какие проблемы возникают при криминализации и квалификации таких деяний, и как можно их минимизировать.

Анализ показывает, что предписания уголовного закона, “компенсирующие” лимитированную акцессорность подстрекательства, могут быть сведены в пять основных групп:

1) Общие положения закона, призванные определить правовые последствия безрезультатного подстрекательства, т. е. склонения, по итогам

которого лицо не согласилось на участие в совершении преступления. К такому следует отнести прежде всего предписание ч. 5 ст. 34 УК РФ о том, что лицо, которому не удалось склонить иное лицо к совершению преступления, подлежит ответственности за приготовление к преступлению.

2) Нормы Особенной части, устанавливающие ответственность за подстрекательство к участию в преступных группах (ч. 4 ст. 150 – «Вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу», ч. 1 ст. 205¹ – «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность незаконного вооруженного формирования», ч. 1.1 ст. 205¹ – «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность террористического сообщества», ч. 1.1 ст. 282² – «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества», ст. 208 – «Организация незаконного вооружённого формирования или участие в нём», ст. 209 – «Бандитизм», ст. 210 – «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нём (ней)», ч. 1.1 ст. 282² – «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации»).

3) Нормы, определяющие ответственность за подстрекательские действия, которые направлены на склонение лица или группы лиц не к какому-либо конкретному преступлению, а к преступной деятельности, к любому из составляющих эту деятельность преступлений. Таковыми, в нашем представлении, выступают положения ст. 205² «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терро-

ризма», ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 280¹ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», ч. 3 ст. 212 «Призывы к массовым беспорядкам или к участию в них, а равно призывы к насилию над гражданами», ст. 354 «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны».

4) Нормы, устанавливающие ответственность за подстрекательство лица к участию в неправомерных, опасных или аморальных действиях. К ним, полагаем, следует причислить ст. 110¹ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», ст. 135 «Развратные действия»¹, ст. 151 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», ст. 151² «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий,

представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего», ст. 230 «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», ст. 230¹ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте», ст. 240 «Вовлечение в занятие проституцией», ст. 239 «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан».

5) Нормы, устанавливающие специальные положения об ответственности за склонение к совершению отдельных видов преступлений. Это: ст. 150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», ч. 1 ст. 184 «Склонение участников, судей и организаторов официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса к оказанию влияния на его результаты, либо предварительный сговор с такими лицами в тех же целях», ч. 1.1 ст. 212 «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение действий, составляющих массовые беспорядки», ст. 205¹ «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение преступлений террористического характера», ч. 2 ст. 242 «Вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции», ч. 2 ст. 361 «Вовлечение в акт международного терроризма».

В нашу задачу, разумеется, не входит детальный юридический анализ каждой из этих норм и каждого состава преступления. Этому посвящён значительный объём научной литературы. Ограничимся лишь некоторыми комментариями, акцентируя внимание на наиболее проблемных аспектах толкования и квалификации.

¹ Включение статьи в список обусловлено тем, что Российская Федерация, ратифицировав Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 г., взяла на себя обязательство принять все необходимые законодательные меры, обеспечивающие установление уголовной ответственности, в том числе за умышленное склонение ребёнка, не достигшего установленного законом возраста, к наблюдению сексуальных злоупотреблений или деятельности сексуального характера, даже не участвуя в них, в сексуальных целях. Такие действия как раз требуют квалификации по ст. 135 УК РФ. Некоторые специалисты предлагают криминализировать на уровне самостоятельного состава преступления против нравственности «умышленное склонение несовершеннолетнего к наблюдению сексуального насилия или деятельности сексуального характера в сексуальных целях, без участия в них» [6, с. 9].

В первую очередь, стоит обратиться к вопросу об основании уголовной ответственности за отдельные, специальные проявления подстрекательских действий.

Дело в том, что активная нормотворческая практика криминализации таких действий неоднократно встречала в литературе критическую оценку. Некоторые авторы, например, утверждают, анализируя ст. 205¹ УК РФ, что отличить публичный призыв к осуществлению террористической (и экстремистской) деятельности от подстрекательства к совершению преступлений практически невозможно [1, с. 35, 36]. Другие, ссылаясь на то, что предусмотренные в этой статье действия и ранее получали уголовно-правовую оценку как проявление соучастия в совершении преступлений террористического характера, прямо утверждают об избыточности нормы [5, с. 259; 7]. Специалисты заявляют также о тождестве конструкции подстрекательства к преступлению и вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления [4, с. 56, 57].

Представляется, однако, что подобная критика специалистов в данном случае не является в полной мере оправданной. Общая линия криминализации отдельных соучастных действий (это касается не только различных видов подстрекательской, но также пособнической и организаторской деятельности) вызвана тремя основными причинами: недостаточностью существующей модели оснований ответственности для лиц, непосредственно причастных к преступной деятельности; разнообразием форм самой общественно опасной деятельности, в последнее время не сводимой

только к совершению конкретных преступлений; насущной потребностью в уголовно-правовой охране ценных социальных объектов.

Применительно к такому преступлению, как публичные призывы к терроризму, эти факторы подтвердил и Конституционный Суд РФ. В одном из своих определений он указал: «В соответствии с законом, публичные призывы к терроризму – это деятельность, обращённая к неопределённо широкому кругу лиц и выходящая за рамки классического соучастия в тех его формах и видах, которые закреплены в ст. 32–35 УК РФ и предполагают индивидуализированную субъективную связь между лицами, совместно участвующими в совершении конкретного умышленного преступления в качестве исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника. Тем не менее будучи адресованной массовому сознанию либо вниманию отдельных слоёв общества, сегментированных по религиозным, этническим и другим признакам, и направленной на формирование обстановки приемлемости идеологии терроризма и даже желательности её претворения в общественную практику, такая деятельность также вызывает потребность в адекватных и эффективных мерах превентивного характера»¹.

Думается, что сказанное будет справедливо и в отношении иных вы-

¹ Определение Конституционного Суда РФ № 1797-О от 21.09.2017 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей ст. 47 и ч. 1 ст. 2052 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision293616.pdf> (дата обращения: 16.11.2017).

деленных нами преступлений подстрекательства *sui generis*. Исходя из оснований криминализации, их можно условно объединить в две группы.

Первая связана с восполнением пробелов, обусловленных акцессорностью, в тех случаях, когда деятельность подстрекателя даже вне рамок классического соучастия обладает столь высокой степенью общественной опасности, что законодатель не может не реагировать на неё установлением мер публично-правовой ответственности (это все случаи склонения к совершению аморальных и опасных неправомерных деяний, а равно и случаи призывов к совершению преступлений). Между этими преступлениями и подстрекательством не возникает конкуренции, поскольку соответствующие нормы направлены на регулирование отношений, вызванных различными юридическими фактами.

Вторая группа преступлений – это деяния, предусмотренные специальными по отношению к подстрекательству предписаниями уголовного закона (случаи вовлечения или склонения конкретных лиц к конкретным преступлениям). Их наличие в УК РФ порождает конкуренцию норм, которая, по общему правилу, должна рассматриваться с позиций конкуренции общей и специальной норм и преодолевать, исходя из предписания ч. 3 ст. 17 УК РФ [10].

В любом случае основание ответственности за подстрекательство *sui generis* не связано с идеей солидарной ответственности нескольких лиц за то или иное совершенное преступление. Подстрекатель наказывается не за участие в “чужом деянии”, не за самостоятельное участие в совершении

преступления, выполненного исполнителем. Он наказывается за сам факт склонения или вовлечения лица в то или иное деяние, за интеллектуальную, информационную (в большинстве случаев) деятельность, которая направлена на то, чтобы привить неодобряемые ценности, склонить к нарушению социальных норм отдельных людей или их группы и тем самым создать условия для последующей антиобщественной деятельности этих лиц. Такое подстрекательское действие признаётся законодателем настолько общественно опасным, настолько нетерпимым в современном российском обществе, что бороться с ним он полагает возможным путём установления уголовно-правового запрета. Сам запрет в данном случае справедливо рассматривать как значимую уголовно-правовую норму с двойной превенцией [9].

Таким образом, на наш взгляд, наличие системы норм об ответственности за подстрекательские действия в Особенной части уголовного закона не является ни ошибкой законодателя, ни формой злоупотребления криминализационными процессами. Эти нормы, как неоднократно подчёркивал Конституционный Суд РФ, не содержат неопределённости в понимании содержания и сути запрещённых действий и сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие конституционные стандарты уголовно-правовых отношений. Необходимость в таких нормах вполне объективна и закономерна, что, однако, не снимает вопроса о качестве криминализации и возможных просчётах в самих этих нормах.

Внимательный анализ выявленных норм об ответственности за отдельные

подстрекательские действия показывает, что наиболее актуальными и значимыми проблемами теории и практики применения являются:

– ситуация, когда объективно одни и те же безрезультатные действия по подстрекательству к преступлению расцениваются либо как приготовление к преступлению, либо как оконченное преступление в зависимости от такого “внешнего фактора”, как категориальная принадлежность или вид преступления, к совершению которого субъект подстрекал иное лицо, не может быть признана оптимальной;

– ситуация, когда склонение к участию в преступной группе в зависимости от вида группы, может получать различную оценку: как часть действий, связанных с созданием некоторых организованных преступных групп или участием в них, как подстрекательство к участию в таких группах либо как самостоятельное деяние;

– ситуация, когда призывы к совершению преступлений, административных проступков, а равно действий,

правовая природа которых остаётся крайне неопределённой, рассматривается как преступления;

– ситуация, когда однотипные составы склонения к неправомерным, но опасным или аморальным действиям, конструируются с использованием различной правовой терминологии и без соблюдения начал системности в дифференциации ответственности;

– ситуация, когда самостоятельная криминализация подстрекательства конкретных лиц к конкретным преступлениям порождает проблему “двойной ответственности” при оценке содеянного и как подстрекательства, и как отдельного посягательства.

Последовательное разрешение этих ситуаций может составить перспективное направление и научного анализа заявленной темы, и последующего развития отечественного уголовного закона в интересах обеспечения безопасности личности, общества и государства посредством норм с ранним и двойным профилактическим эффектом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов П.В., Михайлов К.В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики. Саратов: Издательство Саратовского юридического института МВД России, 2007. 144 с.
2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Неопределённость уголовного права в эпоху неопределённости // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 3–8.
3. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. М.: Юрлитинформ, 2017. 696 с.
4. Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. М.: Юрлитинформ, 2009. 200 с.
5. Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. ... док. юрид. наук. СПб., 2004. 345 с.
6. Иксатова С.Т. Теоретические проблемы борьбы с преступлениями против нравственности: автореф. дис. ... док. юрид. наук. Бишкек, 2015. 38 с.
7. Кленова Т.В. К вопросу о конкретизации составов преступлений // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: мате-

- риалы III Международной научно-практической конференции, 29–30 мая 2003 г. М.: ЛексЭст, 2004. С. 110–113.
8. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении: в 2 ч. Ч. 1. Понятие соучастия. Свердловск: Б.И., 1960. 288 с.
 9. Саркисова Э.А. Предупредительная роль уголовного закона. Минск: Наука и техника, 1979. 146 с.
 10. Совокупность преступлений: проблемы теории и практики квалификации / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2016. 365 с.

REFERENCES

1. Agapov P.V., Mikhailov K.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za sodeistvie terroristicheskoi deyatel'nosti: tendentsii sovremennoi ugolovnoi politiki* [Criminal Liability for the Promotion of Terrorist Activities: Trends of Modern Criminal Policy]. Saratov, Publishing House of Saratov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia Publ., 2007. 144 p.
2. Babayev M.M., Pudovochkin Yu.E. [The Uncertainty of Criminal Law in the Epoch of Uncertainty]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2018, no. 2, pp. 3–8.
3. Babayev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Rossiiskaya ugolovnaya politika i ugolovnyi zakon: opyt kriticheskogo analiza* [Russian Criminal Policy and Criminal Law: the Experience of Critical Analysis]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 696 p.
4. Blagov E.V. *Kvalifikatsiya pri sovershenii prestupleniya* [Qualification in Crime]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 200 p.
5. Dikayev S.U. *Terrorizm: fenomen, obuslovlennost' i mery protivodeistviya (ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie): dis. ... dok. yurid. nauk* [Terrorism: the Phenomenon of Conditionality and Counter Measures (Criminal-Legal and Criminological Research): Doctoral Thesis in Law]. St. Petersburg, 2004. 345 p.
6. Iksatova S.T. *Teoreticheskie problemy bor'by s prestupleniyami protiv npravstvennosti: avtoref. dis. ... dok. yurid. nauk* [Theoretical Problems of Combating Crimes against Morality: Abstract. Doctoral Thesis in Law]. Bishkek, 2015. 38 p.
7. Klenova T.V. [The Issue of the Specificity of Crimes]. In: *Mezhdunarodnoe i natsional'noe ugolovnoe zakonodatel'stvo: problemy yuridicheskoi tekhniki: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 29–30 maya 2003 g.* [International and National Criminal Law: Problems of Legal Technique^ Proceedings of the 3rd International Scientific-Practical Conference, May 29–30, 2003]. Moscow, LeksEst Publ., 2004. pp. 110–113.
8. Kovalev M.I. *Souchastie v prestuplenii. Ch. 1. Ponyatie souchastiya* [Complicity in Crime. Part 1. The Notion of Complicity]. Sverdlovsk, B.I Publ., 1960. 288 p.
9. Sarkisova E.A. *Predupreditel'naya rol' ugolovnogo zakona* [The Preventive Role of Criminal Law]. Minsk, *Nauka i tekhnika* Publ., 1979. 146 p.
10. Pudovochkina Yu.E. *Sovokupnost' prestuplenii: problemy teorii i praktiki kvalifikatsii* [The Aggregate of Crimes: Problems of Theory and Practice of Qualification]. Moscow, RGUP Publ., 2016. 365 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Некоз Аркадий Сергеевич – судья Черемховского городского суда Иркутской области, соискатель кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;
e-mail: nekozark@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arkady S. Nekoz – judge of the Cheremkhovsky City Court of Irkutsk Region, applicant at the Department of Criminal Law, Russian State University of Justice;
e-mail: nekozark@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Некоз А.С. Подстрекательство *sui generis*: понятие и виды // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 109–117

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-109-117

FOR CITATION

Nekoz A.S. Incitement *sui generis*: Concept and Types. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 109–117

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-109-117

УДК 343.341

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-118-127

ПЕРЕХОД В РАДИКАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕЧЕНИЯ КАК ФАКТОР ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Шураева Л.М.

*Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации*

121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация. Цель: В данной статье явление неопитства рассматривается в контексте проблемы вовлечения новообращенных в религиозные течения экстремистского толка. Автор ставит цель исследовать указанное явление и предложить новые подходы к профилактике правонарушений.

Методы исследования: Путём применения комплекса общенаучных и частнонаучных методов (анализ, аналогия, сравнение, обобщение, формально-логический метод, метод экспертных оценок, социологический опрос) автором предпринята попытка комплексного анализа причин перехода из одной религиозной конфессии в другую, систематизирован определённый набор условий смены вероисповедания.

Результаты исследования: Автором определены предпосылки трансформации проявлений религиозного фанатизма в религиозный радикализм.

Теоретическая/практическая значимость: Результаты исследования могут быть использованы в учебной и научной литературе по различным аспектам теории и истории права, уголовного права, а также в процессе законодательной деятельности по профилактике экстремизма.

Новизна: В статье предложен авторский подход к раскрытию сущности неопитства.

Ключевые слова: неопиты, причины и условия изменения вероисповедания, религиозный фанатизм, радикализация религиозного фанатика, религиозный радикализм.

TRANSITION TO RADICAL RELIGIOUS CURRENTS AS A FACTOR OF CRIMINAL BEHAVIOR DETERMINATION

L. Shurayeva

*National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation
25/1, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russian Federation*

Abstract. Objective. The article considers the phenomenon of neophyteism in the context of the problem of involving new converts in religious extremist trends. The author sets a goal to investigate this phenomenon and propose new approaches to the prevention of violations.

Research methods. By applying a set of general scientific and private scientific methods (analy-

sis, analogy, comparison, generalization, formal-logical method, peer-review method, sociological survey), the author attempts to comprehensively analyze the reasons for the transition from one religious confession to another.

Results of the research. The author determines the prerequisites for the transformation of manifestations of religious fanaticism into religious radicalism.

Theoretical/practical significance. The results of the research can be used in academic literature on various aspects of theory and history of law, criminal law, and also in the process of legislative activity on the prevention of extremism.

Novelty. The author's approach to disclosing the essence of neophyteism.

Key words: neophytes, causes and conditions of change of religion, religious fanaticism, radicalization of religious fanatics, religious radicalism.

Любое религиозное учение выполняет прежде всего смыслополагающую (мировоззренческую) функцию. Отсутствие внутреннего смысла существования индивидуума способно отразиться на социальном самочувствии человека, убеждённости в истинности следуемых принципов, вере в собственные силы и возможности, способности и стремлении достигать поставленные цели, преодолевать трудности, придавать смысл происходящим событиям. Через приобщение к тому или иному религиозному культу человек наполняет свою жизнь смыслом, объясняя себе мироустройство сквозь призму религиозных верований. Посредством соблюдения ритуальной части религиозного учения, различных духовных практик человек приобщается к некоему сообществу, интегрируется в определённую социальную группу.

В этом контексте религия как социальный регулятор способна оказывать значительное влияние на мировосприятие, формировать ценностные установки своих приверженцев. Содержание ценностных ориентиров, в свою очередь, определяет поведение человека в той или иной ситуации, формирует критерии оценки. Религиозный

императив и табуирование снижают уровень критического мышления, воспитывают в последователях религиозных учений послушание, чувство коллективизма.

Подавляющее большинство людей причисляют себя к той или иной религиозной конфессии, как правило, не выбирая, а лишь принимая религиозные обычаи семьи. Принадлежность к религиозной общине не столько внутреннее убеждение, сколько дань национальной традиции. Однако нередки случаи смены одной религиозной конфессии на другую. В данной статье не будем касаться причин перехода верующих в традиционные буддизм, иудаизм, христианство, а также рассматривать проблему вовлечения в деструктивные секты христианского, индуистского толка и пр. С учётом негативной тенденции современного периода, связанной с вовлечением в радикальный ислам этнических русских для осуществления экстремистской и террористической деятельности, интерес представляет выявление причин и условий изменения вероисповедания, а именно перехода из православного христианства в ислам, в том числе его радикальные формы [1].

По разным экспертным оценкам, численность неопитов (новообращённый в религиозном учении) составляет от 3% до 8% в составе террористических организаций, в России – это приблизительно 7000 чел. [5]. Число террористических актов, совершённых неопитами, продолжает расти, что объясняется фактором славянской внешности, не вызывающей подозрение, при подготовке террористических акций. Кроме того, стремление доказать равенство с этническими мусульманами ведёт к росту агрессии и последующей радикализации неопитов. Помимо очевидных преимуществ маскировки, неопитство приветствуется и как лишнее доказательство истинности ислама для этнических мусульман.

По мнению исламоведа Романа Силантьева, переход русских в ислам не является массовым явлением. Русских мусульман очень мало по сравнению, например, с русскими буддистами. Протестантов американского толка полмиллиона, а “свидетелей Иеговы” – более ста тысяч. Христианами в России за последние двадцать лет стали около полутора миллионов этнических мусульман. Проблема заключается в том, что люди, сменившие веру по идеологическим соображениям, идут не в традиционный ислам, а в исламские секты [9].

Попытаемся разобраться в истоках начавшейся исламизации, наиболее очевидной в национальных республиках, традиционно относящих себя к мусульманским. Духовный вакуум, образовавшийся вследствие кризиса коммунистической системы ценностей, оставил многих людей на постсоветском пространстве без морально-этических ориентиров. Попытку

замещения системы морально-этических координат предприняли традиционные конфессии (христианство, ислам, буддизм, иудаизм). Однако вместе с ними на территорию России хлынул поток различных толкователей традиционных учений, в том числе радикальной направленности.

В новоявленные радикальные учения активно начали вовлекаться жители северокавказских республик, особенно молодёжь. А на фоне кризиса социально-политических институтов (коррупция, кумовство в органах государственной власти, органах местного самоуправления, правоохранительных органах, судах), высокого уровня безработицы возникшее неверие молодёжи в наличие перспектив для социально-экономического развития, собственного карьерного роста подтолкнуло их к повальному увлечению различными религиозными учениями. Ведь приобщаясь к религиозной культуре и чувствуя себя частью религиозной общины, молодые люди тем самым повышают самооценку, занимают нишу в социальной иерархии, получают хоть и религиозное, но всё-таки образование.

Коррупционность сферы образования, в свою очередь, стала причиной падения профессионализма при оказании образовательных услуг и, как следствие, снижения общего уровня образованности населения, запущенности культурного и образовательного уровня развития молодёжи. А в условиях отсутствия альтернативных вариантов восприятия мироустройства, представленных в классической литературе, философских трактатах, религиозная трактовка картины мира является наиболее доступной и легко-

усваиваемой, не требующей особых интеллектуальных затрат.

Свойственная человеческой природе необходимость целеполагания, поиска авторитетов толкает молодежь на поиски устойчивой, простой и понятной картины мира. Доступные для каждого ответы на вопросы мироустройства дают не только общепризнанные конфессии, но и новоявленные религиозные течения. Жёсткая регламентация обязанностей, норм поведения, отсутствие вариативности мировосприятия создаёт у адептов религиозного учения иллюзию упорядоченности жизни, чёткую структуризацию оценочных категорий добра и зла, отсутствие двусмысленности. А неразвитый кругозор и узость мышления становятся хорошей платформой для насаждения различных радикальных идей.

В эпоху развития глобальной сети экстремистские идеи легко распространяются через интернет-сообщества, посредством социальных сетей, в блогосфере. А это потенциально неограниченный круг лиц, среди которых не мал процент молодых людей с неустоявшимся мировоззрением и изменчивыми морально-этическими принципами.

Подбор потенциальных неофитов экстремистских организаций осуществляется среди людей, которых условно можно разделить на 4 группы [7]:

– асоциальные личности (участники молодёжных экстремистских группировок);

– люди с серьёзными материальными трудностями, страдающие нехваткой общения, обиженные на власть (наиболее внушаемы, легко принимают идеи радикального ислама);

– люди, на которых у вербовщиков есть компромат, начиная с криминальных ситуаций и заканчивая обычными семейными изменами;

– люди, уже принявшие добровольно ислам.

Председатель общества русской культуры Казани Михаил Щеглов попытался систематизировать причины, побуждающие русских уйти из православия и принять ислам. Стандартные ответы на вопрос «Почему эти русские не в православии?» отражают обычную юношескую протестность: «не нашел в православии ответов», «не нравится православное духовенство», «не нравятся православные каноны и ритуалы», «нет крепости веры у православных», «православным быть немодно и даже опасно». Ответами на вопрос «Почему тогда выбрали ислам?» были следующие: «быть мусульманином выгодно в Татарстане и Дагестане, это помогает карьере», «мода», «общение с мусульманами», «внешняя привлекательность (ритуалы)», «ислам понятен и логичен», «ислам научен». Нередко либеральными и русофобскими СМИ сознательно создаётся негативный образ русских, в результате чего они ассоциируются с «алкашной», «быдлом» и «терпилой», а мусульмане позиционируются как здоровое общество [11].

Получается, что зачастую славянская молодёжь принимает ислам в результате пропаганды, веяний моды, карьерных устремлений. Сильное влияние на принятие решения об изменении вероисповедания оказывают непосредственное окружение (друзья, однокурсники, исповедующие ислам) и место жительства (национальные республики, традиционно исповедующие ислам).

Основными причинами смены религиозной принадлежности представляются следующие:

– религиозные (духовный поиск, потребность в религиозной самоидентификации, приобщении к религиозной общине, следовании религиозным нормам);

– психологические (протест в отношении принятых религиозных устоев и предпочтений в семье, желание самоутвердиться, в том числе путём изменения вероисповедания, необходимость приобщения к тем или иным группам, движениям, “общим” интересам);

– ситуативные (под влиянием, давлением мужа, новой семьи, требование избранника сменить религиозную принадлежность как условие последующего заключения брака, желание сохранить, укрепить имеющиеся отношения с помощью приобщения к новой религии, пребывание в плену в Афганистане, Чечне, в тюрьмах под влиянием сокамерников).

Вместе с тем одних причин для смены вероисповедания недостаточно. Необходим определённый набор условий, который способствует принятию подобного решения:

– информационно-интеллектуальная несостоятельность (недостаточные знания об основах религиозных течений как старой конфессии, так и новой, низкий уровень образования, общего развития, отсутствие мировоззренческой системы координат);

– культурная пропаганда (растущая мода на религиозную принадлежность, религиозную атрибутику, постоянное общение с яркими представителями иной конфессии, рост числа религиозных школ);

– социально-экономическая неустроенность (безработица, низкий уровень оплаты труда, отсутствие карьерного роста);

– социально-психологическая несостоятельность (отсутствие понимания в семье, отсутствие дружеских связей).

В целом переход этнических русских из христианства в ислам обществом воспринимается негативно, в том числе и самими этническими мусульманами. Так, по данным научного сотрудника Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований Российского института стратегических исследований Василия Иванова, в социальном опросе об отношении к русским мусульманам приняло участие 5176 чел., из которых 14% отнесли нейтрально к исламским неопитам из числа русских, 1,8% – приветствовали их выбор, 32% опрошенных отнесли отрицательно, но считают, что это их личное дело, 41% называют таких русских «предателями русского народа» [6; 12]. Основная причина такого острого восприятия неопитства заключается в переходе новообращённых в радикальные течения исламского толка, проповедующие агрессивные методы вероотправления.

Попытаемся разобраться в процессе последующей радикализации неопитов. Любое религиозное учение – это прежде всего набор норм, регулирующих поведение верующих. Религиозные нормы обладают выраженной степенью императивности и обязательности к исполнению. Религия, с одной стороны, регулирует внутреннюю жизнь прихожан в религиозной общине, а с другой стороны, формирует поведенческие реакции

и оценочные стереотипы в мирской жизни.

Вместе с объединяющим началом верующих в единый социум любое религиозное учение в качестве способа внутригрупповой интеграции несёт в себе элемент противопоставления общности иным формам объединения, особенно религиозным. Акцентирование внимания на уникальности и истинности собственного учения, культивирование различий между религиозными группами способно привести к возникновению межконфессиональных конфликтов, перерастающих в конфликты мировоззренческие, межэтнические, социокультурные. «Каждая религиозная традиция претендует на собственную уникальность и превосходство» [4, с. 12].

Присущая религиозным догматам авторитарность приводит последователей к отсутствию критического восприятия религиозной информации, снижает способность к самостоятельному анализу. Безоговорочное послушание, подчинение религиозным требованиям становятся основным критерием оценки праведности и добродетельности последователей религиозных учений. Отказ от подчинения требованиям религиозного культа приравнивается к греху. Постепенно формируется нетерпимость к инакомыслящим, которую можно использовать для разжигания конфликтов, нацеленных на получение политических и экономических выгод, но прикрывающихся религиозными лозунгами.

Религиозное учение претендует на тоталитарное регламентирование жизни верующих, начиная от регулирования бытовых отношений и заканчивая вмешательством в полити-

ческие и социокультурные сферы. Как социальное явление религия способна играть как позитивную (интеграция, регулирование моральных принципов, психическое равновесие), так и негативную роль (культурный регресс, ксенофобия, деление на “своих и чужих”) в жизни человека. Присущий религиям и религиозным учениям догматизм как способ мышления определяет специфическое религиозное сознание, особенностью которого являются подавление критического восприятия окружающей действительности, исключение любых противоречий, не вписывающихся в картину мира той или иной религиозной системы. В приверженцах религиозного культа постепенно формируется та или иная степень фанатизма.

В свою очередь, религиозный фанатик легко управляем, лояльно настроен на любые утверждения и трактовки религиозных писаний верхушкой религиозной организации деструктивного, экстремистского толка. Религиозные фанатики иррациональны в своих суждениях, принятии решений, оперируют иллюзорными представлениями о мироустройстве, плохо адаптированы к реальности, склонны к радикальным мерам утверждения собственных религиозных убеждений. Религиозный фанатик – это прежде всего продукт групповой идентичности. Социализация человека через принадлежность к группе, ощущение себя частью общего обеспечивают приверженцев религиозного течения общественными связями, повышает статус и самооценку, удовлетворяет имеющуюся подробность в чувстве риска, азарта, ведёт к самоидентичности. Религиозный фанатик нетерпим к вещам, выходящим

за рамки его понимания, не вписывающимся в догматическое мышление. Его тотальная убежденность в правильности учения не приемлет альтернативных форм миропознания.

Г. Олпорт выделяет три внутренних источника религиозного фанатизма [8, с. 131–133].

Первый – доктрина откровения, неприкосновенность истины. Эта доктрина ведёт к непреклонному убеждению в том, что тексты священных книг не нуждаются в подтверждении. Неверующие резко осуждаются.

Второй источник – доктрина избранности. Какие бы теологические суждения религия ни провозглашала, тот взгляд, что одна группа является избранной (а другая – нет), немедленно ведёт от братства к фанатизму. Религиозная доктрина избранности питает гордость и жажду статуса – два важных психологических корня предсудков.

Третий источник фанатизма – теократия – потерял значительную часть своей силы. Это доктрина божественного права и божественного принуждения, приведшая к преследованиям и кровавому фанатизму под знамёнами религиозной святости. Согласно этому взгляду, правителям начертано свыше проводить в жизнь с помощью гражданской и военной власти актуальные интерпретации откровения и избранности.

Любая религиозная организация обладает широкими возможностями в сфере установления шкалы моральных ценностей, критериев нравственной оценки, тем самым регулируя поведение и направляя действия приверженцев религиозного учения. Люди воспринимают окружающий природ-

ный и социальный мир не напрямую, а через призму коллективных смыслов, представлений, символов, ориентируя свои действия на определённые нормы и ценности. Поэтому, имея возможность определять или менять символический мир и господствующие ценности, можно так же управлять поведением индивидов групп. Те, кто имеют привилегированный доступ к символическому производству и моральному нормотворчеству, обладают важным властным ресурсом [3, с. 17].

Радикальные религиозные течения широко практикуют манипулирование людьми с психологическими патологиями, акцентуированными, инфантильными, с некоторой степенью нарциссизма, находящимися в состоянии поиска смысла жизни, самоидентификации в социальной иерархии, приобщению к некоей общей идее. Такой тип личности легко поддаётся вербовке и радикализации. А стресс, неудовлетворённость социальным уровнем, недовольство политической ситуацией – те самые условия, которыми умело пользуются в своих психологических манипуляциях идеологи радикальных учений. Ведь на фоне социально-культурной неудовлетворённости жизнью при недостатке личностного и интеллектуального развития религиозный фанатик легко форматируется в религиозного радикала [2; 10].

Процесс радикализации последователей современных религиозных течений исламского толка детерминирован отсутствием глубоких знаний об исламе, альтернативных источников информации, привлекательными и агрессивными призывами джихадистских видео, чувством риска, повы-

шением социального статуса внутри религиозной группы, оказываемым давлением со стороны приверженцев религиозного культа.

В целом явление неофитства не представляет собой ничего исключительного в современной российской действительности. Несмотря на тенденцию к росту, оно не достигает на сегодняшний момент катастрофических масштабов. Сам по себе переход из од-

ной конфессии в другую не представляет никакой опасности. Проблема возникает лишь при радикализации неофитов. В свою очередь, способность к радикализации свойственна определённому психологическому типу, религиозная составляющая для которого является лишь внешней формой и способом проявления внутренней агрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочинин А.В. Религиозные аспекты терроризма в мировой прессе // Всероссийский журнал научных публикаций. 2012. № 4 (14). С. 24–35.
2. Буралхиева Ш.О. Религиозная толерантность как один из факторов межконфессионального мира и согласия // Приволжский научный вестник. 2012. № 1. С. 28–31.
3. Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 352 с.
4. Вуд Дж.Э. Право человека на свободу религий в международной перспективе // Диалогос. Религия и общество. М.: Истина и жизнь, 1997. С. 10–18.
5. Гусев Д., Самохина Д., Дерзаева А., Матюшина Т. Организаторами терактов всё чаще становятся исламисты-неофиты [Электронный ресурс] // Справочник Астрахани: [сайт]. URL: <http://astrahan.spravker.ru/news/organizatorami-teraktov-vse-chashchestanoviatsia-islamisty-neofity.htm> (дата обращения: 27.10.2017).
6. Иванов В.В. Распространение радикальных течений ислама в среде русского населения Поволжья и его последствия [Электронный ресурс] // Агентство политических новостей: [сайт]. [2014]. URL: <https://www.apn.ru/publications/article30877.htm> (дата обращения: 08.10.2017).
7. Неофиты – резерв терроризма? // БезФормата.ru. URL: <http://salsk.bezformata.ru/listnews/neofiti-rezerv-terrorizma/23102847/> (дата обращения: 04.11.2017).
8. Олпорт Г.В. Становление личности. М.: Смысл, 2002. 462 с.
9. Сапожникова Г. Почему русские, переходя в ислам, зачастую становятся ваххабитами? [Электронный ресурс] // Комсомольская правда: [сайт]. URL: <http://www.kp.ru/daily/25637/801657> (дата обращения: 15.10.2017).
10. Сосковец Л.И. Религиозная толерантность и свобода совести: история и теория вопроса // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 2. С. 177–180.
11. Сулейманов Р.Р. Русские мусульмане в постсоветской России: причины неофитства, положение в исламской среде, реакция государства и общества [Электронный ресурс] // Агентство политических новостей: [сайт]. [2012]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article27336.htm> (дата обращения: 08.10.2017).
12. Сулейманов Р.Р. Русские мусульмане: классификация групп, проблема радикализма, отношение к ним в России [Электронный ресурс] // Агентство политических новостей: [сайт]. [2016]. URL: <https://www.apn.ru/publications/article34749.htm> (дата обращения: 08.10.2017).

REFERENCES

1. Bochinin A.V. [Religious Aspects of Terrorism in the World Press]. In: *Vserossiiskii zhurnal nauchnykh publikatsii* [All-Russian Journal of Scientific Publications], 2012, no. 4 (14), pp. 24–35.
2. Buralkhieva Sh.O. [Religious Tolerance as a Factor of Interfaith Peace and Harmony]. In: *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Privolzhsky Scientific Bulletin], 2012, no. 1, pp. 28–31.
3. Volkov V.V. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Power Enterprise, the Twenty-First Century: Economic and Sociological Analysis]. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg Publ., 2012. 352 p.
4. Wood J.E. [Religious Human Rights in Global Perspective]. In: *Dia-Logos. Religiya i obshchestvo* [Dia-Logos. Religion and Society]. Moscow, *Istina i zhizn'* Publ., 1997, pp. 10–18.
5. Gusev D., Samokhina D., Derzayeva A., Matyushina T. [The Organizers of Terrorist Attacks are Increasingly Becoming Islamist Neophytes]. In: *Spravochnik Astrakhani* [Handbook of Astrakhan]. Available at: <http://astrahan.spravker.ru/news/organizatorami-teraktov-vsechashche-stanoviatsia-islamisty-neofity.htm> (accessed: 27.10.2017).
6. Ivanov V.V. [The Spread of Radical Islam among the Russian Population of the Volga Region and Its Consequences]. In: *Agentstvo politicheskikh novostei* [Political News Agency], 2014. Available at: <https://www.apn.ru/publications/article30877.htm> (accessed: 08.10.2017).
7. [Neophytes: the Reserve for Terrorism?]. In: *BezFormata.ru*. Available at: <http://salsk.bezformata.ru/listnews/neofiti-rezerv-terrorizma/23102847> (accessed: 04.11.2017).
8. Olport G.V. *Stanovlenie lichnosti* [Personality Formation]. Moscow, *Smysl* Publ., 2002. 462 p.
9. Sapozhnikova G. [Why Do Russians Converting to Islam Often Become Wahhabis?]. In: *Komsomol'skaya pravda*. Available at: <http://www.kp.ru/daily/25637/801657> (accessed: 15.10.2017).
10. Soskovets L.I. [Religious Tolerance and Freedom of Conscience: History and Theory of the Question]. In: *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of Tomsk Polytechnic University], 2004, vol. 307, no. 2, pp. 177–180.
11. Suleimanov R.R. [Russian Muslims in Post-Soviet Russia: Causes of Neophytes, the Situation in the Islamic Environment, State and Society Reaction]. In: *Agentstvo politicheskikh novostei* [Political News Agency], 2012. Available at: <http://www.apn.ru/publications/article27336.htm> (accessed: 08.10.2017).
12. Suleimanov R.R. [Russian Muslims: Classification of Groups, the Problem of Radicalism, the Attitude to Muslims in Russia]. In: *Agentstvo politicheskikh novostei* [Agency of political news], 2016. Available at: <https://www.apn.ru/publications/article34749.htm> (accessed: 08.10.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шураева Луиза Муратхановна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации;
e-mail: vnii-ufo@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Luiza M. Shurayeva – PhD in Law, senior researcher, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation;
e-mail: vnii-ufo@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шураева Л.М. Переход в радикальные религиозные течения как фактор детерминации преступного поведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 118–127
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-118-127

FOR CITATION

Shurayeva L.M. Transition to Radical Religious Currents as a Factor of Criminal Behavior Determination. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 118–127
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-118-127

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2018. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор Д.В. Дмитриев
Переводчик Е.А. Кытманова
Корректор И.К. Глузунов
Компьютерная вёрстка – Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8,25, усл. п.л. 8.

Подписано в печать: 29.06.2018 г. Дата выхода в свет: 02.07.2018 г. Заказ № 2018/06-10.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А